

Владимир
Коровин

**ОТ НАЧАЛА ЙОГИ
К МИСТИЧЕСКОМУ
ПОЗНАНИЮ БОГА**

УДК 1
ББК 86.3
К 69

Коровин В. Н.

К 69 От начала йоги к мистическому познанию Бога. — М.:
Профит Стайл, 2012 — 272 с.

ISBN 5-98857-235-9

Книги этого мистика были написаны Всевышним. Это вечное откровение Господа или лучше скажем, Единого величайшего. Впервые со времен Кришны, воплощения Бога в Индии и его книги Бхагават-Гиты, Корана Аллаха и Библии Иеговы, впервые звучит вечный голос для всей Земли. Величайший, кто существует, кто хочет обнаружить миру свою реальность.

Публикуется в авторской редакции.

© Коровин В. Н., 2012

© Профит Стайл, оформление, 2012

ISBN 978-5-98857-235-0

ЧАСТЬ 1. НАЧАЛО ЙОГИ. ОЗАРЕНИЯ РАЗУМА О МИСТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

ГЛАВА 1. ПЛАНЕТАРНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ РАЗУМА, ЕЕ ДОСТОИНСТВА И ОГРАНИЧЕНИЯ

Если вообще возможно говорить о некоем направленном эволюционном движении человеческого рода, а не только о бесконечном и никуда не ведущем повторении, то очевидно, что это движение должно пройти через определенные стадии. В таком случае период управления жизнью со стороны интеллектуального и разумного начала — одна из необходимых в некоторой последовательности фаз. Так что же это за фаза, между чем и чем? Каково место духовности в ней и какова ее возможная роль в трансформации современности в то, что придет за ней?

Для начала бегло взглянем на сущность и характерные черты интеллекта. Интеллект или разум есть принадлежащее человеку орудие, погруженное в среду ментальных образов, мыслей и слов и оперирующего с ними посредством рассуждения, памяти, воображения и прочих родственных сил. Ментальность или разум, безусловно, не единственная форма человеческого сознания. Она сосуществует с витальными, подсознательными и другими формами в обширном психическом космосе, но именно она увенчивает пирамиду человеческой природы. Она вырывает человека из животной подсознательности или полусознательности, дает ему культуру, материальный комфорт и хотя бы частичную власть над внешней и внутренней природой. Она одаривает его самосознанием, личностью, возможностью индивидуальной свободы. Она приносит ему идеалы творчества, личного саморазвития, морального благородства и человеческого совершенства. Интеллект дает человеку теоретическое и

прагматическое знание вещей, позволяет увидеть мир и хотя бы приблизительно верно оценить свое место в нем. Он позволяет человеку определить цели своей жизни и подобрать подходящие средства их осуществления, а также поставить под частичный контроль культуры хаотичные витальные влечения и социальную жизнь общества. Все это справедливо.

Вместе с тем разум обладает ограничениями, укорененными в его природе. Он — не орудие точного и непогрешимого знания, а орудие знания, наполовину или чуть более верного, а иногда — и заблуждения. Он не может полностью гарантировать достоверность своих заключений и нередко движется на ощупь, в стихии, подвластной множеству сомнений. Он сочетает истинные, ложные и полуистинные тезисы и подвергает ревизии свои собственные выводы. К тому же знание его частично. Целое, бесконечность и Единое недоступны ему наяву, но лишь брезжут за нарастающей массой деталей. Он, правда, нередко формулирует идею Бога, бесконечности или Абсолюта, и этим поднимает человека ввысь. Он доказывает ее логикой и строит из согласованных между собой идей философскую и богословскую систему, увенчанную своей концепцией Бога или Абсолютной реальности. Так он созидает свои возвышенные, полунебесные замки мысли. Понятие Бога — высокая идея, это парение философии и теологии в небесах возвышенного интеллекта. Он нацелен своими размышлениями на сверхчувственную реальность и на сам Абсолют, Господа или вечность. Это — его умозрительное почитание наивысшей святости, но она остается логическим понятием, а в саму субстанцию бесконечного бытия разум не проникает. Он не чувствует реально эту бесконечность, единство всего и Бога.

Устройство разума таково, что в потоке мыслей, пробегающих во внутреннем ментальном поле, в каждый определенный момент он видит только одну. В пределе это часто приводит к аналитичности, к стремлению четко определить понятия, зафиксировать значения и отделить их друг от друга. Таким образом, разум чаще смотрит на мир через очки мозаично-расчленяющего зрения. Любая познавательная целостность обычно расчленяется разумом на смысловые фраг-

менты, из которых потом во многом искусственно собирается система, моделирующая объект. Это — рассудочный аналог целого и живого единства. В поле расщепления смысла попадают многие вещи — и природа, и культура. Затем они собираются в единую схему, концепцию или систему.

Конечно, это сила анализа и сила познающего интеллекта. Это сила человеческого познания, которая отсутствует у животного, дикаря и варвара и которая возвышает человека разумного над ними. Это и есть сфера действия разума, высшей силы человека. Наука и философия — это не произвольное мнение обывателя, а строгое познание через теорию и систему идей. Наука использует математику и логику, она подтверждает свои выводы опытом и экспериментом. Правда, она познаёт лишь физический мир, но это — сила интеллектуального и экспериментального познания мира. Философия поднимается выше и в величественном размышлении пытается уловить сущность мира как целого, сущность разума и Бога. Она, если это — не материализм, поднимает умственный взор человечества ввысь. Она составляет стройные системы идей и связывает их логическими доказательствами. Она вопрошает о предельных вещах и первых основаниях бытия и силой разума пытается постигнуть мир. Кое в чем она получает истинные ответы, кое в чем ошибочные или приближенные к реальности, но это — высокий полет ума человечества. Это критическое к себе размышление, строгая сила идей, их систем и логики. Наукой и философией движет бескорыстная любовь к разуму и интеллектуальному познанию.

Вместе с тем, когда разум познаёт или пытается познать мир, объект отделяется от субъекта, человек внезапно оказывается перед миром, а мир и Бог — вне человека. Это связано опять-таки с природой интеллекта: мысли не дают живого ощущения объекта, его интимного переживания и прикосновения его бытия, но только образы и представления, ставящие на место предмета его ментальные копии. Конечно, разум — это высокое орудие и сила человека, возвышающая его над животными. Это сила более-менее точного познания мира. Однако того переживания, в котором человек

ощущает себя нераздельной с вещью, а в частности, с Богом, и растворенным в них, интеллект не достигает. Он дублирует объект во внутреннем понятии, схеме, мысли или представлении, отграниченном от того, что в нем представляется. Мысль и понятие не видит наяву и не погружается в саму вещь. Погруженный в свои представления, человек пребывает вне представляемых вещей, не имеет с ними непосредственного контакта. Конечно, это более высокая сила, чем животного инстинкта и витальной жизни обычного человека, занятого повседневными делами, но над ней, в свою очередь, есть, видимо, более высокое — мистическое знание. Идеи и понятия — конечно, это сила возвышенной, абстрактной, обобщающей мысли. Их пространство выше вещей физического мира и сферы эмоций. Вместе с тем эти ментальные дубли реальности несколько безжизненны и абстрактны, они подменяют мир, и это еще не очень плохо, но также подменяют и реального Бога и вечное Бытие. В пределах ментального познания познавать и мыслить — это одно, а жить и действовать — нечто иное, так что большую часть своей действительно возвышенной над повседневными заботами жизни человек проживает в мыслях, словах и понятиях. Это относится не только к возвышенному мыслителю и логике. Человек может читать о необитаемых островах вместо того, чтобы открывать их, болеть за футбольную команду вместо того, чтобы самому гонять мяч, или анализировать доказательства Божьего бытия вместо того, чтобы своей жизнью слиться с необъятной бездной живого Бога. Конечно, человек разума построил свой замок идей более-менее высоко над приземленной реальностью, и данный замок — это возвышенное и достойное местообитание ума человека. Но над его строгой и отточенной формы крышей есть еще более высокие сферы жизни, света, любви, знания и бесконечного бытия. Полярность субъекта-объекта внутренне присуща разуму, поэтому, если за его пределами нет иной, более высокой, например, светоносной и мистической формы сознания, то она неустранима.

Другая особенность устройства машины интеллекта — это его «деятельностный» характер. Суетливый бег сменя-

ющих друг друга мыслей разворачивается как непрерывная временная последовательность, в которой не оставлено место для бездвижного Вечного Бытия. Не выйдя за пределы ума, за пределы потока мыслей, эту ментальную машину невозможно остановить почти ни на миг. Ее возможно только подчинить внутренней организации и целесообразному руководству систематического мышления, которое направляет все процедуры рассуждения, воображения, логики к определенному результату. Это, конечно, сила познания, интеллекта, сила и достоинство человека. Это сила систематической мысли, теории, философии, науки и аналитического и разумного подхода к мирозданию. Это сила рационального оперирования со строго сформулированными идеями и выстраивания их в цепочки логических умозаключений и формирования из них обширных, широкоохватных систем. Вместе с тем это и его ограниченность. Интеллект не способен созерцать, ибо для этого он должен встать к объекту в отношении неподвижного безмолвного «внятия». Это противоречит его природе «ментального конвейера», ни на миг не прекращающего своего вечного движения. Не может он, застыв в вечном покое и полном безмолвии мысли, слиться с великим бытием Бога. Есть иное знание, наяву постигающее вечное Бытие. Интеллект же должен долго и немного нудно, подобно кропотливому муравью, накапливать фактуру, расчленять, обобщать, синтезировать, чтобы в итоге сфабриковать некий фрагмент или систему интеллектуального знания. Он должен построить завод или химическую лабораторию: объект познания в качестве сырья протягивается через различные интеллектуальные валы, прогоняется через ментальные реторты, и на выходе получается готовый рациональный продукт. Это — его сила науки, концепции и размышляющей мысли и, вместе с тем, его ограниченность. Он, конечно, дает строгое, логичное, сформулированное в точных понятиях знание, помогает понять человеку себя, мир и сформулировать идею Бога, но его знание отнюдь не абсолютно.

Посмотрим теперь на планетарную цивилизацию Запада, где Разум — у руля. В действительности она только от-

части может быть названа цивилизацией разума, ибо ее истинная основа — полуживотная природа Homo rationalis со всей обычной игрой его витальных сил и чувственно-физического ума. Тонкий слой интеллектуальной ментальности лишь слегка прикрывает ее сверху и частично пропитывает изнутри. Игра сменяющих друг друга концепций разума, воплощающихся в экономические, политические, культурные, идеологические системы, лишь упорядочивает и перереорганизует жизнь, но не меняет ее сути. В современной цивилизации разум остается руководящей инстанцией, но эта его роль довольно номинальна.

Ведь разум стоит вне жизни, значит, он не может толком управлять ею изнутри. Разум лишь извне накладывает свои идеи и нормы. Даже в границах индивидуальной психики интеллект не способен поставить под полный контроль систему витальных импульсов (раздражение, агрессия, честолюбие, страх, сексуальность и т. д.), а тем более радикально изменить эту витальную природу человека. Он, конечно, возвышает человека над данными импульсами, и это — достоинство человечества, но полностью подчинить ее он, в отличие от идущего по духовному пути подвижника и аскета, не может. Он может лишь дать ей иные, социально более безопасные каналы выражения; он может сублимировать, немного облагородить, а иногда — подавлять, но не преобразить. И репрессированная природа иногда берет свое, и в конце концов может вырваться наружу, хаотично и бесконтрольно. Мораль — это высокая, полусветлая сила человека, она поднимает его над демоном и зверем и делает его добрее и немного праведнее. Мораль дает человеку возвышенный закон поведения, делает его лучше и гуманнее. Мораль — сила добродетели, нравственного закона и моральных принципов, норм и идеалов. Она немного поднимает человека над его хаотичными или жестокими импульсами витальности и зверства. Мораль во многом создается разумом, однако созданная ментальностью социальная мораль иногда похожа на компромисс. Человек, живущий в интеллекте, то отдается хаотичному витальному потоку, то морализирует по его поводу и упорядочивает свыше. Он то

поднят над ней в сферу рациональной морали и возвышенного интеллектуального размышления, то погружен в животноподобное варварство. Волна возвышенных разумных теорий и рационального исчисления мира и социума XVII-XIX вв. и всплеск долго сдерживаемой хаотичной витальности XX века последовательно накатывались в европейской истории.

Разум не вполне в силах управлять этой витальной стихией. Его ментальная воля, такая твердая в своих намерениях, через три часа или наполовину незаметно для себя оказывается игрушкой в руках тех самых витальных сил, которыми она намеревалась командовать. Поэтому в действительности именно витальные импульсы определяют жизнь и интересы современного человечества, используя разум в качестве своего инструмента и ширмы. Цивилизация Запада во многом утилитарна и гедонистична; удовлетворения витальных влечений и наслаждение жизнью в ней во многом составляют конечную цель всех стремлений. Хотя достигается оно посредством организованного интеллектом социального механизма. Гонка за комфортом, удовольствием, богатством и властью во многом является центральным движущимся мотивом бешено ускоряющегося технического и экономического прогресса. И это вопреки той угрозе, которую они таят для живой оболочки Земли, и укорененности человека в вечном Начале, в Боге, в великом таинственном Истоке всего, что есть.

Но материализм и гедонизм, торжествующие в массовой идеологии и психологии современности, вовсе не вытекают как неизбежные следствия из сущности самого интеллекта. Разум свободен и плюралистичен, окончательная истина относительно предельных метафизических вопросов прямо не открыта ему, поэтому в его структуре могут получить равное оправдание материализм и идеализм, гедонизм и аскетизм, утилитаризм и возвышенный эстетизм. Интеллект на своих вершинах часто склоняется к идеализму, к возвышенным философиям разума, и над ними — самого Предвечного или Абсолюта; и из этих первоначал он тогда рассматривает весь мир. Это — пики европейского созна-

ния. Разум выше мира мертвых физических объектов и выше живой витальной стихии страстей и импульсов; он — сила человека и достояние Европы.

Поэтому проникнутая разумом и свободная цивилизация Запада выше первобытности, варварства, витальной цивилизации инстинкта и цивилизации где правят беззаконие, тирания или право сильного. Ее идеалы — разум, гуманизм, свобода или свобода и демократия. Она покончила с варварством, бесправием или жестокими пытками, установила законы, которым подчиняются и простые люди, и правители, ограничила право сильной руки бесконтрольно навязывать свою волю гражданам или применять к ним насилие. Ее силы — свобода, просвещение, прогресс. Вместе с тем она слишком любит материальное богатство и преходящие чувственные удовольствия.

Одностороннее предпочтение, отданное именно материалистически-гедонистическому мировоззрению и жизненной тактике, связано скорее не с природой Ума. Оно больше вызвано тем, что, воссев на кресло генерального диспетчера человеческой природы и тем самым приняв на себя неблагодарный труд контроля за ее низшими проявлениями, которыми он может овладеть в полной мере, интеллект не выдержал, поддался и пошел на поводу у алчущей человеческой витальности.

Тем не менее разум возвышается над животным и повседневным миром человеческого познания и во многом облагораживает человеческое действие. Познание, обеспечиваемое интеллектом, внелично, точно и универсально. Потенциально оно может охватывать любые физические объекты, и его результаты может использовать все человечество, без различия расы и национальности. Разум — это сила, стоящая над телом и витальностью, и его познание — это возвышенная стихия человеческого существования. Вместе с тем оно фрагментарно, мозаично и не способно постигнуть Вселенную в ее целом. Оно не абсолютно и релятивно. Разум часто плетется в хвосте у чувственных данных, хотя и превосходит их в логике, математике и обобщающей их теории. Она дает математическую и рассудочную строгость его познания физического мира, но ограни-

чивает только зримым миром материальных объектов. Если разум хочет смотреть выше, то он попадает в страну абстрактных умозрений метафизики, которая оперирует логикой и возвышенно размышляет о идеях, разуме, Боге и Абсолюте, а также строит высокие и всеохватывающие системы ума. Вместе с тем разум не знает, что есть Это величайшее на самом деле. Он строит одну систему умозаключений о нем за другой, опровергающих одна другую, но ни одна не достигает погружения в Бога наяву. Это — его высь и достоинство, но и его бессилие познать наивысший объект мысли. На основании опыта он может знать только физический мир и во многом — самого себя. Отчасти выше физического мира и тем более выше самого себя он составляет возвышенные и иногда святые, но чисто умозрительные системы идей.

Действие, которое вырастает из вышеописанного познания, — это чаще всего техническое действие. Оно подходит к миру и его частям как к внешнему объекту, и порой — как к лишенному жизни агрегату и кибернетической системе. Предмет изымается из целостности мира и великого Единства, разбирается на блоки и собирается, конструируется так, как это программирует вычисляющий рассудок, который помещает его в искусственно созданную приборно-техническую среду. И это — только материальная среда. Конечно, это сила и умеренная высота интеллектуального познания. Техника основана на силе довольно точного познания природы научным разумом в его практическом применении. Это мощь техники и прогресса цивилизации, основа растущего материального достатка. Это сила вечного прогресса, направляемого научным разумом в его практическом приложении. Но есть и иное, высшее, сокровенное знание, которое видит во всем единство, бесконечную Сущность или Бога, и всё — как его проявления.

В средние века Господом реальности был христианский Бог. Он помещался в центре реальности и в ее светоносной высоте, а человек исполнял его волю. Потом, в XVII — начале XIX вв., в средоточие мира поставили разум. Это был некий шаг вниз от святости средних веков. Вместе с тем это была высота человека еще над миром страстей и тела. Этот

разум создал науку с ее точным познанием мира и составил высокие философии разума у Декарта и Канта и еще более высокие философии Бога у Лейбница, Спинозы, Вольфа, Гегеля. В этих последних опять не человек, а величайшая Реальность — центр мира. Она постигнута здесь уже через идею, и это ниже реального слияния с Богом мудреца или видения света святым. Но все же это возвышенный умозрительный замок разума, возведенный над землей.

Европейская цивилизация, несмотря на свои недостатки, все же была царством свободы и во многом — царством разума. В западном свободном мире человек выступает как отдельный индивидуальный субъект. В коммунистической империи он — коллективный субъект, где его совокупной активностью правит диктатура партии или кучки тиранов на ее верху. Они подавляют свободу человека, заливая свою страну кровью. В нацизме таким субъектом выступает нация или раса, руководимая партией и вождем, во имя которых проливается кровь. Приходит царство диких инстинктов, их вакханалии. Свободные страны Запада не скатываются до этого: там царит власть разума, закона и неприкосновенности свободной личности. Свобода, цивилизация, разум, наука, философия, права человека и демократия — это достоинства Запада.

Разум и мораль могут возвысить и облагородить человеческое эго, но не могут устранить его полностью. Вначале эго было рождено низшей полуживотной природой как эволюционное средство для самосохранения и самозащиты обособленного существа в мире витальной хищно-органической жизни. Разум и развитая социальность с ее умеренной моралью поднимают и облагораживают это эго.

Но в бытии человека чувство эго проявляется как представление отграниченного от окружающего мира и имеющего центр в самом себе индивида, во многом с его эгоцентризмом, а то и эгоизмом, и порой со страстными вожделениями к вещам. Преобладание эго в некоторой мере отсекает человека от единства мира и тем более от Бога — от великого космического единства всего сущего, от бездн бытия Единого, которые в каждый момент ощущали мудрецы древно-

сти. Цивилизации Востока видели мудрость бытия — великое и таинственное, но открытое им существование Бога, дао или нирваны. Они считали, что существование переполнено вечностью и смыслом, и дело человека — найти его под покровом тайны, погрузиться в него и слиться с ним в одно целое.

Обычный человек современности порой никуда не идет, так, как шел, например, монах: всю жизнь — только к одной цели, к спасению души. Благодаря любви к Богу он восходит в вечный свет и блаженство, видит небесные сферы нездешней красоты и живет в святой близости Господа. Напротив, дитя индустриальной цивилизации (как, впрочем, и простой человек разных времен и эпох) нередко не знает, какова высшая цель его существования на земле. Философия взамен во многом ушедшей религии нередко дает ему ответ на этот вопрос, отрывая его от земли в царство чистого разума или умозрительного понятия Бога. Это шаг ввысь от тела и инстинкта. Вместе с тем она не дает наяву коснуться неба или Бога и не всегда может помочь в обретении смысла жизни. Это связано с ограниченностью интеллектуального познания. Предельные вопросы бытия в полной мере неразрешимы для разума; попадая в возвышенную стратосферу метафизики, он порой парит в пустоте. Конечно, это высокий полет мысли человека, его альпинистский марш-бросок к разуму, к вечным идеям, к Абсолюту или Богу. Это высота и гордость европейской цивилизации, ее сила разума, логического познания мира и разреженных высот ее метафизики. Вместе с тем у разума нет никаких окончательных данных и никакого достоверного опыта для решения вечных проблем. Святой и мистик решает их наяву, видя сияющий свет или небесные миры или сливаясь с бездной Бога. Разум же рассуждает о них, но не имеет прямого соприкосновения с ними. Интеллект свободен, он сам может выбрать свое мировоззрение или свою философию, и в этом его преимущество перед мертвым камнем или тоталитарной диктатурой. Но одновременно любые философские позиции равно оправданны и равно односторонни, любое их предпочтение есть произвольный априорный акт. Их

синтез, как у Гегеля, — это возвышенное дело обширного, всеохватного интеллектуального видения, это высокая синтетическая философия Бога. Но все же это — опять абстракция мысли. Возвышенные, приподнятые над миром, сильные разумом, но вместе с тем абстрактные и произвольные концепции метафизического целого, с одной стороны, и точное, достоверное, но мозаичное и утилитарное познание эмпирических фрагментов — две формы интеллектуального знания.

Мир стал выше через развитие разума и европейскую цивилизацию. Научное и философское познание бытия удовлетворяет любознательность человека, его возвышенный интерес к познанию. Он оставляет сферу страстей и телесной жизни и входит в страну мыслей, идей, теорий и интеллектуального постижения. Но он может стать еще выше, когда эволюция полуживотного, проходящая через разум, станет эволюцией в духе. Поднявшись над интеллектом, человек обычно сначала войдет в свое сердце. Это духовное сердце, оно переполнено блаженством и любовью. Оно озаряет человека лучами радости и поит нежностью его бескорыстной любви. Оно пробуждается через любовь к Богу и концентрацию в середине груди; его любовь горит языком чистого пламени и потоками льется на все существующее. А дальше человек может влиться в бездну Бога, и это — следующая ступень восхождения.

Современный человек пока не нашел эту величайшую Реальность, которая сбудется исполнением его самых высоких, хотя пока еще скрытых устремлений. Все так же, как и 10 000 лет назад, человек стоит перед мучительной загадкой своего бытия, перед лицом своих хрупкости, смертности и затерянности в бесконечном мире. Все так же целую жизнь он без конца крутится в колесе своих ничтожных интересов и мелких страстей. И все так же порой поднимает взор к светлому небу, чтобы вспомнить слова святых и мудрецов о том, что внутри него пребывает живой источник любви и счастья, который он пока еще не открыл, и над ним его ждет великая, превышающая все дали мира бесконечность, в которую он еще не погрузил себя.

Неизбежным результатом гедонизма является утилитарный взгляд на мир как на источник энергии и сырья. Этот взгляд безразличен к вопросу, как и для чего мир существует сам по себе и как он прореагирует на попытку превратить его в простую бензоколонку. Как замкнутый в своем эго человек сможет увидеть лучащийся от каждой травинки и каждого муравейника свет Бога и свет любви и как он сможет стать любящим братом и всем людям, и живым творениям, любящим и хранящим хозяином Земли под кровом Господа? Замкнутый в своей скорлупе человек не может стать другом всем созданиям и любящим святым. Он утрачивает ощущение великого единства, пронизывающего мир; ощущение вечного бытия и Бога, истинной родины человека, осеняющей его. Технический человек порой рассматривает мир как арену своего произвола, формирующего безразличный материал посредством внешнего технического оперирования с его безжизненными агрегатами. Мир рассматривается материализмом и нередко научным разумом как неживая материальная масса, как поле действия формальных причинно-следственных цепей и законов. Конечно, наука довольно точно познаёт мир и ставит его на службу человеку, что приводит к прогрессу человечества, к развитию цивилизации и к росту благосостояния людей. Но при этом забываются более высокие сферы, сначала — сфера чистых идей, идей разума, поднятых над земным миром в свою полунебесную обитель. К этой стороне человек часто поднимался в предшествующие, до трети XIX века, столетия своей истории. Во-вторых, забывается еще более высокий Бог — великая бездна бытия и всемогущая личность. Забывается и единая, пронизывающая мир жизнь, безбрежное космическое сознание древних мудрецов, которое собирает мир в тысячеголосое единство, где все пребывает на своем месте в скрытой гармонии и единстве целого.

Какие же возможности изменения этой научно-технической, управляемой разумом, но во многом материалистической цивилизации? Первая возможность — дальнейшее развитие в уже установившемся направлении. Это количественные изменения, смена поколений машин, рост материального ком-

форта и усовершенствование социально-политической системы либерализма в уже существующих границах и рамках. Именно к этому зовут все либеральные и технократические проекты общественного развития. Они, конечно, стремятся сохранить свободную, демократическую цивилизацию Запада, власть закона и права, свободы слова и политического выбора, всеобщее образование и просвещение. Однако их авторов устраивает нынешнее полуживотное состояние человеческой природы, сверху прикрытое более возвышенной крышей разума, с более развитым интеллектом у некоторых избранных. Они хотят не радикально менять эту вожделеющую и гедонистическую природу, но облагородить ее сверху и дать ей все условия комфорта и благополучия. Конечно, свобода индивида как ценность должна сохраниться, и тирания не должна быть возрождена. Должны сохраниться научно-технический прогресс, развитие познания, шествие цивилизации, свободы и просвещения. Но этот прогресс у них часто должен удовлетворять в основном лишь материальные нужды и запросы человека. А что касается фундаментальной смертности человека и отсутствия его глубинного смысла жизни, то для них эта проблема иногда ограничивается только стороной улучшения внешних условий существования. Конечно, над этим материально-техническим раем построен небольшой дворец культуры, но он лишь немного поглощает досуг большинства и служит целью жизни для не очень многих. В принципе, может вернуться та ситуация, когда упавший ныне престиж разума и опустившейся во многом философии конца XIX–XX вв. будет восстановлен, и над западным миром снова воцарится страна чистого разума и чистых идей XVII — начала XIX вв., куда войдут все, жаждущие интеллектуального познания. Но этот путь и эту стадию, пусть и отнюдь не низшую, мир уже прошел. Она возвысит человека, но вряд ли приведет к принципиальному и полному разрешению фундаментальных проблем человеческого существования.

Второй вариант развития просчитывается неконформистами и культурокритиками, которые видят проблемы цивилизации, недовольны существующим положением вещей

и требуют его более-менее радикального изменения. Главное предлагаемое средство — смена основ культуры, мировоззрения и стилей мышления современного человечества. Это может привести к дальнейшему движению и развитию. Однако это предложение имеет один изъян: любое изменение мышления и культуры совершается в пределах разума и не выходит за его пределы. Но разум и так правил Европой три, пять или два века. Пусть это и возвышенные перемены, но они не ведут за рамки того же типа сознания в самом фундаментальном принципе. Ни одно изменение человеческой культуры не способно сильно изменить витальную или страстную и вождедеющую основу человеческой природы. Ни одно изменение в пределах рассудочного мышления, хотя и может возвысить человека до уровня чистой мысли, идеальной культуры и идеи Бога, не способно дать ему изведать этого последнего наяву. Либо существует сознание за пределами разума, более великое и светлое, а то и бесконечное, либо любая попытка дальнейшего возвышения человечества не достигнет полностью своей возвышенной цели.

Это иное сознание ищут адепты третьей возможности, настаивающие на возврате к более изначальной человеческой природе. Они находят ее в витальной жизни и витальном сознании. Эту возможность представляет, например, философия жизни, во многом — Шопенгауэр, Ницше, адепт безжалостной воли к власти и аморализма, Фрейд или Маркузе и франкфуртская школа фрейдомарксизма, ведущие мир вниз, к сексуальной животности. Это — путь по нисходящей тропе инстинкта. Либо это те, кто снова навязывает власть тиранов без ограничений и законов. Но, спрашивается, что может означать возврат к виталу? Полную ликвидацию Разума? Это означает уничтожение мышления, речи, письменного слова, культуры, цивилизации и человеческого образа жизни. Без помощи интеллекта невозможно эксплуатировать машины, энерго- и теплосети, учить детей в школах и студентов в вузах, управлять государством и т. д. Фактически это возврат к человеку уровня каменного века и к уровню ниже Робинзона. Современный человек, безусловно, уже не способен на это, в таких условиях он попрос-

ту погибнет. Но кроме того, что это абсурдно, это еще неосуществимо. Ментальный конвейер — неотъемлемая часть человеческой машины, и ликвидировать его простым волевым усилием так же невозможно, как и механизм витальных импульсов или физических потребностей. Пусть кто-нибудь попытается хотя бы на день остановить поток мыслей и внутренней речи, и сразу станет ясно, что человек бессилён по своему желанию освободиться от собственного ума. На самом деле это достигается в долгой, упорной практике медитации буддистскими и индуистскими мудрецами и монахами, чтобы таким образом установить полный покой в уме и влиться в нирвану или Бога.

Тогда, вероятно, возврат к витальному сознанию должен означать превращение разума в послушное орудие витальности и страсти и перестройку его природы в соответствии с требованиями последних. Это будет более чем наполовину ночь зверя, а то и демона, инстинкта и страсти над землей, с разумом, служащим орудием этой низшей животной природы. Это приведет к невообразимому социальному хаосу и к тому, что сам человек поплывет на поводу у своих страстей либо будет разорван между противоречащими витальными импульсами. Это шаг вниз и шаг назад, во многом опять на бурную, импульсивную, хаотичную и порой кровавую зарю человечества, с разумом в виде простого орудия всевластных страстей и инстинктов. Частичный же шаг назад уже сделан современной цивилизацией в виде сексуальной революции и боевика, что и родило новую власть порыва и импульса животного или зверского человечества, идущую от Фрейда и Ницше. В этом же ключе можно понять и мировые войны, в некоторой мере рок-музыку, особенно тяжелого стиля, и коммунистические и нацистские диктатуры. Это — пусть вниз, в варварство ниже разума, а не выше него.

Остается единственная возможность сделать шаг ввысь и вперед, на пути восходящей эволюции человечества. Это возможно, если имеется еще одно сознание, не ниже разума, как витальность, а выше его. И вот представители учений, именуемых духовными и мистическими, утверждают суще-

ствование такого сознания. Они позволяют достичь светозарной природы небес или высочайшей природы самого Бога. Пусть к ним — духовно-аскетическая практика. И поднятие человека на эти сверхрассудочные уровни должно не ликвидировать старую цивилизацию и культуру Запада, но превзойти ее и интегрировать с собой в иерархически организованную общность. Духовные достижения станут там более высокими пиками восхождения человечества, чем разум, культура, наука, философия и искусство; они будут ступенью над человеком в образе зверя или витального существа.

ГЛАВА 2. СУЩНОСТЬ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

1. Если в поисках ответа на наш вопрос мы желаем найти чистую духовность, обнаруживается любопытное обстоятельство: очень часто за духовную жизнь выдается что-то другое. Эти слова давно превратились в расхожие штампы, налепливаемые на все проявления культурной и творческой деятельности человека. Это вызвано тем, что в современной индустриальной цивилизации и дух, и духовная жизнь редко проявляются в своих собственных чистых формах, а поскольку нужда в них все же не угасла, возникает потребность найти заменитель. В качестве такового выступает разум как главный организатор творческих и культурных усилий современного человечества, или что-то, довольно близкое к нему.

В самом деле, что часто понимают под словом «дух»? Абсолютный дух идеалистической мысли, богословские штудии, нравственные усилия людей или творческую деятельность в сфере культуры. Рассмотрим этот вопрос. Дух, как его понимает Гегель, является возвышенным и утонченным Разумом. Его диалектическое движение противостоит мертвым определениям рассудка, но, тем не менее, остается категориальным, понятийным и вербально сформулированным. Тем самым оно всецело принадлежит человеческому интеллекту, пусть и высокому. Любая абстрактная философия, даже если и имеет дело с «духом», непременно выражает

его в определениях и понятиях ментального мышления, — то есть здесь мы так и не покидаем сферы разума. Культурное творчество современного человека также почти всегда совершается в границах ментальной формы сознания, если оно не падает в витальную стихию страстей, импульсов и эмоций. Часто говорят о «духовном развитии» человека, однако под этим подразумевают именно ментальный прогресс — обогащение идей, расширение кругозора, обогащение мировоззрения и т. д. Термин «духовность», превратившись в подобие некоего расхожего словца, применяется для обозначения высших ценностей, идеалов, их культивирования в деятельности людей, а то и просто интеллектуальной болтовни о высоких материях или утонченного культурного потребительства, но все это — порождения разума. Конечно, это тоже ступень возвышенного роста человека, но отнюдь не духовная.

Нравственные искания людей подразумевают этическое регулирование жизни в свете некоторых заповедей и норм. Интеллектуально сформулированные принципы применяются для обуздания хаоса витальных импульсов человеческой природы. С другой стороны, они служат культурному воспитанию желательного типа человека, выстроенного по образцу некоего морального идеала. Они делают людей несколько лучше и добрее или чуть праведнее, но не дают им еще погрузиться в светоносную, блаженную стихию духа или коснуться бесконечного бытия Бога. Принцип все равно тот же: ум, хотя и не рассудочный, а моральный,

То же самое в некоторой мере применимо к внешней стороне религий, рассматриваемых со стороны догматов, убеждений и вероучений. Здесь мы также не совсем оставили царство разума и не вступили, как это делает христианский подвижник, на путь любви к Богу и к счастливым, сияющим и неземной красоты небесам.

Как видим, во всех названных случаях употребления слов «дух» и «духовная жизнь» мы не покинули страну разума. Природной основой, субстанцией рассмотренных явлений остается ментальная среда сознания — сознание, оперирующее идеями, понятиями, ценностями и словами. Теперь мы

хотим сделать шаг к истинной природе духа и духовной жизни как к чему-то изначально иному, чем разум.

Шри Ауробиндо пишет: «Мы настаиваем на следующем определении духовности. Духовность — это не интеллектуальность, не идеализм, не поворот ума к этике, к чистой морали... Это не религиозность, не страстный эмоциональный подъем духа и даже не смесь этих превосходных вещей... Духовность в своей сущности есть пробуждение внутренней реальности нашего существа — нашей души, стремление познать и отождествить себя с ней; войти в контакт с высшей действительностью, имманентной космосу, а также или существующей вне космоса, быть с ней в связи, слиться с ней... и в результате преобразить все наше существо в новую природу».

Данный вопрос не является сугубо отвлеченным: он имеет настоящее практическое и жизненное значение. Дело в том, что для некоторых цивилизаций древности или, по-иному, средних веков, в том числе и (чуть особо) российских, духовная жизнь была столь же естественным, как и для нас — телевизионные антенны. Правда, слово «дух» не употреблялось в Китае и Индии, использовались другие слова — «дао», «брахман», но феномен устремления к ним и их достижения вполне могут быть названы этим именем. В XX веке многие учителя Востока сами стали использовать слово «духовная жизнь», говоря о необъятных сокровищницах мистики Востока, чтобы противопоставить ее материальному, по мнению ряда из них, варварству технической цивилизации. Тут, конечно, надо уточнить, что европейская техника — это все же отнюдь не только названное здесь варварство, но и сила точного знания, науки и прогресса. И сам европейский разум — это чаще и есть наука в ее теоретическом познании, и это выше техники. По способу познания это сила чистого интеллекта, хотя ее предмет — физический мир. Также это философия идеализма, которая поднята уже над материальным миром еще и по своему предмету. Ее размышление и постижение реальности несколько более возвышенно, чем научное. И все же материализм, рожденный прогрессом техники и одной промышленности, грубее духовности Востока или Европы и России средних веков.

Духовная жизнь имеет тысячи форм в разных религиях. Суммируя опыт разных традиций, дополняя их друг другом, мы выделяем следующий набор факторов, определяющих духовную жизнь:

- 1) Духовная практика, позволяющая достичь духовной реальности.
- 2) Мистический опыт, открывающий искателю эти реальности.
- 3) Контакт со сферами, пребывающими выше ума, достижение света и сверхсознания, превосходящего разум.
- 4) Пробуждение и освобождение высшей части человеческой природы — его индивидуального духа или духовного сердца, скрытого от нас игрой сил низшей человеческой природы.
- 5) Приведение человека в связь и затем — в единство с безбрежным космическим или трансцендентным Духом.

Вопрос, стоявший здесь перед автором, — это проблемы выделения необходимого и достаточного набора признаков, определяющих духовную жизнь. В самом ли деле между различными, на внешний взгляд столь расходящимися и конфликтующими традициями существует скрытое внутреннее родство, инвариантное зерно чистой духовности? Если да, то как его выделить? Отбросить несхожее, скорее более внешнее, оставить общее и неизменное для всех — то есть пойти по пути минимизации признаков? Не рискуем ли мы тогда остаться с кочерыжкой, а то и почти с нулем, отбросив красочное богатство и разнообразие проявлений Духа? А может быть, собрать все многообразные и противоречащие проявления расходящихся духовных традиций и объединить их в одном списке, так сказать, через запятую, то есть максимизировать число признаков? Не образуется ли тогда на месте внутренне цельного образа духовной жизни винегрет или коктейль из религий и мистических учений?

Эти затруднения укоренены в реально существующем положении вещей: в необозримом, неисчерпаемом богатстве мистического опыта, в котором могут открываться разные аспекты имманентной, то есть существующей внутри чело-

века, трансцендентной, то есть сверхчеловеческой, и сверх-сознательной и светлой духовной природы. Эти аспекты выражают различные стороны одной и той же Реальности. Каждый духовный путь, опираясь на опыт и авторитет своего основателя, развивает один или несколько аспектов, и, тем не менее, все они незримо сходятся в единое средоточие. Все они укоренены в едином, но многообразном и многоликом Боге. В этом — основа видимых различий и скрытого единства духовных традиций Земли. Отношение между ними может быть пояснено с помощью нескольких образов. Во-первых, образ Солнца, где каждый луч — это одна религия, а сам солнечный диск — это Всевышний. Таким образом, чем ближе к центру проникает адепт, тем в большую близость с последователями иных путей он входит. Причем одна религия может охватить меньший поток, излияние или «сектор» божественных лучей, а другая — больший; они могут расходиться в противоположных направлениях, а могут и слегка перекрывать друг друга. Это связано с характером и богатством мистического опыта, легшего в основу того или иного учения. Можно сказать, например, о едином сияющем цветке, лепестки которого — религии, а стебель — Бог. Очень похоже думал, например, Даниил Андреев.

Однако здесь не учтена степень продвинутости данного учения в рамках избранного им пути духовной жизни, мера приближения его к абсолютному Центру и Источнику. Поэтому возможен образ пирамиды или сходящихся концентрических кругов, где каждый круг или ступень символизирует определенную духовную традицию и степень ее близости к абсолютному источнику, Богу. Однако данный образ чересчур статичен, он не учитывает возможностей религии перерасти через свою собственную, типичную для нее ступень развития и проникать в иную сферу. Там она может касаться или даже почти сливаться с другими. Есть оболочка, в которой присутствуют различия (иногда — очень большие) религий друг от друга, и есть сияющий центр, где они сливаются в одно целое. Нарисуем здесь образ дерева на разных стадиях роста: одно духовное учение уже шумит ветвями в беспредельном голубом небе, сливаясь с ним, дру-

гое купается в лучах солнца вблизи солнечного диска, третье пробивается к довольно светлой атмосфере или касается ее, четвертое только едва отрывается от темной земли.

Скажем далее, что часть указанных нами в списке признаков проявляется в одних учениях, другие — в других. Например, единство с всеобщим необъятным духом есть по большей части в восточных учениях, например, в индуизме, или в даосизме и буддизме. Озарение вечным светом больше всего присутствует в христианстве, затем — в иудаизме и у мистиков ислама, и, в некоторой степени, в буддизме и индуизме. Духовное сердце человека есть прежде всего у святых и преданных Богу религий Запада, особенно христианства. Правда, учение об имманентном человеку вечном духе как частице Абсолюта не присутствует в явном виде в официальном христианстве. Зато оно есть у Майстера Экхарта и в православном исихазме в виде учения о сердце как средоточии духовной жизни в человеке и месте духовной концентрации. Есть оно и у Шри Ауробиндо и Матери. В таком учении, как санкхья (Индия), нет всеобщего духа, но есть индивидуальный, безмолвный, или свободный от мыслей Пуруша. Это иная часть индивидуальной духовной природы, чем мистическое сердце любви к Богу и блаженства. Для того, чтобы проникнуть в него, в санкхья или классической йоге надо выйти за пределы обычного ума, укротить его и привести с помощью медитации в безмолвие. Это же безмолвие есть у Шри Ауробиндо, у некоторых учителей буддизма или в православном исихазме.

Различные аспекты духовной жизни встречаются в разных религиях и учениях. Наиболее всеохватно, по мнению автора, они присутствуют в индийской духовной жизни, ибо в нем создана самая всеобъемлющая религия, имеющая множество различных форм, сопричастующих в едином духовном пространстве. Но все святые и светлые религии хороши, все они — дети Вечности.

2. Спрашивается: как достичь этой духовной реальности, если эта цель не может быть достигнута сколь угодно высоким интеллектуальным, культурным и этическим развитием человека? Речь идет не о смене системы идей, а об

изменении сознания, сопоставимом с тем, которое происходит при переходе от животного царства к человеческому или от бодрствования к пророческому и светоносному сну. Пусть этот путь существует, он веками осуществляется в разных религиях и духовных учениях. Это путь духовной практики. Ее можно было бы назвать «внутренним духовным деланием». Это звучит несколько странно, ведь обычно считают, что снаружи — практическая бездуховная деятельность, политика и бизнес, которые не очень чисты с моральной и духовной точек зрения. Внутри же — бессильная «духовность»: возвышенные мысли, иногда — высокопарные слова, немного чудаковатая кабинетная ученость, пусть и несущая силу разума, и кружащееся на одном месте самокопание возвышенного, но непрактичного интеллигента. Так порой, в крайнем случае, и видны на этих полюсах две фигуры: грубо-практичный медведь Собакевич и прекраснодушный мечтатель Манилов.

Но, помимо интеллектуальной, существует и иная форма внутренней жизни — духовная практика. В сегодняшнем мире на ее месте обосновались различные формы интеллигентного самоисследования, порой чуть возвышенного, а порой напоминающего самокопание, включая психоанализ. Интеллигентский самоанализ не выходит за пределы разума и поверхностной личности человека, хотя и может иногда облагородить его; психоанализ же вообще иногда даже уводит вниз, в сексуальное темное подсознание. Напротив, духовная жизнь — святая, подобная чистому сиянию, или мудрая, подобная беспредельному небу, — уходит с площадей обычной природы. Эти площади мощены камнями разума и по ним разлиты лужи и слякоть витальной природы. Духовная жизнь уходит от них в глубины и поднимается ввысь. Она входит в тайник любви и радости внутри, в кристально-светлом сердце, уходит ввысь, в небеса духовного света или в самую беспредельность Единого. Самоанализ интеллигента проходит как бесконечный диалог разума с самим собой, в то время как медитация йога останавливает этот процесс и приводит его ум к молчанию. Самоанализ хочет лучшего, и порой достигает его с помощи сферы разу-

ма, которая есть немного возвышенное царство человека. Но часто он смиряется с недостатками своей природы и порой заканчивается на ноте сострадания к самому себе; тем самым он не уводит за пределы эго. Духовная же аскеза очищает человеческую природу от всех страстей и подрубают эго под корень.

Назначение духовной практики — восхождение к божественному свету и сверхсознанию, пробуждение внутреннего духовного сердца в человеке и приведение его в связь и единство с высочайшей Реальностью. Поэтому должен быть расчищен путь и пробиты перегородки, отделяющие нашу нынешнюю натуру от этой божественной сверхприроды. В качестве препятствий к этому выступают хаотическая игра низшей природы, игра страстей и бесконечный поток мыслей и притязания и гордыня самовлюбленного эго. Очевидно, что в ходе аскезы они должны быть радикально преобразованы или отброшены.

Задачу укрощения неистовых витальных импульсов берет на себя практика внутреннего очищения. Она включает в себя, среди прочего, внутреннее или внешнее отречение от материальных благ, воспитание отрешенности от привязанностей обыденной жизни, часто сопровождаемой всецелой переменой образа жизни. Крайней степенью этого является аскетизм. Аскетизм, то есть уход в отшельничество, и мирская форма внутреннего делания составляют два извечно сосуществующих пути духовной жизни. Аскетизм, включающий умерщвление плоти, суровые посты, жесткую епитимию и т. д., необходим отнюдь не во всех случаях. Он применяется лишь тогда, когда напор вожделений и требования страстной природы достигают высокого накала и никак не поддаются укрощению. Тогда возникает необходимость радикальных средств лечения болезни. Тем не менее аскетизм только ради аскетизма является чем-то преувеличенным, а то и немного противоестественным. Он не является самой светлой дорогой внутреннего делания, которая нечасто идет тропами немного мрачного изуверства. Ведь духовная жизнь — это дорога, идущая от радости, через большую радость к вечному счастью. Великий учитель Будда,

испытывав крайности аскетизма на личном примере, избрал уравновешенный «средний путь». Бхагавад-гита тоже предупреждает нас, что йог не ест слишком много и слишком мало, не спит слишком много и слишком мало. Конечно, момент аскетизма необходим, но крайней путь аскезы — тропа для не очень многих, хотя это крутая и героическая тропа, ведущая ввысь.

В самом деле, ведь цель не в том, чтобы отказаться от вещей, но в том, чтобы победить привязанности к вещам. Нищий может быть более алчным, чем Ротшильд, и монах в скиту, посадивший себя на хлеб и воду, может порой даже вожделеть к миру еще больше (вспомним отца Сергия из повести Л. Н. Толстого). И далее аскетизм может возвеличить в человеке духовную гордыню, комплекс высшего божественного существа, в суровых испытаниях побеждающего свои страсти. Подобное самораздувание эго, вызванное этой или любой другой причиной, абсолютно несовместимо с целями духовной жизни.

Тем не менее некий момент аскетизма, подчас суровый, пусть обычно и не самодовлеющий, в той или иной форме необходим почти на любом духовном пути, ибо без этого практически невозможно изгнать слишком глубоко въевшиеся привычки низшей природы. Отречение от следования на поводу страстей и желаний выковывает в человеке могучую волю. Чем больше человек от себя отрывает, тем сильнее он становится: ведь в действительности он только сбрасывает гири, которые мешают ему ходить. На протяжении тысяч лет люди уходили в скиты, пещеры или монастыри, чтобы достигнуть горнего и светлого воздуха свободы от мирского и его суеты. Это часто объясняют социальными или психологическими причинами (сложность жизни, бегство от проблем и т. д.) либо же рассматривают просто как патологию, изуверство или вытеснение пресловутых комплексов. Нередко подобные объяснения выдвигают люди, сами пребывающие под властью низших вожделений и неспособные даже бросить курить, не говоря уже о том, чтобы поступиться чем-то большим. Уже не находит ли кто-то из них удовольствие в подобном интеллектуальном оправдании своего слабоволия?

Они забывают о том, что эта мудрая, хотя и созданная не для совсем безвольных людей практика духовного отречения есть технологическое условие и почти единственный способ реального, не на бумаге или в мечтах, исполнения высшего и вечного стремления соединиться с абсолютной Реальностью.

Все же еще более высоким искусством духовного очищения является не отречение, а отрешенность. «Мудрость есть от всего отрешенность» — это Гераклит. «Отрешенность — самое лучшее, ибо она очищает душу, проясняет совесть, зажигает сердце и пробуждает дух; она превосходит все добродетели, ибо дает нам познание Бога» (Майстер Экхарт). Что же такое эта отрешенность? «Истинная отрешенность — не что иное, как дух, который остается неподвижным во всех обстоятельствах, будь то радость или горе, честь или позор, как неподвижна остается широкая гора при легком ветре» (он же). В интегральной йоге Шри Ауробиндо, следующего за учением Бхагавад-гиты, универсальная ровность, внутренняя бездвижность и безмятежность при всех воздействиях есть одно из главных средств очищения человеческой витальности. Тогда пробуждается внутренний, не затрагиваемый обстоятельствами свидетель — Пуруша, безмолвный дух, в покое пребывающий внутри. Шире — любая практика духовного очищения учит принятию всякого зла и несчастья как очищающего страдания, развития универсальной любви ко всему сущему и Богу, смирению перед Вечным, так что в результате вся грязь до последнего пятнышка сходит с души. Выжженные огненным скальпелем Духа, замирают все влечения, желания, импульсы самоутверждения и гордыни, приязнь к преходящим вещам — и остается только чистое, как горный родник, детски-наивное любящее сердце святого подвижника, навеки свободное от конечного, навсегда открытое для беспредельного Духа.

Изменение и успокоение ментальной части человеческой природы (ума) находится в ведении различных медитативных практик. Человеческий ум в обычном состоянии напоминает необъезженного мустанга. Мы идем по улице, мы едем в метро, и тысячи мыслей, умных и глупых, система-

тичных или бессвязных, без повода и позволения, в каком-то внутреннем беспорядочном вихре вторгаются в нас. Они уносят наше существо туда, куда им соизволится, ударяя его об острые углы и дергая из стороны в сторону. Способны ли мы остановить их поток? Способны ли мы направить его в полностью контролируемое русло? Можем ли мы на длительное время зафиксировать сознание только на одной мысли, только на одной точке или только на одном объекте? Можем ли мы непрерывно, не отвлекаясь ни на что постороннее, созерцать их до тех пор, пока сознание не пресечет границу, отделяющую видимость предмета от его сути? Можем ли мы вообще продержат у нас без единой мысли хотя бы три минуты? А трое суток? Для неподготовленной человеческой природы это невозможно, она в некоторой мере пребывает как бы почти в крепостной зависимости от своего ментального инструмента, ума, хотя призвана быть его полновластным сувереном.

Как трудно управлять таким умом! И, тем не менее, эта цель достижима: ум приводится к безмятежному покою и тишине благодаря искусству психофизической концентрации и медитации. Это йога (в частности, раджа-йога, а по-иному — джнана-йога) и буддизм за тысячелетия разработали филигранно отточенные методы управления психической жизнью человека и ее совершенствования. Утихомирненное и укрощенное сознание оттягивается извне, освобождается от мыслей и погружается в свои безмолвные глубины. Там оно может встретить свою душу любви и радости в сердце, но это осуществляется через иную практику — преданности и любви к Богу и медитации в центре груди. Оно может увидеть образы или вспышки света, и это дает медитация в третьем глазу с концентрацией в центре между бровей. Но более важная, чем сосредоточение в третьем глазу, — медитация отсутствия мыслей. Тогда сознание уходит в свой внутренний покой и приближается к слиянию с бездной Бога. Не следует забывать, что наружу человека выталкивают не только мысли его интеллекта, но и игра сил витальной природы. Это человеческие желания, привязанности к объектам чувств, к сексуальным наслаждениям, к богатству, вла-

сти, гневу, гордости и самоутверждению. Эта часть природы укрощается, как я уже говорил, посредством практики очищения. Мы освобождаемся от жажды власти, богатства, гордости, агрессии, секса и т. д. Концентрация и приведение состояния ума в состояние тишины осуществляется посредством практики медитации. Мы концентрируемся в области третьего глаза с жадной увидеть свет и небеса, и со святым именем на устах. Можно вспоминать свои сны, лежа в постели после пробуждения, чтобы сделать их сознательными. Но эта медитация опасна: нижний или астральный мир полон зла и демонических ловушек. Эту медитацию, которая и открывает дверь в иные миры (ведь сон и есть окно туда), можно проводить лишь при желании превзойти этот нижний мир тьмы и достигнуть небес или благодаря милости Господа. Медитация ментального безмолвия является куда более важной: она — путь в вечность. Ее делают, отрешенно созерцая свои мысли или отбрасывая их усилием воли, стоит им лишь появиться на краю ума. Можно представлять их себе как пузырьки в глубинах озера, и как только вы заметили такой пузырик, представляйте, как он поднимается к поверхности «воды» и покидает пространство ума.

В достигаемой в результате этого состояния внутренней ровности, прозрачности, свободы от мыслей и страстей, ментальной и витальной тишины сами собой проявляются внутреннее покой и тишина. В них может выступить наружу реальность внутреннего психического космоса, накатиться прилив разнообразного духовного опыта; могут прийти даже и чудесные силы. Но главное — освобожденная душа, исчерпав свое нескончаемое топтание по земным кругам, совершает великий прорыв сквозь замкнутый панцирь эгоцентрического существования в единый свет Абсолютной реальности.

Таким образом, низшая природа приводится к повиновению, ее бессистемная импульсивная игра преобразуется в нерушимое спокойствие, а порой и в безмятежную радость, и вся грязь растворяется в кристальной внутренней прозрачности Духа. Однако остается еще та центральная основа, из которой вырастали эти феномены, — чувство и представление эго. До тех пор, пока этот корень не вырван, сорняки

будут все вновь и вновь вырастать после каждой прополки. Послушаем индийского мудреца Шанкару: «Благодаря выступлению жизни как отдельного явления возникает заблуждение, представление одного «я», которое действует и познаёт» Это дает человеку ощущение обособленности существования, отгораживает его от Высочайшего и от универсального единства мира, рождает миф самоцентричности. Оно заставляет все вновь и вновь потакать невежественным требованиям и капризам, рождаемым фантомом отдельности. Оно — та последняя стена, которая заслоняет от него его величайшее «Я», или Абсолют. Лекарствами здесь служат смирение, самоумаление, обуздание гордыни и яканья, путь преданности и любви ко Всевышнему. Это служение Господу, свободная самоотдача Всевышнему, вручение ему своей индивидуальности, отказ от своего самоволия и повиновение его высочайшей Воле. Вот слова Иисуса Христа: «Если кто хочет идти за Мной, отвергнись себя и возьми свой крест и следуй за Мной. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее... Итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше всех в Царстве Небесном». Отсюда вырастает еще одна ветвь йоги — бхакти-йога, путь любви и преданного служения, один из трех канонических путей йоги, возвещающей Бхагавад-гитой и составляющей духовное сердце большинства существующих на Земле религий. Это путь любви к Богу и смирения своего «я», а следующий шаг за этим — полное устранение малого «я» и слияние его с безбрежностью Единого. Это уже джнана-йога. То, что современному человеку кажется жертвой свободы и личной автономии, почитаемой им за свое высочайшее достояние, в действительности оказывается рождением в сладком источнике любви и радости в сердце. А следующим шагом это ведет уже к отбрасыванию цепей рабства и неведения, чтобы войти в свободу вечности и беспредельности, жить в ней и быть ей. Послушаем прекрасные слова Майстера Экхарта: «Происходит это тогда, когда человек всецело отказывается от себя, освобождается от своего «я» и, таким образом, разлучается сам с собою. Происходит же это силой

безмерно высокой любви, которая умеет убивать так любовно... Ибо такое умирание есть изливание жизни вечной, смерть телесной жизни, в которой человек всегда стремится жить для собственного своего блага».

Все пути духовной практики поделили между собой различные сферы и составляющие человеческой природы. Так, телесно-физическая часть природы совершенствуется в практике хатха-йоги, витальная — в практике аскетического и духовно-нравственного очищения, ментальная часть — в медитации и раджа-йоге; смирение эго и раскрытие духовного сердца достигаются преданным служением бхакти, устранение малого «я» и вступление в вечность — йогой Знания. При этом различные шаги духовной практики составляют лестницу, по-разному определяемую в разных системах — например, в йога-сутрах Патанджали и на восьмеричном пути буддизма.

Духовная практика требует от адепта всецелой личной самоотдачи, постоянной сосредоточенности на высшей цели пути, непоколебимой настойчивости и неуклонности личного выбора и решений, которые необходимо совершать и повторять все вновь и вновь, в моменты самых суровых испытаний. Это испытание всего человеческого существа, и это тот путь, на котором (и только здесь!) человек встречается с самим собой — с глубинами своего «я» и с вечным бытием. «Внутреннее делание» скроено по меркам самой природы, в которой свободно уживаются и высочайшая методичность, и суровая внутренняя дисциплина, и не поддающаяся никакому расчету свободная спонтанность самого бытия.

3. Духовная практика (и, в частности, медитация и молитва) приводит к восхождению в духовный свет и в сферы сверхсознания. Нелегко рассуждать об этом в рамках европейской традиции последних двух веков. Дело здесь обстоит совсем не так, как, например, в методологии науки. Там уже имеется традиция исследования вопроса, проблема многократно обсуждалась с различных точек зрения, есть относительное согласие исследователей о языке их общения, уточнена терминология. После этого автор суммирует работы

предшественников, добавляя от себя один-два новых пункта. Однако в вопросе исследования сверхсознания в европейской академической традиции мы имеем состояние, близкое к абсолютной пустоте. Это связано с долгим периодом европейской истории, когда духовная жизнь была вытеснена из средоточия социальности и медленно угасала в маргинальных зонах, не привлекая к себе сколько-нибудь серьезного внимания. Поэтому автор должен не столько уточнять исследования предшественников, сколько просто объявить о существовании своего объекта или попытаться доказать его. Не так обстояло дело в иных регионах мира. Шри Ауробиндо прямо говорит: «Утверждение о существовании жизни более высокой, чем умственная, представляет собой фундамент индийской философии». Европейская культура в XX веке в связи с возникновением психоанализа тоже продвинулась к открытию регионов за пределами бодрствующего сознания. Однако если психоанализ уводит вниз от бодрствующего разума, в подсознание, то йога, как и духовная практика многих религий, — ввысь, в духовный свет и сверхсознание. Укажем некоторые его черты.

Ментальный процесс размышления, воспоминания, воображения заменяется иными способностями постижения. На его место приходят видение небес и божественного света, чувство блаженства, видение и слышание истины, духовное зрение, озарение и вдохновение. Полное развитие этих способностей приводит к превращению рассуждающего животного, *homo rationalis*, в небесного поэта, вдохновенного пророка или просветленного мудреца, черпающих спонтанное знание из его собственных небесных сфер и лишь переводящих его на внешний ментальный язык для целей коммуникации. Впрочем, у этого знания должен существовать и иной, светящийся, мистический, поэтический или духовный язык. Эти силы культивировались в религиях, духовной мудрости и мистическом искусстве всех времен. «Божественным неистовством» или даром муз назвал Платон дар вдохновения — мелодии и речи, исходящие из сверхсознательного источника выше ума; без этой силы была бы невозможна никакая возвышенная или небесная поэзия.

На силе озарения, духовного или светоносного зрения основано восприятие большинства духовных образов религии и мистики. Вспомним, например, Откровение Иоанна Богослова или видение богов и Бога вайшнавами и в Бхагавад-гите. Интуиция или прямое, выше мыслей и слов, схватывание сущности вещей или самой Вечности силами высшего Духовного Разума составляет основу платиновской концепции Нуса. Также это силы интуитивного разума, надразума и сверхразума Шри Ауробиндо. Они еще подняты над озаренным умом, который, согласно ему, видит духовный свет. Это сила божественного, непосредственного знания. Все эти силы принадлежат Сверхсознанию, они не могут существовать в стихии размышляющего разума.

Когда человек через духовное очищение и медитацию восходит над рассудком или интеллектуальным умом, он вступает в сферу возвышенного разума Шри Ауробиндо. Этот разум более сильный, он сразу видит множество ходов мысли, а то и множество концепций — и множество способов опровержения положения противника в споре. Кроме того, он более духовный, он мыслит о вечном начале и духовных предметах и связывает их со всем сущим. Этот разум часто и действует в настоящей работе. Выше ум может подняться в сферы света и первозданной мистической поэзии с ее напевами и словами небесной красоты выше рассудка. *(Эта поэзия тоже нередко присутствовала в период написания данной диссертации в 1993 году и в период 1988–1992 гг. Это будет приближение к тому, что Шри Ауробиндо назвал разумом озарения. Сегодняшнее примечание.)* Ум может и замолчать, и погрузиться в неподвижность и безмолвие, не очень далекое от покоя вечности *(и этого тоже достигал тогда уже этот мистик, посвятивший 8 часов в день медитации освобождения ума от мыслей в первый год своего пути).*

Великие мудрецы древности, ощущая сокровенные выси бытия, нередко обращались в своих изречениях к таинству поэтического слова, хранящего многомерность и сверхрассудочность духовного смысла. Они прибегали к притчам, допускающим разнообразные толкования, и потому сжимающим богатство содержания в простоту меткой формулы.

«Владыка, чье прорицалище в Дельфах, и не говорит, и не утаивает, а подает знаки» (Гераклит). По мысли Хайдеггера, только изначальный язык, язык поэта способен разверзать и вмещать истину Бытия. Так говорили и даосы Древнего Китая, и досократические мыслители в Греции, так писал в своих поэтических работах Шри Ауробиндо. И дело не в неспособности к рациональной аргументации, а в сверхсознательной полноте, свете и красоте знания и выражающего его слова. На какой-то ступени слово вообще тонет в тайне безмолвия. Или же где-то там, на некоторой выси, как знать, наступает сверхсознательное единыщее знание. В нем, как в солнце, все ментальные лучи — любви, постижения, силы, красоты — совпадают во всеохватной полноте. Так намекает Шри Ауробиндо о своем сверхразуме.

Закон интеллекта — деятельность, закон сверхсознания — нередко созерцание. Оно просто открывается тому, что приходит к нему свыше. Сверхрассудочный разум порой бездвижен, пребывает в безмолвии и покорно внимает потоку мистического, полного тайной и красотой или светлого слова интуитивного знания, ничего не прибавляя от себя. По опыту Плотина, душа приходит в гладкое и зеркальное, тихое, безмолвствующее состояние, и в безмолвной тишине она способна ощутить «первым знанием», как действует мысль. К этому состоянию нас нередко приближает медитация ментального безмолвия, отсутствия мыслей и тишины ума, приводящее его в состояние покоя. Впрочем, этот покой чаще служит не средством соединения с высшим знанием, а является промежуточной целью медитативного восхождения. Эта цель — сам безмолвный неподвижный разум. И следующий шаг ввысь — уже сама бездна Абсолюта.

«Лучшее и благороднейшее, к чему можно прийти в этой жизни, — это молчать и дать Богу говорить и действовать в тебе», — учит Майстер Экхарт. Разум деятелен, любую вещь он должен реконструировать, воссоздать посредством своего категориального движения и исследовательского поиска. Напротив, сознание Духа часто предоставляет себя для вещей как неподвижное зеркальное пространство, где они могли бы проявиться сами так, как они есть. Это вняtie-принятие есть лю-

бовное отношение к сущему и его вечной Основе, дающее им быть и не опутывающее его своими априорными схемами и своим маленьким «я». Впрочем, разум — тоже довольно высокая способность анализа и рассудочного постижения, просто есть что-то более высокое над ним. Такое вняtie не достигается активизмом научной работы, тоже нужной на своем уровне; оно достигается отрешенностью, покоем и чистым, ничего не требующим ожиданием. «Нужно сделать свое сердце предельно беспристрастным, твердо сохранять покой, и тогда все вещи будут изменяться сами собой, а нам только остается созерцать их возвращение» (Лао-Цзы).

Созерцательная установка характерна для многих весьма разнообразных учений древности и средних веков, например, для мистиков западного и восточного христианства. Она означает смирение человека перед сущим, перед Богом, перед бесконечностью, принятие их такими, как они есть. Это отказ от антропоцентризма и центральной роли и безудержного активизма эго. Вот что говорит даосская мудрость Древнего Китая: «Следуй формам вещей вокруг тебя. Будь текуч, как вода, покоен, как зеркало, отзывчив, как эхо, и невозмутим, как тишина». «Каждый день мудрый откликается всему сущему, но его сердце пребывает в покое». Природа человеческого витала — вечная активность, ведомая страстной жаждой. Природа интеллекта во многом тоже активный анализ и осмысление сущего, построение о нем системы идей. Хотя, конечно, здесь достигается некая, иногда немалая степень объективности. Природа сверхсознания — нередко созерцание, вняtie бытия и высшего света — или мистического, изъясняющего тайны Духа, красивого сверхрассудочной красотой слова.

Сверхсознание — это не только совокупность или система простых идей. Ему присущи также и видимый внутреннему (тонкому) зрению свет, безмолвие ума, восторг и радость и, в еще более высоком случае, бездна Бога. Все это — черты самого знания, они нисходят на познающего одновременно со вспышкой постижения и потоков образов озарения. Ибо познавать — блаженство, «светлая радость ведения» (Хайдеггер), вечно переполненная собой и не нуждающаяся ни в

чем иным, чтобы быть радостью. *(Большую часть этого не знал еще тогда на опыте этот начинающий йог. Он описал это наполовину со слов мистиков и мудрецов.)* Послушаем, что говорит на пока еще недоступном нам уровне эволюции познавший Бога наяву Рамакришна: «Брахман — это целый океан блаженства, из которого катятся великие волны радости». Сегодня, в 2004–2011 гг., этот мистик уже познал Бога и почти слился с ним. Он познал его, правда, не как океан блаженства, но как океан тишины — безличную сторону Бога и как верховную Личность. И сила высшего интуитивного знания, основанного на видении и опыте, а не на мысли интеллекта, широко открылась ему.

Дух не нуждается в том, чтобы производить знание, добывать его в напряженных исследовательских изысканиях. Он имеет дело с самосуществующим знанием, которое всегда уже имеется в непроявленном виде и должно быть лишь пробуждено и опознано. Это знание, как пишут об этом провидцы и мудрецы духа, дает ощущение внутренней истины и достоверности, чего не способен дать интеллект, занятый нередко лишь игрой вероятностей (это тоже сегодня постиг мистик Коровин). Самосуществующее знание и высшее слово могут вливаться в одухотворенное сознание, извне, в виде озарения, прозрений или сказаний и песенных звучаний небесной красоты. Но может быть и слияние с объектом постижения, когда знание приходит изнутри, из тождества с искомым. Это — высшая цель и высшее таинство мудрецов.

Сверхсознательное восприятие самого вечного Бытия характеризуется совершенно иной степенью, чем это характерно для разума, проникновения субъекта в объект. Это приводит к их полной идентификации, так что исчезает само чувство «я» как сознающего. Человек не рассматривает объект извне, он сливается с ним и становится им в неподвижном и лишенном собственной формы созерцании. Это уже вершина постижения, за которой лежит только сверхразум Шри Ауробиндо. Это созерцание и подразумевает йоговское наивысшее состояние самадхи. «В высшей Самости нет различия между познающим, познанием и познаваемым» — таково свидетельство

ство индийского мудреца Шанкары, созвучное мистическому опыту буддизма, даосизма, неоплатонизма и такому христианскому мистику, как Майстер Экхарт.

Вот как характеризует Д. Т. Судзуки восточный ум: «Восточному уму присущи спокойствие, тишина и невозмутимость. Кажется, что он постоянно соприкасается с вечностью. Однако эта тишина и умиротворенность вовсе не подразумевают простой праздности и бездеятельности. Эта тишина не похожа на тишину пустыни, лишенной всего живого, или разлагающегося трупа. Это тишина «бездонной пропасти», в которой исчезают все контрасты и условности. Это тишина бога, углубившегося в созерцание своего прошлого, настоящего и будущего творения. Бога, неподвижно сидящего на троне, абсолютного единства и целостности».

4. Пробуждение человеком имманентного духа связано с обращением человека внутрь себя, поворотом сознания в свои духовные глубины. Старый лозунг «Познай самого себя» (у Гераклита, например, я выпытал самого себя) до сих пор остается высоким, но чаще неслышанным призывом, обращенным к уму и сердцу человека. «Не желай выйти вовне, возвратись в самого себя; во внутреннем человеке пребывает истина», — говорит св. Августин.

И действительно, если мы погрузимся вовнутрь себя, в глубины сердца, то обнаружим там нечто неизменное и пребывающее, бессмертный источник нас самих. Это родник, где бьет ключом источник вечной воды. Там, в глубинах сердца, в нас пребывает Бог, частица и проявление Абсолюта. Это бессмертная сущность любви и блаженства; ее обнаруживают путем медитации и любви к святому и божественному образу. Образ может быть Христом или Богородицей для христиан, для этого последователя Шри Ауробиндо в этот год образом была Мать, которая считалась почти равной соотрудицей Шри Ауробиндо. Ее почитали за воплощение Божественной Матери. Медитация осуществляется концентрацией в середине груди и в ее глубинах, так проникают в духовное сердце. *(Там этот мистик раз*

девять за эти 1992–1993 гг. встречал духовную радость и упоение и чуть-чуть любовь. Полностью духовное сердце с его дивной любовью и радостью раскрылось через несколько лет уже на небесах, через интенсивную любовь, преданность и поклонение Богу. И любовь к Богу стала дивным светочем внутри. Тогда его ощущение стало часто присутствующим, по несколько раз, а то и по часу каждый день.)

Но этот лозунг, «Познай себя», безусловно, не относится к тому, что мы есть сейчас — к нашей поверхностной личности и поверхностной психике. Иначе он был бы в немалой степени карикатурой или обернулся бы обычным психологическим самоанализом. В действительности он требует отбросить ширму обычной жизни и обычного сознания и войти в скрытые пещеры духа, где его и ждет спрятанное сокровище. В этом смысле не только внешние объекты, но и мои желания, направленные вовне и привязывающие меня к этим внешним объектам, а также мысли о них, поверхностная личность, разум и даже ученость, все это — оболочки, окутывающие божественную самость внутри.

Европейская традиция, начиная с XVII века, уделяла исключительное внимание исследованию бодрствующих процессов в сфере разума и иногда — эмоций и чувств. Только с XIX века она приступила к исследованию подсознательного и бессознательного, особенно с возникновением психоанализа. Однако этот анализ, если сопоставить его с индийской или буддистской психологией, несколько напоминает блуждание в потемках и устремлен скорее вниз. На Востоке были открыты целые психические уровни в человеке, закрывающие глубоко спрятанный сокровенный дух. Они именовались кошами, телами или оболочками, вложенными друг в друга наподобие матрешек и вместе с тем пронизывающими друг друга. «Ныряйте глубоко внутрь себя, в сокровенные глубины своего сердца, как искатель жемчуга, сдерживая речь и дыхание, и таким образом достаньте с помощью бдительного ума сокровище самости внутри себя», — говорит Рамана Махарши. Надо снять эти заслоняющие его слои, наподобие слоев марли, окутывающих зажженную лампу, как она засияет во всем своем великолепии. Ибо она, соб-

ственно, никогда и не гаснет. Эти слои именуются «физическое тело», «астральное или витальное тело», «ментальное тело», и в глубине ждет духовное сердце блаженства. «Самость, окутанная пятеричным покровом, кажется причастной природе этих одеяний, подобно тому, как кристалл на синем фоне кажется синим. Истинная Самость, окутанная неведением, после разрушения этой оболочки начинает светить своим собственным светом, подобно лучам Солнца, когда исчезают облака», — учит индийский мудрец Шанкара. Вообще его учение — о всеобщем духе Брахмане и о единстве с ним человека. Поэтому эти изречения могут относиться как к индивидуальной душе внутри человека (духовному сердцу), так и к Брахману-Абсолюту. В этом случае сердце блаженства будет последней оболочкой, заслоняющей его.

Имманентный человеку дух есть высшая часть нашей природы, скрытая тройным покровом тела, витала и ума. Она пребывает над ними и вместе с этим — в глубинах человека, под их покровами. Чтобы найти этот свет духовного сердца, надо очистить витальную оболочку от гнева, вожделения, корысти, честолюбия, похоти, зависти, ревности, гордыни. Надо освободить ум от мирских мыслей и иногда в немалой мере, а то и полностью, остановить его. Надо концентрироваться в сердце, в середине и глубине груди и медитировать на любовь к божественному и святому Образу или к Богу.

Из всех частей нашего существа только к этому духу (или, скорее, душе) почти в полной мере может быть применена формула «*causa sui*» — причина самого себя; все части и подразделения человеческого сознания живут его отраженным светом, и только он — своим собственным. Согласно древней мудрости, если убрать Дух, все остальное психофизическое существо рухнет, если убрать это существо, Дух останется. Он — скрытый руководитель человеческой природы, однако, заслоненный несколькими покровами, не может управлять ей в открытую. Когда он обнаруживается, то начинает осуществлять руководство человеком, направляя его к свету и добру (*так и случилось потом с этим мистиком; и это сердце полностью сконцентрировало его на одном Боге и на любви к нему*). Кроме того, освободив ум от

мыслей и витал от страстей, мы обнаружим в уме еще одно существо — ничем не затрагиваемого и неподвижного безмолвного свидетеля всех внутренних и внешних состояний. Но духовное сердце еще глубже и божественнее. По учению Бхагавад-гиты или некоторых Упанишад и особенно Шри Ауробиндо, это именно Душа в сердце, нерожденная и бессмертная, проходит через цепь бесчисленных инкарнаций. Она воплощается во все новые и новые тела и создает все новые и новые наружные личности, не подозревающие об его глубоко затаенном присутствии, где скрыты тайны прошлого и будущего данной индивидуальности.

Имманентная человеку душа или сердце не самозамкнута: она связана со всеобщей духовной природой и своими глубинами является частицей непередаваемой Трансценденции. Связь эта неотделима от его природы, она обнаруживается, когда душа полностью раскроется. Связь индивидуальной души с превосходящим человека Верховным Духом, Всевышним Господом может выразиться в чувстве глубочайшей зависимости и преданности, или любви, близкой к единению, или же тождества. Эти разные возможности, реализованные (Вивекананда) различными религиями (например, исламом, христианством, индуизмом), могут либо жестко противостоять друг другу, приводя к религиозным войнам на уничтожение, либо гармонично сочетаться как различные стороны и стадии отношения человека с Богом, с бесконечностью.

А от этого духовного сердца с его каплей блаженства это следующий шаг к слиянию с Абсолютом. Вот как описывает его познавший его индийский мудрец Рамана Махарши: «Вы сами налагаете ограничения на свою природу бесконечного бытия, а затем плачетесь, что вы — всего лишь ограниченное создание... Поэтому я и говорю вам: познайте, что в действительности вы есть бесконечное, чистое Бытие, абсолютное «Я». Единственный способ избавиться от вашего горя — это познать и БЫТЬ самим собой, Самостью».

Путь к ней — отрешение от мира и его вещей, безмолвие разума и стирание малого «я», эго. «Так должен человек освободиться от внешних чувств, обратиться внутрь и погру-

зиться в забвение всех вещей и себя самого», — учит Майстер Экхарт. Блаженное сердце сливается с ним, и теперь мудрец Рамана Махарши уже ее саму называет Сердцем: «Как вода в горшке отражает громаду солнца внутри узких пределов горшка, так и васаны, скрытые тенденции ума личности, действуя как средство отражения, ловят всепроникающий, безграничный свет сознания, идущий из Сердца, и преподносят в форме отражения, называемой умом. Если ум обращается внутрь путем поиска источника чувства «я есмь», то васаны угасают, и в отсутствии средства отражения феномен отражения, ум, тоже исчезает, поглощенный Светом этой Единой Реальности, Сердца».

Этот Дух не имеет пространственно-временных форм, пребывая везде и нигде. Он неизменный, незыблемо чистый, не затронутый никакой деятельностью — ни игрой, ни страданием, ни грехом, ни смертью. Изменения не властны над ним, он — вечность. Не имея форм, высшая Самость не может быть адекватно выражена и описана, не может быть постигнута разумом, но только через единство с ней путем отождествления. В индийской традиции его природа обозначалась как сатчитананда, абсолютное и чистое Бытие-Сознание-Блаженство, с пониманием того, что это — лишь попытка уловить неуловимое и описать неопишуемое.

Вот как говорит о ней мудрец Шанкара: «Когда все различия, созданные майей (иллюзией), исчезают, то остается само себя освещающее Нечто, вечное, твердо стоящее, незапятнанное, неизмеримое, бесформенное, непроявленное, безымянное и неразрушимое... Брахма есть бесконечный, вечный, всепроникающий свет... он неизмерим, безначален и бесконечен. Брахма и атман, отношение между которыми определяется словами «Оно» и «Ты», тождественны».

Эта безбрежная сущность — не мысль и не страсть, и потому их надо устранить, чтобы слиться с Богом. Человек жизни и активности отождествляет себя со страстями, жизненной энергией и иногда с телом; человек разума понимает себя как ум. Первой преградой на пути к погружению в наивысшую Реальность остаются, таким образом, наши желания и страсти и затем — наши мысли, сплавленные с

эго. Эти преграды, очевидно, должны быть сломлены, ум приведен к молчанию, а эго стерто. Молчание разума означает полную остановку ментальной машины, прекращение всякой внутренней деятельности и движений ума, совершенная тишина и отсутствие каких-либо мыслей, слов и внутренней речи. Лишь тогда из этой внутренней тишины проявится покой, и затем человек вольется в бесконечную реальность духа, не заслоненную никакой ментальной чехардой. Безмолвие ума является одним из важных путей духовной жизни на Востоке, иногда оно практиковалось и на Западе. Оно известно в Индии и в конце приводит к самадхи или к слиянию с Брахманом, в буддизме — с нирваной, у даосов оно ведет в великую пустотность дао. Знали молчание ума неоплатоники и немного исихасты православия.

ГЛАВА 3. МИСТИЧЕСКИЙ ОПЫТ

На пути «внутреннего делания» рано или поздно настанет момент, когда адепт входит в контакт с реальностями мира Духа. Эти обычно не пробуждаемые реальности радикально отличаются от того, с чем мы сталкиваемся в нашей повседневности. Об их существовании свидетельствуют все религии, а тем более мистические учения, а также оккультизм и некоторые философы. Если мы не оцениваем их в однозначно-непримиримом духе как продукт некритической мифологии и произвольные порождения человеческой фантазии, возникает вопрос: каким образом говорящие могли узнать об их существовании? Духовные учения отвечают нам: из опыта. Этот опыт, имеющий иные черты и свойства, чем обыденный, мы могли бы назвать мистическим. Он расширяет наше сознание до прекрасных светоносных миров и до слияния с самим Абсолютом, бездной Бога. Мистический опыт может начаться совершенно произвольно. Однако, как правило, он завоевывается в ходе практики внутреннего делания, составляя его цель и вершину.

С. Вивекананда говорит: «Все религии мира основаны на единственном всемирном и вечном основании наших зна-

ний — на прямом опыте. Все учителя видели Бога, видели свои... души, видели... вечность, и то, что видели, то и проповедовали. Но в большинстве религий, особенно позднейших, мы находим странное утверждение, что такой опыт был возможен только для немногих людей, бывшими первыми основателями религий... Настоящему же времени такой опыт якобы недоступен, и потому теперь мы должны принимать религию на веру. Я решительно отрицаю это. Учителя науки йоги поэтому и заявляют, что не только религия не основана исключительно на опыте древних времен, но и что ни один человек не может быть религиозным, если сам личным опытом не познает истины своих религиозных воззрений. Йога есть наука, которая учит достигать нас такого опытного познания».

Мистические учения утверждают, что только прямой опыт есть источник истинного Знания. Духовное учение — то, которое основано на личной практике духовного делания и на личном мистическом опыте. Дух — это практика и опыт, и лишь после этого и вокруг этого слова; обратное менее значимо. Интеллектуальные заслуги таких людей, как П. Флоренский или Н. Лосский, тоже анализировавших подобный опыт, почитаются и уважаются, однако они куда менее значимы, чем слова тех, кто знает это из личного опыта. Немного нелепо, если кто-нибудь обучает программированию по книгам, ни разу не посидев за компьютером. Есть множество философских и теологических учений, размышляющих о Боге, вечном бытии или душе, то есть духовном сердце. Могут появиться и чистые теоретики безмолвия разума или духовной практики или мистико-поэтического разума и мистической поэзии, которая сверх рассудка. Но это в основном еще иллюзорное знание, а не постигнутое на самом деле, наяву. Пусть философия вечности и Бога — тоже высота и полусвет мира, но она не дотягивает до опыта мистика.

Вот как описывает встречу Успенского с Гурджиевым Ошо Раджниш. Успенский был известным русским философом. Он написал несколько замечательных книг, посвященных духовной реальности и духовной практике, тщательно анализирующих и с высокой компетентностью освещающих

свой предмет. Гурджиев же был практически неизвестным духовным Учителем. При встрече Успенский захотел задать ему несколько вопросов. Тогда Гурджиев дал ему чистый листок бумаги и сказал: «Напишите всё, что Вы знаете и что не знаете. То, что Вы уже знаете, не требует разъяснений. Полезнее поговорить о том, что Вы не знаете». Успенский хотел написать очень много, но как только он начал писать, он пришел в затруднение. Он спросил себя: «Познал ли я Бога?» Ответ пришел изнутри: «Я знаю о Боге, но я не познал Бога. Знаю ли я душу? Я знаю о душе, но это и все...». Около часа он мучил себя, но не мог заставить написать хоть строчку. Он подошел к Гурджиеву и сказал: «Простите меня, я был во власти иллюзий. Я думал, что я знаю, но то, как Вы поговорили со мной, и взгляд в Ваши глаза сделали для меня невозможным ответ на этот вопрос».

Привычка, созданная интеллектуальной культурой Запада, заставляет людей считать, что если кто-либо владеет литературой по какому-нибудь вопросу, способен уверенно проанализировать предмет, указать его место в системе иных реальностей и выразить свое «знание» в системе четких определений, схватывающих в предмете главное и существенное, — он знает предмет. Это в некоторой мере заблуждение: ведь все, что он знает, — это понятия и слова о предмете, а не сам предмет. Например, мы читаем слово «пряник». Но чтобы ощутить его вкус, надо съесть его, нужен реальный пряник. Мы не едим слово «пряник». Но в области духа мы полностью верим словам. Если кто-нибудь выучил Коран или Гиту наизусть, считается, что он — учитель Духа. Если кто-нибудь несколько раз повторил слово «Бог», мы готовы немедленно верить, что Бог действительно с ним. На самом же деле он просто ест слово «пряник». И ученые брамины или теологи иногда становятся врагами мистиков или пророков. Но в основе своей все религии, в том числе ислам, индуизм и христианство, — дети Бога.

На самом деле сам автор этой работы пока имеет лишь небольшой мистический опыт. Он уже упоминал его: это опыт безмолвия разума и души, блаженства и чуть любви в сердце. И также это очень малые опыты контакта с тонким

миром и постоянное созерцание голубых вспышек света в третьем глазу. Поэтому он сегодня, возможно, не в полной мере имеет право писать эту диссертацию на кафедре философии МГУ. Он несколько раз и хотел ее бросить как раз по этой причине. *(Спустя годы мистический опыт полился широкой рекой. Теперь этот мистик знает Бога и все миры тьмы и света. Он уже слился с Богом на три часа каждый день. И теперь он имеет право публиковать эту книгу, так как она была в основном правильной, а теперь он подтвердил ее ментальные предвосхищения в полном духовном познании наяву. Однако духовный путь включает больше любви к Богу и самоотдачи Всевышнему и больше концентрации на Его необъятности. Если вы хотите узнать об опытном познании Бога, читайте последние книги этого автора.)*

Мы могли бы вслед за У. Джеймсом указать следующие черты мистического опыта:

- 1) Во многом — неизреченность, отсутствие слов, способных в полной мере выразить сущность этого рода переживаний.
- 2) Интуитивность. Мистические состояния являются особой формой познания, откровением и внутренним просветлением. При их помощи человек проникает в глубины истины, закрытые для трезвого рассудка.
- 3) Кратковременность. Они приходят обычно на полчаса-час или на два часа, а потом надолго уходят, чтобы спустя какой-то срок повториться.

Сделаем здесь маленькое замечание. Кратковременность опыта — это удел мистика на начальных стадиях пути, когда он еще не в силах вечно пребывать в Боге. Можно различить духовный опыт и реализацию, когда опыт становится постоянным и превращается в осуществленное состояние. *(К этому сегодня близок данный мистик, но пока еще не достиг.)*

Опыт обычно означает окунание в мистическую жизнь такой полноты, которой человек раньше не знал вовсе. Только затем приходит осмысление. Оно часто выражает себя на светоносном, озаренном, мистическом, поэтическом языке, или языке мудрых афоризмов.

Отличительной особенностью мистического опыта является восхождение, прорыв сознания на более высокий уровень бытия. В этой связи необходимо отличить его от других, кажущихся похожими феноменами. «Феноменологический опыт» Эдмунда Гуссерля — это еще опыт философа, опыт в основном интеллектуальный, где ментальная форма сознания созерцает себя или эмоциональную сферу. Это часть психического опыта, где человек непосредственно контактирует со своим обычным сознанием. Далее — оккультный опыт, опыт контакта сознания с иными, тонкими мирами, при котором оно расширяется, так сказать, в горизонтальной плоскости. Оно входит в астральный (витальный) или ментальный мир, созерцает их пространства и контактирует с их существами. Надо сказать, что контакт с астральным миром, миром сил тьмы, представляет собой определенную и немалую опасность. *(Этот мистик летом 1992 года во время первого месяца своих медитаций (еще по Каптену, не по Шри Ауробиндо) десять дней видел образы ментального плана. Это были абстрактные цветные формы, точки, линии, чертежи и т. д. Далее, он уже имел в этот первый год йоги, с лета 1992 по лето 1993 гг., малые опыты контакта с витальным миром, видел в сознательном сне его грубые, злые или полуживотные силы, видел лестницы, ведущие из нижних сфер в высшие. Он видел даже битву сил света и тьмы. Но это — четыре-пять опытов. С лета 1993 года, уже потом, этот мистик оказался втянутым в иные миры не по своей воле и видел каждую ночь их по многу раз на протяжении восьми лет. Сначала в основном это были миры тьмы, а затем — миры света. А в этот первый год йоги он, предав себя Всевышнему, ощущал поток божественной силы, идущий через макушку головы вниз по телу, и видел в третьем глазу искрящееся голубое свечение. Оно соответствовало возвышенному разуму сильной и мощной мысли философа Бога или Абсолюта, который тогда начал мощно опускаться в него. Миры света и интенсивное сияние он увидел позже, когда прошел миры тьмы и попал на прекрасные небеса. Тогда он увидел потоки голубого искрящегося света возвышенного разума, более сильного золотого, озарения небес, и белый яркий*

свет среднего интуитивного разума. И много лет он жил среди дивных красот небесных миров и их городов света или, реже, садов блаженства. А позже пришли сам Бог, Его видение и единство с Ним. И это — любовь к Богу и слияние с Ним — стало почти единственным в его жизни.)

Что касается мистического опыта, то его объектами являются божественный свет, индивидуальная душа любви и блаженства в сердце человека и само безбрежное Божество. При этом сознание погружается глубоко внутрь себя, к сладкому источнику внутри, и поднимается высоко вверх, где может распространиться широко в необъятность. Тогда имманентность растворяется в трансцендентности, и душа сливается с Брахманом.

Мистический опыт имеет не только свои объекты, отличающиеся от физических предметов, но и свои познавательные характеристики. Восприятие его объектов осуществляется посредством иных, пока скрытых способностей человека. Это тонкие органы чувств (тонкие зрение, слух и т. д.) и самая высшая способность — отождествления с абсолютной реальностью. В обычном человеке они пребывают как бутон, в нераспустившемся состоянии, и пробуждаются посредством духовной практики. Интересно заметить, что в случае исследования физической реальности никто не отрицает необходимости использовать соответствующее оборудование (микроскоп, телескоп), в случае же изучения духовной реальности об этом забывают. Основным органом изучения обычно так и остается рассуждающий ум.

Мистический опыт святых и мудрецов часто предстает освещенным или даже самосветящимся. Таким он бывает за пределами обманчивого астрального мира тьмы. Воспринимающее же высшую Сущность сознание, по их слову, не просто видит свет, оно растворяется в ней, становится этой бездонной реальностью. Двойственность исчезает, воспринимающий сливается с воспринимаемым. Мистический опыт отличается от научного, где факт еще нужно проинтерпретировать и теоретически осмыслить. Этот опыт дает незабываемые уроки мудрости духовному подвижнику.

Мистический опыт спонтанен. Хотя его часто призывают в молитвах и духовных устремлениях, он не может быть спланирован заранее и приходит обычно внезапно и вдруг. Движение не исходит от человека, не является проекцией его эгоцентрических предубеждений; хотя человек и устремлен к духовному переживанию, оно исходит свыше. Человек здесь — послушный восприимчив, отзвук великого таинства. Этот опыт нередко проверяет свободу от догм, готовность открыться живой и неограниченной концепциями разума бесконечности Духа.

Мистический опыт в своем высшем осуществлении затрагивает самую сердцевину человека. Это нечто большее, чем просто внешнее наблюдение материальной природы. Здесь же, на вершине мистики, человек теряет ограниченность своей индивидуальной формой, распространяясь в обширную беспредельность внутри и переживая Абсолют и мир как нечто от себя неотделимое. В иных случаях у святых происходит соприкосновение с ярким по интенсивности светом, к которому лишь спустя срок могут привыкнуть глаза или существо человека. В результате приходит преображение, в котором создается новый духовный человек. Он сбрасывает оковы, привязывающие его к низкому и здешнему бытию, и это преображение и потрясение радостно. Искатель ощущает себя взлетевшим всем существом на новый, высший уровень бытия, где интенсивность существования превосходит земную порой не в один раз. Мгновенно разрешаются вопросы, над которыми интеллект безрезультатно бился столько лет. Все наполняется светом, восторгом, счастьем, экстазом, своей интенсивностью превосходящими физическую боль, — и целый мир вокруг начинает отсвечивать лучами этой Радости. Когда этот мистик имел опыт контакта с духовным сердцем, все начинало отсвечивать для него лучами радости. Хотя, конечно, опыт контакта с сердцем еще отнюдь не выводит в бесконечность: это опыт индивидуальной души, которая и есть частица Бога в человеке.

Если опыт приходит и тем более обосновывается на все время, это означает, что человек необратимо перешел на новый эволюционный уровень. Он стал просветленным,

обретя то, что известно под именем «второе рождение». Теперь он может с неким правом сказать: я видел сон, который в шутку называли человеческой жизнью; теперь, когда я проснулся и имею возможность сравнения, я знаю, что такое настоящая жизнь.

Послушаем, как Даниил Андреев описывает одно из своих духовных переживаний:

«И когда луна вступила в круг моего зрения, бесшумно перемещаясь за узорно-узкой листвою развесистых ветвей ракиты, начались те часы, которые остаются едва ли не прекраснейшими в моей жизни. Тихо дыша, откинувшись навзничь на охапку сена, я слышал, как Нерусса струится не позади, в нескольких шагах за мной, а как бы через мою собственную душу. Это было первым необычайным. Торжественно и бесшумно в поток, струившийся сквозь меня, влилось все, что есть на земле, и все, что могло быть на небе. В блаженстве, едва переносимом для человеческого сердца, я чувствовал так, будто стройные сферы, медленно вращаясь, плыли во всемирном хороводе, но сквозь меня; и все, что я мог помыслить или вообразить, охватывалось ликующим единством. Эти древние леса и прозрачные реки, люди, спящие у костров, и другие люди — народы близких и дальних стран, утренние города и шумные улицы, храмы со священными изображениями, моря, неустанно покачивающиеся, и степи с колышущейся травой — действительно все было во мне той ночью, и я был во всем. Я лежал с закрытыми глазами. И прекрасные, совсем не такие, какие мы видим всегда, белые звезды, большие и цветущие, тоже плыли со всей мировой рекой, как белые водяные лилии. Хотя солнца не виднелось, было так, словно и оно текло где-то вблизи от моего горизонта. Но не его сиянием, а светом иным, никогда мною не виданным, пронизано было все это — все, плывущее сквозь меня и все же баюкавшее меня, как дитя в колыбели, со всеутоляющей любовью».

Этот опыт безбрежного космического сознания получил в такой прекрасной и дивной форме Даниил Андреев.

Возникает, однако, вопрос: в какой форме этот опыт может считаться достоверным? Можем ли мы вообще ут-

верждать, что этот опыт существует хотя бы в принципе, а не является продуктом больной фантазии некоего процента из поколения в поколение рождающихся людей с патологическими расстройствами психики?

И здесь мы вступаем в область того, что можно было бы назвать эпистемологией мистики. Современная эпистемология науки великолепно разработана, создан отточенный понятийный аппарат и сотни раз обсуждались критерии достоверности научного знания и научного эксперимента. Однако эпистемология мистики, исследующая мистический опыт, практически отсутствует. Правда, родственная проблематика всегда обсуждалась теологами. Но теология, несмотря на ее высоту, свет ума и святость, все же была скована непогрешимым авторитетом писания, а точнее, его канонических церковных интерпретаций, не говоря уже о резком неприятии опыта иных духовных путей. В современных же условиях, ввиду некоего отрыва религий Запада от живой стихии мистического опыта, связь теологии с мистикой иногда почти вовсе прерывается. Это относится и к философии религии. В ней обсуждаются феномены, порожденные массовой социально-религиозной практикой Запада. Она почти полностью сведена к социальной, обрядовой, благотворительной и миссионерской деятельности, а также к индивидуальной вере и религиозным исканиям людей. Но все это не очень превышает ментальное сознание. Все это — не мистический опыт и даже не аскеза благословенных монахов или отреченных йогов. Чаще изучают роль религии в обществе, а о мистическом опыте, возносящем на горние выси духа, не вспоминают. Многие интеллектуалы даже не подозревают о его существовании.

Однако после долгого господства материалистического, механического и позитивистского духа в общественном мнении Запада мировое колесо стало вращаться назад. XX век принес миру значительно большее число явлений духовности, хотя в основном оккультизма и низших мистических явлений. Можно предвидеть, что этот рост будет продолжен дальше, и теперь на сцену выйдут и высшие, светлые явления духовности. Они должны быть освоены культурой че-

ловечества. Чем же отвечают интеллектуалы на этот вызов времени? Неприятием или молчанием.

Это связано с господством науки, а также с сопровождающими ее материализмом и позитивизмом в общественном мнении трех последних веков. Наука есть всеобщий стандарт, всеобщая техника и всеобщая идеология индустриального мира, ее статус — омассовленно-социальный. Это, конечно, сила прогресса и знания человечества, но материализм — это цепь, приковывающая к земле, ибо есть и более высокое, светоносное и вечное знание.

Духовное же знание в европейской культуре было отброшено на периферию социальности. Поэтому, хотя «эпистемология мистики» и была развита, она имела совершенно иной характер. Она была предназначена для внутреннего пользования, для практических нужд самой мистики и разрабатывалась самими адептами внутреннего делания, а не посторонними методологами. Указания и общие принципы часто излагались учителем устно или в книгах — как искусство ориентирования в духовной жизни и в необъятности мистического опыта. Рационалистические исследования не проводились не из-за неспособности к отвлеченному мышлению, но из-за принципиальной сверхразумности духовной жизни. Ведь небесный свет, блаженство сердца, безмолвие разума и бесконечность Духа невозможно загарпунить логико-рациональными методами. Однако «эпистемология мистики» не становилась от этого менее важной. Ведь если философия науки — это интеллектуальная игра или вопрос зарплат и престижа, то для адепта умение различать — это порой вопрос жизни и смерти и осуществления самой великой цели существования, к которой он идет всю свою трудную, но благословенную жизнь. Это перила лестницы, идущей к молчанию разума, сокрытые внутри храмы радости и немного и любви, в божественный свет и к единству с бездной Бога.

Проблема истинности мистического опыта отнюдь не была схоластической. В ходе духовной практики искатель неизбежно вступает в область самого разнообразного внетелесного опыта и может сначала погрузиться в некий смутный хаос. Необходимо распознать, к какой сфере, к какому

сверхфизическому миру относится тот или иной опыт. Только духовные реализации являются истинной и великой целью; напротив, опыт низших миров может деформировать психику человека и превратить его в раба низших, демонических сил. Силы витального плана чаще уродливы и похожи на грубое человечество, а то и на зверей; однако они умеют и переодеваться, и выдавать себя за силы света. Витальный мир — это сфера грандиозных иллюзий, кривых зеркал и частого обмана, в нем всё в течении. Об этом этот начинающий мистик узнал от Шри Ауробиндо и отчасти уже из своего самого малого опыта. *(Потом это понимание, полученное от Шри Ауробиндо, помогло ему устремиться к превосхождению астрального мира, куда он попал, и восхождению на небеса, а затем — и к Богу. Он проходил мир тьмы, стремясь превзойти его, любя свет и небеса и твердя иногда имя Бога, и помня о цели — о единстве с Ним. Но для достижения самого Бога этого оказалось недостаточно, и потом, уже на небесах, открылась любовь к нему, которая стала для него самой главной. Современное примечание.)* Высший же или мистический опыт обладает внутренней достоверностью, высшим бытийным смыслом, он озарен дивным светом или постоянностью вечного бытия. Помочь здесь могут преданность Богу и духовно-нравственная чистота. Шри Ауробиндо, Мать и православные монахи предупреждали об опасности низшего темного мира (в православии это «прелесть»).

Большую роль на пути играет пример подлинно духовных великих Учителей прошлого. В связи с этим исследуют позицию Шанкары. Он различает три источника познания — чувственное восприятие, умозаключение и авторитетное свидетельство, исследуя их возможности в познании высочайшей духовной реальности — Брахмана. Это постижение не может быть достигнуто посредством чувств, так как они воспринимают только объекты, а верховный Брахман мало похож на предметы физического мира. Недостижимо оно и с помощью умозаключений, так как последние часто также исходят из данных чувственного восприятия, то есть опять-таки объектов. Таким образом, из трех источников остается только авторитетное свидетельство, то есть слово Вед или

Упанишад. Правда, высшим источником познания для Шанкары, что и есть истинно, является анубхава — интуиция, то есть прямое отождествление искателя с Брахманом. Это и есть личный мистический опыт. Но это не средство постижения, а уже его цель; здесь нет разделения на познающего и познаваемого. В сфере же такого разделения монополия Вед и Упанишад (то есть поистине опыт светлых и божественных Учителей прошлого) незыблема. Это действительно отчасти истинно: пока адепт сам не познал Вечное Бытие, он должен, как правило, следовать по тропам предшественников. Сама по себе духовная или йогическая практика может завести ученика в опасный тупик, если он не подчинился авторитету подлинно светлого духовного Учителя. В противном случае он может принять свои фантазии за подлинную реализацию или, что хуже, попасть в лапы низших психических сил и низшего (хотя и вполне реального) оккультного опыта. Это — нередко угрожающая опасность на пути Духа, но ее можно преодолеть, поднявшись в горную высь.

Наука долго утверждала, что она — знание, доказываемое опытом, а религия — вымысел, основанный на вере. Что ж, обсудим это. Как известно, критерий осмысленности научного утверждения, предложенный неопозитивизмом, состоит в его верифицируемости, то есть возможности строгой проверки. Эта проверка осуществляется посредством выполнения последовательности строго определенных действий. Верифицируемое суждение А должно обладать следующей формой: «в том-то месте в то-то время в тех-то условиях можно наблюдать и пережить то-то». Идем на указанное место, так, чтобы оказаться там в указанное время, реализуем указанные условия и описываем полученные при этом наблюдения неким суждением Б. Если Б тождественно А, то это означает верификацию А, то есть его истинность.

В духовной жизни ситуация во многом похожа. Имеется описание определенного мистического опыта, осуществленного предшественниками, имеется рецептура его достижения — определенный путь духовной практики; пройди им, и проверишь истину слов Учителей. Однако есть и различие: для проверки достоверности мистического опыта не-

обходимо личное прохождение «проверяющим» всего пути, а для этого он должен посвятить ему всю свою жизнь. Как и в естественно-научном опыте, критерием будет реальное наблюдение или видение небесного света, а то и тождество с Единым, воспроизводящее опыт предшественников. И, как и в науке, видящий должен быть определенным образом оснащен. Без мощного телескопа астроном, как и любой человек с улицы, никогда не увидит отдаленную туманность. Но в естественных науках дополнительное оснащение наблюдателя — это физические приборы, а сам аппарат человеческого чувственного восприятия остается неизменным, какой он есть от рождения. На духовном же пути человек должен еще сформировать в себе аппарат мистического восприятия — тонкие органы чувств и Сверхсознание. Этот аппарат и будет его инструментарием наблюдения. Ведь только это тонкое видение или слух открыты для созерцания высших светоносных миров — а сам Абсолют познается через слияние с ней. Это тоже определенная высшая величайшая способность Духа. Напротив, приборы естествознания лишь расширяют диапазон физических чувств человека, но не открывают его к иным измерениям реальности. Поэтому духовный опыт не может быть подтвержден или опровергнут средствами науки, так как он принадлежит к совершенно иным сферам. Однако духовный опыт доступен каждому, кто отдал свою жизнь духовному пути, очистил витал от желаний и страстей или еще и ум от мыслей, освободил себя от всех привязанностей к мирскому и раскрыл в себе органы небесного видения. Он повторит достижения предшественников, если он имеет соответствующий духовный рост или приблизится к ним, пережив меньший опыт, если его уровень ниже. Но предшественник или духовный Учитель, если он имел подлинно высокий духовный опыт, должен обладать определенными качествами. Личная святость, чистота и духовное светлое сверхзнание, в противовес только интеллектуальной компетенции ученого, могут рассматриваться как свойства великих духовных учителей. Определенный уровень духовной чистоты составляет технологическое условие, неизбежную предпосылку любой духовной реализации. В самом деле,

личная чистота адепта есть почти точная мера его господства над своей низшей природой, без чего недостижимы высшее Знание и сама бездна Бога. Духовная чистота и личная святость завоевываются в горниле внутреннего преобразования в ходе духовной практики. Они позволяют ему коснуться выси бытия.

Духовные учителя несут на себе печать своих высоких светлых достижений. Исходящие от такого существа покой ума, могучая духовная сила или чистейшая любовь, его сияющие собственным светом глаза, свет его слова наглядно свидетельствуют о раскрытии Духа в нем. Такой учитель и может быть истинным проводником к высочайшим вершинам Духа.

Приведем примеры мистического опыта разных святых и мудрецов. Вот выдержка из рассказа Мотовилова о его беседе с великим русским святым, Серафимом Саровским:

«— ...все-таки я не понимаю, почему я могу быть твердо уверенным, что я в Духе Божьем. Как мне самому распознать его истинное явление?

...Тогда о. Серафим взял меня крепко за плечи и сказал мне:

— Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божиим с тобою. Что же ты не смотришь на меня?

Я отвечал:

— Не могу батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли.

— Что же чувствуете вы теперь? — спросил меня отец Серафим.

— Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу... необыкновенную сладость... необыкновенную радость во всем моем сердце.

— Что же еще чувствуете вы теперь? — спросил меня отец Серафим.

Я отвечал:

— Теплоту необыкновенную.

— Как, батюшка, теплоту? Да ведь мы в лесу сидим. Теперь зима на дворе и под ногами снег, и на нас больше вершка снегу, и сверху крупа падает...

— А запах?

— Нет, — отвечал я, — на земле ничего подобного этому благоуханию. Когда, бывало при жизни матушки моей, я любил танцевать, и ездил на балы и танцевальные вечера, то матушка опрыснет меня, бывало, духами, но те духи не дают такого благоухания.

...Исходящее от него неизреченное блистание света видел я сам, своими собственными глазами, что готов подтвердить и присягой».

В 1950 году К. М. Мунши, министр кабинета и губернатор штата Мадрас, увидел своего старого учителя французской филологии в колледже Ауробиндо Гхоша и был потрясен его необыкновенной внешностью: «Я видел пред собой существо совершенно преобразившееся, сияющее, блаженное, погруженное в атмосферу божественного покоя. Он говорил тихим и ясным голосом, который взволновал меня до самых глубин». А вот другое свидетельство о встрече со Шри Ауробиндо — Сатпрема, француза по национальности, который до того ни разу в жизни не видел азиатского мудреца. «Двигаясь автоматически, я приблизился. Я сложил руки на индийский манер, как меня тому научили. Там был он — почти придавленный неподвижным могуществом. Его лицо излучало голубое сияние... Он взглянул на меня. Взгляд был широким, шире, чем все пески Египта, нежнее, чем воды всех морей. И все перевернулось в... я не знаю, в чем. Всего за три секунды. Три секунды — и навсегда». «Для меня он был не больше чем мыслитель. И вдруг я встречаю его — не философа, но существо... Никого ему подобного я не встречал на Земле. Это существо воплощало в своем взгляде, в теле, в атмосфере то, что я ощущал, плавая по бескрайним морским просторам. Вся эта безбрежность — в одном-единственном существе. Люди проходили пред ним не для того, чтобы посмотреть на него, но для того, чтобы его взгляд мог открыть... приоткрыть ту дверь в нас, через которую нечто может наполнить нас и свершить».

Когда Мать впервые плыла на корабле в Пондичерри, где и пребывал Шри Ауробиндо, она сказала, что она почувствовала его атмосферу еще за десять морских миль.

Послушаем Майстера Экхарта, как он описывает переход от мира и себя через духовное сердце прямо в абсолют: «Пусть человек отвернется от самого себя и всего сотворенного. Поскольку ты так поступишь, постольку достигнешь ты... блаженства в той искре души, которой не коснулось ни время, ни пространство. Эта искра сопротивляется всем творениям и хочет только Бога, чистого, каков он есть Сам в Себе... Свет этот хочет знать, откуда эта сущность, он хочет в самую глубину, в единую, тихую пустыню, куда никогда не проникало ничего обособленного — ни Отец, ни Сын, ни Дух Святой; в глубине глубин, где всяк чужой, лишь там доволен этот свет, и там он больше у себя, чем в себе самом. Ибо глубина эта — одна безраздельная тишина, которая неподвижно покоится в себе самой. И этим неподвижным движимы все вещи».

Если в случае с Серафимом Саровским мы имеем опыт небесного света, сладости, радости сердца и благодатного благоуханья, то в случае со Шри Ауробиндо — опыт бесконечности.

И все религии получают свой мистический опыт, пусть разный, но дополняющий друг друга. Все они — цветы в вечном саду.

Условиями чистоты мистического опыта являются свобода от низших импульсов и страстей и самоотдача Верховному Владыке всех путей. Опыт чаще повторяет опыты предшественников, но нельзя сделать это абсолютным правилом: это ограничит возможность проявления нового, бесконечную свободу духовной жизни. Писание, или шастра, или слово учителя помогают достичь этого опыта, но они не должны превращаться в ментальный аркан, брошенный на духовную жизнь. Они высоки и святы. Их роль — быть мостом, который все же оставляют позади при вхождении в спонтанность и бесконечность духовного бытия. Оно превышает любые заданные наперед рамки и не вмещается ни в одно писаное слово.

Сам адепт, достигший мистического опыта, знает, а не предполагает свой предмет с безоговорочной достоверностью. Он необязательно нуждается в переводе на язык мыслей и слов. Это лишь критический разум размышляет и строит догадки и

предположения. Эта несомненность — не фанатизм. Фанатик пребывает в пределах одномерного разума, искусственно подавившего критицизм разума свободного, а не в пределах светлого духовного опыта. Он живет в состоянии нетерпимости к иным взглядам и стремится их навязать. Напротив, адепт, достигший духовной реализации, бесстрастен, умиротворен, купается во внутренней тишине и в ручьях блаженства и всеогревающей любви ко всему миру, не отрицает чужие убеждения и осуществляет всепринимаящий синтез. Его разум не подавлен насильственно, но превзойден в высшем, непосредственно истинном и всеохватывающем сверхсознании. Он осуществил прорыв за пределы только ментальной вероятности в сферу высшей духовной несомненности. И существуют фанатики в религиях вроде иудаизма, христианства и мусульманства, но главное в них — свет этих религий.

Итак, духовная жизнь означает очищение и успокоение с помощью аскетической практики витальной и умственной природы человека и прорыв в сферу выше человеческого разума, в сферу Духа. Это вхождение в счастливые глубины сердца, погружение в безмолвие разума, подъем в высший свет и в завершение — отождествление или слияние человека с вечным «Я». Таким образом, это не то, что часто понимают под словом «духовность», а именно культура людей. Однако связь между ними существовала. В эпохи, когда жизнь адепта Духа считалась высочайшей вершиной человеческого бытия, культура через этические и ментальные искания готовила людей к духовному существованию. Во-вторых, она отображала ее через идеалистическую философию и просветленное искусство. Кроме того, духовная жизнь выражалась более непосредственно через святыне Писания и творения величайших мудрецов или поэтов духа, являвшихся прямыми манифестациями сверхсознания. Интеллектуальная, эстетическая и этическая культура, хотя и пребывает на более низком уровне, иногда может подготовить человека к духовному взлету. Кроме того, будучи свободной, она расширяет ментальный кругозор, открывает плюралистическое видение мира, воспитывает в людях терпимость к последователям иных духовных путей, но сама по себе она — не реальность мистика.

Вот оглавление этой диссертации, написанной в первый год йоги (лето 1992 — лето 1993 гг.) и немного доработанной сейчас (в 2011 году):

1. Цивилизация разума, ее ограничения.
2. Сущность духовной жизни.
3. Мистический опыт.
4. Духовная жизнь и социальность.
5. Теория и практика «внутреннего духовного делания».
6. Интегральная йога Шри Ауробиндо.
7. Сверхрациональное сознание.

Были написаны четыре главы из семи. Тяжелая болезнь, последовавшая за жестоким избиением, не дала ее завершить. Впрочем, автор не жалеет об этом, ибо все миры тьмы и света и сам Бог в его полноте открылись ему позже. Об этом читайте в его последующих книгах.

В это время автор занимался духовной практикой, очищая себя от страстей и по семь часов в день освобождая ум от мыслей. Он перестал пить водку и вино и есть мясо и довел секс до одного раза в пятнадцать дней. В самом начале он предал себя Всевышнему. Он концентрировался в сердце, в центре груди, с священным или святым образом, и немного касался сладкого источника блаженства и чуть любви внутри. Но полностью идти по пути бхакти, преданной любви к Господу, он не мог, хотя в некоторой мере пытался. Сопротивлялась гордыня, идущая от старых дней жажды власти. Он бессознательно сравнивал себя с Господом, что он ничтожен пред ним, и что-то внутри бурно протестовало. Потом, через пять лет, уже на небе, у него отняли гордыню, и любовь к Господу потекла изобильной рекой. И тогда полностью открылось сердце, сердце любви и блаженства. Путь Шри Ауробиндо и включает концентрацию в сердце с любовью и самоотдачей Всевышнему, это очень важная часть его метода. Но концентрация на бесконечности Бога, стирание малого «я» и молчание мыслей — тоже важная часть пути. Так вы, пройдя сначала стадию преданной любви, вольетесь в Бога и станете необъятным.

Эта диссертация была отредактирована сегодня. К критике разума добавлена большая часть добрых слов о нем,

ибо это соответствовало долгому времени философии идеализма, когда этот Коровин любил разум и философию сильнее всего. Затем добавлено несколько слов о божественном свете. Хотя какая-то тяга к свету у этого йога Коровина уже была тогда, и он написал два-три слова о нем в этом трактате, но сильно он ощутил ее немного позже, прочитав несколько книг светоносцев вроде Толкиена или Даниила Андреева. Но он тогда и практически не меньше любил Бога и не меньше мечтал о слиянии с Ним по Шри Ауробиндо. Это было во время прохождения астрального мира тьмы. Благодаря всему этому он увидел потом яркий свет озаренного разума, огромный прекрасный мир, залитый светом, в отличие от отдельных искр более слабого голубого света, который он видел в первый год пути. Через 5-6 лет жизни на небе пришел сам Бог и единство с Ним.

Но эта диссертация была еще чуть или немного ниже, ибо там было перепутано соотношение индивидуального и абсолютного духа в одной фразе. Там фактически был описан собственными словами и цитатами восточных мудрецов трансцендентный, необъятный, почти абсолютный Брахман, с которым человеку надо слиться, а назван он в оглавлении раздела имманентным, индивидуальным духом. Но это — явная ошибка, которая в некоторой мере опустила эту диссертацию вниз. Однако далее там был назван и трансцендентный дух, с которым тоже позже должен слиться человек, хотя о нем было написано меньше. В действительности и то, и это описание, по сути, относится к абсолютному, трансцендентному, безбрежному духу. Индивидуальный же дух в человеке — это на самом деле душа любви и блаженства в сердце.

Хотя эта диссертация была весьма или очень близка к тому, что написано здесь сейчас. По-настоящему же интенсивная всепоглощающая любовь к Богу и всепоглощающая жажда единства с Ним пришли уже на небе, через год с небольшим после прибытия туда.

Но если вы, прочитав эту часть, пойдете по ее пути, еще любя свет и небеса, то, более чем вероятно, вы, пройдя мир тьмы, достигнете небес света высокого ментального плана, но не подниметесь выше, ибо преданность Богу в этой дис-

сертации не сильная и познание Его бесконечности еще не основано на опыте. В мирах света вас остановят ангелы и божества света, враги сил тьмы, которые будут вашими хорошими учителями. Они покажут вам свет, дивные красоты небес и, возможно, одарят мистическими силами. Однако они несколько горды. Поэтому, если вы захотите достигнуть Бога и слиться с его бездной покоя, они могут начать ставить вам препятствия, чтобы вы не превзошли их уровень. Поэтому лучше, если вы хотите достичь ее, прочитать поздние книги Коровина или книги Шри Ауробиндо. Там много написано о Боге, о преданной любви к Нему и о слиянии с Его необъятностью.

Озарения разума о мистической реальности (лето-осень 1992 г.).

Моя йога в первый год.

5 июня. Медитации по Каптену. Поток немного сверкающих абстрактных образов, линий и фигур на внутреннем экране в третьем глазу.

6 июня. Видел потоки тонкой беловатой энергии (праны), резкое усиление обоняния. Это, конечно, самая низшая энергия. Ощущение силы во всем теле.

5 августа (уже на пути Шри Ауробиндо). После медитаций ментального безмолвия — вечное молчание Брахмана, хотя еще ограниченное, не безбрежное. Почти полное прекращение деятельности ума. Состояние, которое не хотелось покидать, в нем можно было пребывать еще и еще.

7 августа. Нисхождение святой силы, ее вибраций, через макушку головы во время медитации над безмолвием. Близость астрального обоняния: боль в кончике носа и чуть приятный, прохладный, пронизывающий запах.

9 августа. Начало открытия третьего глаза. Боль в этой чакре, восхождение к сфере над головой во время тишины разума.

Затем — несколько дней медитаций над ментальным безмолвием с переменным успехом. Небольшая боль в голове — давление нисходящей силы на крышку черепа.

12 августа, среда — абсолютное безмолвие во время ходьбы по Москве. Час-полтора — восприятие без слов и

мыслей. Концентрация: над головой — в образах огненного шара, или полусферы вверх, или факела, или спускающегося сверху конуса. Но очень яркого света в эти месяцы еще не видно — через несколько дней вместе с силой свыше в третий глаз стал спускаться искрящийся довольно яркий голубой поток.

В последние дни: тишина часто устанавливается на ходу автоматическим (без слов) усилием. Давление на голову слабеет (сила немного ее опустошила). Начинаются вибрации и давление ниже (до живота и ног).

14 августа. Почти полное объединение стремления ввысь (из души в сердечной чакре) и молчаливого покорного принятия силы, нисходящей вниз.

Из центра души в сердечной чакре — огненный столб стремления, самоотдачи Всевышнему — ввысь; жар внутри и сотрясения всего тела. И — рыдания, жгучая, но радостная боль самоотречения ради Него.

В ответ — через тишину истинного «я» над головой — могучий поток силы вниз. Руки налились свинцовой тяжестью, их почти невозможно было оторвать от тела. Поток силы сотрясал почти все существо в молчании разума, в молчании наблюдающего Пуруши. И звон серебристых колокольчиков — иногда тихий, иногда оглушительный — в ушах, в голове, или (иногда) повсюду в существе.

В последние дни (середина августа) установлен прямой контакт с душевным существом в сердце. Часто чувствую боль, сменяющуюся восторгом в сердечном центре. Голос, обладающий интуитивным знанием, властно повелевает из глубин сердца, что я не должен делать, и без тени сомнения, без вмешательства рассудка я слышу эти повеления в себе. Голос из сердца советует очищать себя от страстей, вожделений и гнева и немного меньше есть (*впрочем, я и так начал все это делать, вступив на путь*).

Через несколько месяцев в сердце немного проявилась любовь к Божественной Матери и Богу. Но что-то (*как выяснилось годы спустя, гордость и жажда власти — примечание последующих лет*) мешало проявиться ей в полной мере, что-то сопротивлялось. (*Потом, в 1999 году, уже на*

небесах света, после года очищения от жажды власти и гордыни, любовь из сердца потекла к Богу непрерывной струей. А еще спустя два года сердце полностью раскрылось, вышло на поверхность.)

В результате медитации безмолвия разума иногда на полчаса воцаряется полное молчание: стоит целенаправленно сконцентрироваться в области над головой, и полная гладь безмятежности воцаряется в зеркальной субстанции ума. *(Интеллектуальный и даже физический ум тоже успокоили на небе в 1998 году. Тогда пришло практически полное молчание, которое стало постоянным.)*

Озарения разума о мистическом опыте и мистической реальности (осень 1992 года; последующие восприятия мистика 1998–2008 гг. в основном подтвердили их истинность).

Духовный и интуитивный разум не выводит из идей и первопринципов следствия. Интеллект должен обдумать, расчленить, проанализировать свое содержание: он должен поставить на его место систему идеи или доказать свои положения логикой. Духовный разум не обдумывает. Богатство духа раскрывается для него через озарения, вспышки интуиции, непосредственное восприятие. Эти вспышки света падают в дух мистика в безмолвии разума подобно горячим золотым каплям. Это может сопровождаться огненным жаром в теле — это мир озарения. Из духа приходят лучезарный спокойный свет, безмолвный покой и в конце — беспредельность Брахмана или Бога.

С нисхождением озарений и интуиций напряжение сознания в конце концов исчезает, остается тишина созерцания. В момент восприятия озарения сознание не рассуждает по его поводу, оно просто безмолвно принимает его как оно есть. Эта интуиция падает в освещенное лучами высшего света пространство. Капля за каплей свободно-молчаливо ниспадают прозрачные серебряные вспышки света, несущие озарения. Они льются из широких озер или океана духа, сознанию остается лишь их выпить. Источник всех лучей — безбрежный океан Духа. Сознание пронизывают разнообразны, светящиеся лучи и слова света, идущие из источника выше. Сознание не размышляет, оно видит и знает. Ни од-

ного слова с подачи рассуждения, все слова беззвучно и безостановочно ложатся на бумагу или входят в уста. Дух человека приобщается к сверкающим пространствам созерцания, откуда льются золотые озарения или интуиции. Где-то выше ждет бесконечное море Бога.

Дух изливается как бы короткими, как удар молота, формулами мысли, лаконичными притчами или потоком вдохновения. В потоке, текущем свыше, иногда вспыхивают ослепительные образы. Кто-то видит их наяву. Поток вибрирует в спокойном ритме Вечного океана. Он приходит и как растекающаяся в лучах сияния и красоты пышносветная озаренная поэзия. Это простые, но могучие притчи, пронизанные течением ритма свыше. Но есть здесь и собранный, спрессованный в краткие формулы живой мировой огонь.

Бог требует от человека самоотдачи всего бытия, озарения и интуиции требуют только смиренного безмолвия, невмешательства страстной и умственной природы и открытости воспринимающего духа. Через самоотдачу Богу и поклонение ему с концентрацией в сердце раскрывается душа любви и радости и постигает свое бессмертие. Это начало пути преодоления обособленности, в этом также смысл жертвенной самоотдачи.

Путь к слиянию с бездной Единого ведет в пустоту и Ничто, в свободу необъятного «Я». Вечное «я» не знает границ, оно в своем космическом аспекте есть всеединство. В другом аспекте это — переживание Ничто. Я — во всем, я — бездолен. Так и есть при слиянии с Богом. Простор бытия, выражаемый не интеллектом, а мистической поэзией. Раньше — переживание озаренного мышления как живого огня, приходящего из светоносных пространств. *(Все это уже сегодня случилось с этим мистиком, поэтому эти предвосхищения были правильны. А мистическая поэзия выше интеллекта была уже тогда.)*

Тщета вещей, их непрочность, круговорот: миры сгорают и гибнут, возвращаются в Ничто. Но оно — вечная божественная реальность.

Первый проблеск божественной красоты внутри: любовь к Богу и любовь к нему во всем (май-июль 1991 года, под

воздействием Евангелия). Но приходит интеллект и хочет оплести это понятиями в стиле Гегеля и Платона об Абсолютном и относительном. Путь к прямому мистическому опыту — жертвенная самоотдача души Богу. В духовном опыте должно быть постигнуто: а) Бог есть; б) он есть Ничто; в) он есть Всё.

Ничто — пути к нему: слушать поэтической мыслью голос Пустоты, мелодию Ничто; смирение интеллекта перед ним, безмолвие разума по Шри Ауробиндо, смирение (и стирание, добавим сегодня) малого «я»; смирение существа через зрение тщеты вещей, дао, мировые пожары Гераклита, пралайя индусов. Но Ничто может прийти и само, не спрашиваясь. Но без встречного движения движение жертвенной самоотдачи Богу затруднено.

Увидеть все вещи в рождении, изменении, гибели — это и есть шаг к Ничто. Но единый взор на судьбу вещей дается, лишь когда порог мистического знания уже пресечен.

Смирение мысли. Все великие говорили по-своему, и каждый по-своему прав. Любая мысль уступает, чтобы дать слово Величайшему. «Стихослагание над загадкой Бытия» (Хайдеггер), но оно невыразимо. В какой-то миг свершается вступление в Пустоту. Но она вечна, это Одно неизреченное, и все слова мысли о ней слабы и малы. Необходимо смирение пред Великим. Оно — есть, но оно — не конструкция нашего разума: оно — загадка, и загадка всего. Смирение «я» — трамплин для прыжка в бесконечность. Дао, нирвана, Брахман йогов, Дионисий Ареопагит, несколько раз Плотин. Безмолвие разума Шри Ауробиндо — это тоже шаг туда. Окончательное вхождение в Пустоту — стирание границ малого «я».

Все — единство. Я — во всем, это все — живое. Бог-любовь — во всем. Когда-то будет достигнуто зрение живого Бога в любом сущем. Выражается это на языке поэтической мысли и поэзии. Великий океан и миллион голосов сущего.

Сначала постигается малая душа, частица Бога в сердце. Она пробуждается через персональную самоотдачу Всевышнему и поклонение божественному образу с концентрацией в сердце. Постигается бессмертное, блаженное «я»,

частица вечности. Эта душа скрыта глубоко внутри, в ответ на наши усилия она ломает прутья клетки.

В Ничто бытие не кончается — начинается Бытие. В абсолютном бесформенном простирании оно пронизывает вещи, не центрировано в теле, ты растворен в нем. Остается Вечный Покой. При вхождении в Ничто приходит внезапное ощущение Невыразимого, Главного, Необъятного. Рождается не мысль, нет — реальность: «Я» — великое, «Я» — мира, безмятежное, нерожденное и бессмертное, и я един с этим «Я». Это — единственное, иное, все кипение миров — лишь его пустая шелуха. Ничто = «я», развернутое во все стороны, и твое «я» как душа любви и радости в сердце — его частица. Смирения эго и интеллекта или безмолвие разума — шаг к пустоте, Ничто или, если говорить о космическом аспекте Божественности, вездеприсутствие, где нет границ. Самоотдача Единому как путь к нему — и стирание малого «я».

Путей столько, сколько ищущих. Йог, мудрец, монах и разные религии. Но есть духовный опыт, перерастающий затем в реализации:

- 1) Вхождение в сияющий свет и отклик поэтической речи на него;
- 2) Рождение бессмертной души в сердце с ее поклонением божественному образу или Богу и радостью;
- 3) Ничто;
- 4) Космическое всеединство.

Есть порог, переход на ту сторону. Позади остались все поляны и болота жизни и строгой формы здания сооружения интеллекта из понятий-кирпичиков. Впереди еще смутно, сквозь вуаль, сверкнули чистые прозрачные родники вечной жизни в царстве Духа. Между ними — глухая и непроницаемая ничейная земля. Здесь, недалеко от границы, вспыхивает для ищущего чародейный, чудесный свет Предвечности. Тенью покажется ему мир позади. Но это — и место страшных испытаний. *(В это время автор данной работы уже начал (правда, весьма редко) видеть грубые и немного устрашающие образы астрального (витального) мира*

во сне, а через год он войдет туда целиком и будет блуждать в этом жутком на две трети логове дьявола три с половиной года, пока не достигнет прекрасных небес света. Позже он увидит самого Бога и на треть сольется с Ним.)

Этот порог — второе рождение, рождение в истине. «Ибо есть крещение водой, а есть от духа святого». Это — рождение, не более не менее, изменение способа бытия. И это — дорога Домой, возвращение на Родину.

Ступени лестницы, ведущей ввысь.

1. Жизнь как полуживотное, получеловеческое существование. Влечения и страсти — витальное существо. Чуть выше в нем — самоутверждение в сферах бизнеса и политики.
2. Интеллект. Совокупность идей и принципов. Логика и рассудок, рассуждение и чистая мысль.
3. Первая стадия Духовного существования.
 - а) Духовный путь «Умное делание» — очищение от страстей, желаний и гнева, ментальное безмолвие (освободить ум от мысли, глядя на них со стороны или отбрасывая активно, стоит им лишь появиться в поле ума), концентрация в третьем глазу, чтобы увидеть свет. Жизнь как отречение во имя преданного служения Богу. (Этот путь автор тоже проходит и в этот год, и потом. Но потом он стал много более предан Богу и более сконцентрирован на единстве с Ним, на его необъятности.)
 - б) Интуитивный разум (мудрецы); духовное зрение и свет (святые и пророки); светоносное прекрасное слово мистики (поэты).
 - в) Пробуждение души блаженства в сердце. Она точно определяет, что верно, что нет, что темно в существе, а что — уже свет.
4. Сверхсознание. Единство с Ничто или единство со Всем.

Еще раз:

- 1) Тело и желания и страсти витала. Жизнь ради денег, женщин или власти.

- 2) Интеллект. Пребывание в потоке культуры, работа на благо ее и прогресса человечества. Рассудочная мысль — теории, идеи, идеалы. Свободный мыслитель.
- 3) Этап духовной практики, аскетизм, отшельничество, отрешение от всего во имя Господа. В центре сознания — служение Богу и Вечность Ничто. Духовная, а уже не интеллектуальная мысль. Очищение страстей и безмолвие разума — шаг к вечности. Пробуждение неподвижного безмолвного «я» в уме, невозмутимо следящий Пуруша, безмолвная частица вечности Бога (но иная, чем душа в сердце). Душа — вера, религия, четкое знание, что должно, радость и любовь, пламя стремления к Богу. *(Этой радости и немного любви он касался тогда раз десять. Когда-то она пробудится как любовь к Богу и ко всему, верил тогда этот йог. А так и вышло потом.)*
- 4) Слияние с вечным Бытием.
 - а) Я — жизнь, и жизнь желаний или страстей;
 - б) Я — разум;
 - в) Я — частица вечности и бесконечности Духа;
 - г) Я — сама вечность.

Пустота... Простор мира, человек как его зеркало, когда его опустошить от всего содержимого, в том числе от мыслей. Я — частица бесконечности, но потом я вернусь в нее и сольюсь со всем, или с Пустотой, с простором бытия. Стану безбрежным зеркалом вечности.

Нирвана. В ней — бездонная пустота. Проходя в нее, забываешь, кто ты; исчезает любая индивидуальность, любое «я», пропадают все мысли, стремления, интересы мира, все малые восприятия мистиков. Остается только неограниченное То, которое есть ты сам, безличное и неколебимое, которое пребудет вечно. И ничего вовеки не нужно — только присутствовать, пребывать в молчании здесь, сначала — подле Этого, а потом — в Этом. И никуда не уходить, и пусть воздвигаются и тают обратно в Боге миры, и пусть последний мир через миллиард лет поглотится Богом... Одно, забывшее себя, без мыслей и без чувств, и оно — и только оно — и есть Присутствие, Бытие и Реальность.

Постигается Оно (в бесперсональной форме, но совершенно реальное и вечное) — Одно, о котором мысль и из которого мысль всех мудрецов и великих. Вся мудрость становится внутренне единой, рожденной Одним, она — твой родной дом. Оно — это место, куда ты впущен для обитания и бытия им. Нет ничего чужого, весь разум, рожденный Одним, — твой, все эти книги написала твоя вечная Сущность. Мудрость и религия — единый клокочущий котел, из которого время от времени поднимаются пузыри — мудрецы и пророки — чтобы вновь сгнуться в Одно и то же, несказанное. Нет отдельной личности мудрецов и провидцев, это миф, есть лишь явления Того. И это То, которое приняло тебя в свою милость, которое изнутри сопрягает в единство всю мудрость и святость (нет многих концепций, есть одно слово Единого знания) — это Одно живое, не теория, но Существо. Пока еще бесперсональное, но потом — уже нет! Ведь нельзя отдаться мертвому, просто пустоте, слову: ты, даже еще не ведая (явно!) об этом, предошущаешь жизнь в нем и Его жизнь, иначе не совершил бы акта — прыжка в пустую и загадочную безвестность.

Здесь же — и рождение мысли о Ничто, откуда и куда всё. Но это — пока бесперсональное Оно. Через акт личной самоотдачи раньше или позже прямоходишь в это Нечто (а не просто предошущаешь его везде — но извне, или только мыслью и мистической поэзией). Позже немного ощущаешь уменьшенное Это в безмолвии и разуме. Но, отдав себя Ему и войдя в него, узнаешь, что Ничто есть «Я» Великого, Оно есть Он, что в нем — жизнь вечная, что Он — и в тебе. Ты сам — его частица, сокровенный и спящий луч его, но, входя в Него, касаешься вечного Бытия, Его вечности.

Будущее можно предсказывать, изучая современные тенденции и экстраполируя их в грядущее (футурология). Пророчество — это восхождение в вечную истину, в высшие сферы, где все уже есть и прямое видение того, что уже свершилось на Небе и должно свершиться на Земле. Либо это прорицание в слове Божьем. Созерцать само Божественное, то, что навеки есть, и видеть, как история вытекает из него (а не экстраполировать настоящее). Так возникают новые

эпохи: они истекают из высших планов и сфер или миров Духа. Созерцать цветок, который уже расцвел на небе, но еще зацветет на Земле.

Великая сущностная возможность грядущего состоит в том, что миллионы людей войдут в контакт с более высокими мирами или сферами, чем интеллект. Тогда внезапно и разом произойдет низлияние сил Духа на Землю, явление нового Бога. Если цивилизация Новой Европы во многом была основана интеллектом, то следующая будет цивилизацией Духа. Должна быть милость свыше — человек же может принять будущее как судьбу. Она приходит из светоносных высших миров или от самого Единого.

Интуитивный разум не анализирует идеи: внезапно правда высветляется в светлых сферах или в Одном, к которому ум лишь прикасается.

Через мудрость, мистическое искусство, религию и божественную философию воплощает себя на Земле Дух Божий. Небесный цветок распускается на Земле. Они открываются Высшему, чтобы оно действовало через них. Через них являет себя свет озарений и интуиции, они служат пассивным каналом. Это могут быть светлые миры, но в более высоком случае Одно выбрасывает свою энергию через них в мир. Их заботы — выразить сокровище Одно как Одно, не нарушая его невыразимости. Яркий свет небесной поэзии — и тихая задумчивость или даже речь, близкая к безмолвию мудрости. Ибо она идет из безмолвия Ничто.

Когда ум обретает кристальную прозрачность и озарения и интуиции входят без малейших усилий, беззвучно — они сами становятся прозрачными. Невесомые, лучезарные, легко скользящие, они вспыхивают и играют чистыми цветами пред оком Духа в хрустальной глубине неподвижного, нередко безмолвного ума. Они несут мистикам сияние; чистые, светлые летучие энергии. Если не застыть в молчаливом внятии света и озарений — они обожгут душу. И заполнит все тихая радость, которая почти не имеет конца, которая длится и длится, ибо вовек не иссякает ее источник, которая не нуждается в причинах и оправданиях, ибо она есть просто потому, что она есть.

Высшие сферы обладают светом, энергией, радостью, теплом, любовью; они способны приводить внимающий или даже уже безмолвный ум в движение. Принцип интеллекта — активность рассуждающей мысли; принцип духовного ума — вняtie того, что приходит свыше. Человек — лишь канал, транслятор, через которые изливаются божественные энергии, свет и красота. В некоторых случаях можно просто записывать то, что диктует безмолвному разуму голос над головой: важно, чтобы он был из сфер света, а не тьмы, а то и голос самого Бога. Эти лучи и откровения свыше ложатся в глубины нашей потаенной вечной сущности или личности; туда забрасываются семена света, чтобы они потом взошли живыми всходами. Ибо через них Он действует в мире.

Открываются двери в иную страну, в иной ум, где пробудятся другие способности, радикально иные, чем интеллект. Это озаренный или интуитивный разум. Реальность, возвещающая себя и действующая из высших сфер, исполнена живой мощи, красоты, любви и света. Схватить ее в абстрактных понятийных схемах — значит опустить ее ниже ее существа, не дать действовать ей самой. Слово мудреца, пророка, провидца или светлого поэта сохраняет ее свет, силу и милость. Слово должно быть явленностью мощи таинственного нисхождения высших сфер — хотя они являют и через свет и красоту образов.

Если интуитивный ум действует в сфере самого мистического опыта Бога и Ничто, то озаренный — в области его светоносной сокрытой близости. Человек уже поднялся над миром рассудка, но в мистический опыт Высочайшего еще не вошел. В мистическом опыте уже есть Бог, в озаренном разуме — открытость вдохновениям и озарениям извне.

В духовном опыте можно пережить единую космическую жизнь, всепронизанность единства, стирание границ «я». В озаренном разуме — быстро меняющийся свет, пишет Шри Ауробиндо. Выше идет вечно пребывающая Основа всего, вечно сохраняющееся Бытие. Когда человек отдаст себя Ему, то его блуждания в мире трагизма или поверхностных удовольствий жизни и в произвольных конструкциях разума закончатся. Нужно, чтобы человек отказался от себя, от своих

домыслов и внял бы вечности в ее неприступной тайне, пропасть «Я». А также внял бы вещам и дал бы им слово поэзии и поэтической мысли, не нарушая их самобытности.

В мистическом опыте постигается великое Оно в своих аспектах вездиприсутствия и отрешенности от всего — посредством вхождения в Него и слияния с Ним. Вечное «Я» надо всем, тотальность единого бытия повсюду, умирает обособленное эго («нет границ у меня»). Немного раньше постигается душа радости в сердце. Человек обретает скрытые силы или способности, но главное — входит в новый способ Бытия и познания и становится рупором этой реальности через слово мудрости, поэзии и мысли.

Духовную реализацию, мистическое познание невозможно постигнуть на основе понятия. Единственный способ — это самому войти в него, ибо это — вопрос опыта и только опыта, причем такого, который испытываешь сам. Тогда его описание станет понятным, говорящим.

Мистический опыт — не только базис для мудрости и духовной философии: он есть скрытое основание бытия мистика. Вступившему в него он дает вечное Одно — и жизнь, и любовь, и блаженство, и покой, и свет. Оно дает или возвращает твое вечное «я». Но твое малое «я» — это Оно для Духа и Бога, для служения и отдачи ему. Высочайший светлый духовный разум служит скрытой основой для работы интеллекта с его понятиями и логикой. Вечное Одно служит скрытой основой для нашего эго с его волей и движением вперед. Интеллект скрыто жив высшим интуитивным разумом, лишь обертывая его в наши категориальные одежды. Подобно этому, наше малое «я» незримо живо скрытым дыханием вечности, но оно же загораживает ее от нас, превращая в малое обособленное существо.

Интуитивный ум совершает опытное познание (Бог — не предмет анализа и рассуждений, а предмет опыта), но уже свершившийся опыт должен быть выражен в словах. Он выражает его на языке притч и афоризмов, на языке мистической поэзии, но порой — на языке, близком к разуму. Поэтому интеллект может принять это за свое действие, рассуждение и анализ и не увидеть в этом ничего высшего.

Отождествляясь со всем, человек становится всеми вещами. Он должен отождествиться с ними, войти в их сердце и простор бытия, содержащий их. Он должен расступиться, лишиться себя форм, стать пустотой, чтобы слиться со всем и принять форму всех вещей. Он должен быть безмолвен в разуме, бесстрастен в чувствах и наполнен всеогревающей любовью. Его душа проявляет себя в акте жертвенной любви и самоотдачи Единому. Ум неподвижен. Человек един с вечностью или Ничто и един со всем сущим. Нет разделения субъекта-объекта. Интеллект же заменяет Вечность, Бога и вещи своими понятиями, пусть это — тоже немного возвышенная ступень роста человека. Интеллект должен быть интерпретатором мистического опыта, его слугой. Как слуга он хорош, как царь — опасен. Мистический опыт обнажает под покровом вещей бездну, истинную вечносущую реальность, тождество с ней и следующее отсюда знание о ней. Если говорить о космическом всеединстве, то это, видимо, и знание, каким Вечность раскрывается в данной конкретной вещи. Бог — вечное море, полное собой. Он рождает огромные сияющие пространства или, быть может, сам есть таковое (*а так и оказалось, таким и увидел позже Бога этот мистик*).

Сначала нас ждет свет, Дух зажигает над нами и в нас самосветящийся огонь и озаряет нас. Но это не всё. Установить абсолютное внутреннее безмолвие и очистить себя от страстей, смирить свое малое «я» — и откроется бездна вечного «Я» или Ничто под тонкой поверхностью.

(Примечание последующих лет. Когда этот мистик взял в руки книгу Шри Ауробиндо, ему, в частности, понравилась восходящая лестница сфер сознания: возвышенного разума, озаренного, интуитивного и надразума. Возвышенный разум — это интеллектуальный разум Бога и вечности и их связи со всем сущим. Он был у него в 1984 году, чуть — летом 1991-го, а теперь начал мощно нисходить в его голову благодаря силе йоги. Он нисходил вместе со святой силой и голубым искрящимся светом через голову. Он стал тогда совсем сильным логикой и мог переспорить даже профессора философии. Но вообще философы возвышенного разума не видят свет, они

постигают интеллектуальной мыслью Бога и другие духовные реальности. Разум озарения — это сфера света, его видят, и вместе с ним приходит прекрасная светоносная поэтическая речь. Этот золотой свет тогда не видел мистик Коровин, но в 1988-1993 гг. слышал и записывал речь вдохновения, озаренного светлого разума с его божественной красотой, которая выше интеллекта. Он становился пассивным каналом, чтобы через него прошло это мистико-поэтическое слово, которое есть в этой книге. Интуитивный разум еще выше: одно из его достижений — кратковременное слияние с Богом или с Бездной Ничто. В это время Коровин еще не слился с ним, это пришло позже, с 2004 года. Но слова о божественном Ничто, пустоте, и просторе бытия он писал в 1991–1993 гг. Эта речь иногда была вдохновлена даже интуитивным разумом. Хотя полное существо этого разума шире, оно включает частичное непосредственное единство с Богом или Бездной Ничто, нирваной Бога и другие вещи. Надразум — это мир полного единства с Богом и превращения в необъятность. Сегодня этот мистик достиг на три часа в день единства с бездной Бога или с его безбрежностью, так что предвосхищения того времени о высшей реальности оказались практически истинными. Он даже верно написал, что интуитивный разум несет мистический опыт Бога, хотя это не было еще сказано в известных тогда ему текстах Шри Ауробиндо. Но в этих озарениях были неистинные домыслы о духовном бытии, больше всего — о высших сферах разума, и их сегодня мы вынули. Это по форме чистая речь вечности и света, пусть вечности и света много, он не знал тогда наяву, но она здесь сильно сконцентрирована; вынута немало посторонних фраз, которые ниже слов о единстве с Бездной Ничто. Но они все, с другой стороны, не имели никакого касательства к оккультизму и к астральной мистике: они были над ней. Поскольку тогда этот мистик любил высшие миры светлого разума — эти ментальные миры света. Не столько их самих, но сильно любил их прекрасную поэтическую речь, и, в немалой мере, свержассудочное сознание, которое и принадлежит на самом деле этим мирам. А через два года, пребывая в мире тьмы, он сильнее полюбил свет и сами эти све-

тоносные небеса от Толкиена и ему подобных. Он был еще не в состоянии сильно любить Бога, хотя и отдал себя Ему и медитировал в сердце на радость и немного на любовь к Богу, и далеко не полностью был сконцентрирован на единстве с необъятностью Единого. Это потом, пройдя астральные миры тьмы, он попал сперва в светлые ментальные сферы. Лишь позже, через несколько лет видения прекрасных небес света, он, возлюбив одного Бога и устремившись к единству с Ним одним, достиг Его. Если вы хотите достичь и увидеть Бога, узренного наяву, и прочитать об опыте слияния с ним, а также о всех мирах света и тьмы и о пути к Богу, — обращайтесь к поздним книгам Коровина. Они написаны самим Всевышним.)

ЧАСТЬ 2. НЕБЕСА (ВЕТА) И ВСЕВЫШНИЙ (2002–2011 гг.)

ГЛАВА 1. СМЕРТИ НЕТ

Все в этом мире уносит ветер времени. Все в этом мире пожирается смертью. Невозможно остановить реку перемен, и она когда-то унесет вас. Человек подвластен времени. Человек стареет. Человек умрет. И он боится смерти, и он трепещет перед ней. Человек думает, что смерть — это конец. Это конец навеки, навсегда. И он не хочет умирать. Но смерть не остановить, она все равно придет за вами. В действительности смерть — не конец, смерть — это врата в бессмертие. Для кого-то эти врата золотые, для кого-то — посеребренные, для кого-то — стальные, но все равно, за ними дорога продолжается. Ей нет конца.

И смерть властна над всем человеком, думают люди, но она властна только над телом. Тело разрушится. Оно идет в гроб. То, что вечно в вас, не разрушить вовек. То что бессмертно в вас, идет в долгий путь дальше. Когда-то оно вернется к Богу.

Люди думают иногда, что они и есть это тело. Пока они думают так, они действительно смертны, ибо оно не создано из вечной субстанции и преходяще. Всему в этом мире имя — преходящесть. Не остановить колесо времен, поток перемен, и все здесь не вечно. Когда люди перестанут видеть себя телом, они пройдут ближе к золотым вратам бессмертия.

Встав на путь Бога, вы познаете свою вечность. Вы познаете, что смерть не конец. Вы познаете, что смерть — золотые двери вечности. Освобождение от смерти включает три этапа. Сначала придет первый опыт, опыт бытия не-

телом. Вы увидите, что ваша личность существует и после смерти тела. Она может отделиться от него и уйти в иные миры. Ибо у вас есть и тонкое тело, в котором она и пребывает. Тогда вы узнаете, что можно жить вне плоти. Ваша личность, ваши страсти, желания и разум могут существовать вне тела. Они заключены в два тонких тела, которые могут улететь в иные пределы. Они войдут в витальный мир страстей и желаний или в ментальный мир разума. И вы уже будет знать, что ваше малое «я», эго, переживет час гибели тела. Это — опыт оккультизма, и это — еще не вечность, ибо тонкое тело тоже погибнет. Оно переживет смерть, но через тридцать лет после смерти оно распадется.

Следующая ступень — познание вечной души в себе, искры Бога, бессмертного огня вечности. Это частица Всевышнего, которая бессмертна. Она — вечное пламя любви и блаженства в глубине сердца. Она вышла из Бога и в Бога возвращается. И она неразрушима, ибо она — Моя частица, частица вечного света, язык вечного огня. Это ваша вечная душа, божество в глубинах сердца. Она вся соткана из любви, бессмертной любви, которая неразрушима. Она тянется к Богу, как растение к солнцу. Она — вся любовь к Единому, вся жажда Бога, все преклонение перед Мной. Ее пробуждают долгой любовью и поклонением Богу и медитацией в центре груди. Она отдает себя Всевышнему и идет в его блаженную любящую близость. Посвятив всю себя Мне, она в конце концов попадает на небеса. Она может достичь святых небес, небес Господа. Тогда вы войдете в светлую дивную обитель Бога, в Мою сияющую любовную близость. И вы познаете в себя сердце дивного света любви и блаженства. Вы познаете в себе неразрушимую частицу Бога. Это опыт высоких святых религий преданности Богу, опыт небес и близости Бога. Это опыт чистой бессмертной любви и блаженства в себе.

Но и этим опытом не заканчивается ваш путь. Вы можете слиться с Богом. Тогда вы будете уже не крохотной частицей Бога, но уже одно со Мной — хотя Бог превосходит и такого. Но вы будете вечным и безбрежным. Вы сольетесь с океан тишины и потеряете имя и форму. Вы сольетесь с без-

дной покоя Бога. Тогда вы узнаете того, кто неразрушим вовек. И тогда смерть станет вам золотой дверью в вечность.

Люди материализма думают, что тело — это всё. Они не видят бессмертия и боятся смерти. Они познают в науке этот мертвый во многом физический мир. Чуть выше есть оккультные люди, они уже видят тонкое тело и тонкие миры. Но на этом нельзя остановиться. Надо возлюбить Бога всей душой и войти в его святые небеса. Некоторые люди любви к Богу подумают, что это всё. Но немного выше есть вечность и бесконечность, где небеса кончились. Выше сладостной любовной близости к Богу есть слияние со Мной. Выше ограниченной индивидуальности есть опыт погружения в бесконечность. Люди бесконечного безличного бытия думают, что это всё. Но выше есть бесконечный Всевышний, и познать его можно в сверхразуме. Так назвал эту великую сферу Бога Шри Ауробиндо. Тогда вы достигнете самой вершины. Бог будет познан полностью, и неразрешимая, как кажется, загадка бытия будет разгадана. Как сказал Шри Ауробиндо, из сверхразума можно сделать и само материальное тело сияющим и бессмертным.

Люди думают иногда, что только одна религия истинна. Но Бог бесконечен, и он не ограничен только одной своей стороной. Он многократно умножает себя. Поэтому все светлые религии — Бога. Прекрасны и святы религии Запада, которые входят в святую сияющую близость к Богу. Они озарены Моим светом и пронизаны Моим блаженством. И печать Господа на них, и могучая рука Бога над ними. Это Моя великая религия, церковь, и чуть меньше — ислам и иудаизм. Но этим опыт Бога не исчерпывается. Есть и те, кто сливается со Мной в одно. Это больше всего люди Индии и, немного меньше, буддисты. Но они познают в Боге 'безличное бытие, океаны покоя и молчания. Есть и те, кто соединяет все религии в одно. И Шри Ауробиндо — самый широкий среди всех. Он поднялся в наивысшую высь в Боге и познал его полностью. Но велики и Господь Саи Баба, и светлый учитель Господь Христос, воплощение Бога. Велик и учитель, высокий и отмеченный своими непомерными успехами в книгах, поэзии, музыке и живописи Бога, Шри

Чинмой. Во всех них — Я сам и все они — грани Моего безбрежного бытия.

И десяток мистиков-католиков, десятка три православных (обычно на срок), и два с половиной десятка суфиев ислама, как и тысяча мистиков Индии и семьсот буддистов, тоже сливались с безбрежным бытием вечности.

ГЛАВА 2. ПОЗНАНИЕ БОГА НАЯВУ

Величайший, кто есть, должен быть познан. Его не познать разумом и логическим трюком. Его не познать, просто медитируя на свече. Его обычно нельзя совсем полностью познать даже просто верой. Его узнают, предав себя Мне, узрев Меня и растворившись в Моей бесконечности. Бога не узнают логическим доказательством и философским абстрактным понятием. Его не узнать умом. Ум не видит своего объекта. Ум только гоняет понятие и выдумывает Бога мыслью. Меня узнают наяву. Меня узнают через непосредственное видение и через слияние со Мной. Тогда великая тайна бытия будет разгадана.

Интеллект человека думает, что он выше всего. И он правда много выше животного инстинкта, и это — сила человека. Он — высота и слава человека, но он часто не видит того, о чем думает, наяву. Он знает обычно только мир тел и материальных вещей и, в значительной мере, самого себя. Выше он впадает в философию. Он составляет могучие системы мысли, но при этом он часто не видит своих предметов наяву. Он часто думает о Боге, но Бог на самом деле недоступен ему. Выше теорий ученых и философов есть видение Бога. Бог узнается не логикой. Он узнается наяву. Он узнается в прямом, непосредственном видении, а не в доказательстве философии. Тысячи лет в Европе мир и Бога пытались познать через понятие. Высокие умы доказывали его логикой, но у каждого мыслителя или теолога она своя. Она стартует от любимого самим мыслителем понятия и идет к выдуманному определению Бога. Это высокая игра мыслей и была европейским умом. Это свободная, сильная, обширная мысль,

но она не знает Бога в опыте. Выше есть видение Бога. Еще чуть выше есть слияние с ним. Тогда вы узнаете Бога, какой он есть. Вы познаете величайшую, бесконечную реальность.

Философ Бога и есть высокий тип человека, Я извинюсь перед ним немного. Он поднялся выше обыденности. Он умом любит Единого и составил могучую, сильную логической системой мыслей. Но он не познал Бога. Бога знают великие мудрецы и мистики, которые стали им сами и извели его наяву.

Бог — это богочеловек Христос, скажут нередко люди Запада. Бог — это богочеловек Кришна, скажут кришнаиты и некоторые люди в Индии. А это и есть Бог, но это — не Всевышний. Всевышний бесконечен, а это — ограниченный Образ. Бог необъятен, Образ конечен. Великий Единый не имеет формы, Образ имеет человеческий облик. Образ приходит к святому по вере его. Выше Образов есть бесконечный Единый. Христос и Кришна и есть воплощения Всевышнего, но в то же время за их Образами есть Бесконечный Единый. Они едины со Мной, но в своих человеческих или небесных образах это ограниченные лики.

Образ — это Бог человеческого облика. Таким он приходит к святым и пророкам по вере и религии их. В каждой вере он свой. Но выше он бесконечен. Это — безбрежный свет и океан покоя. Ниже он проявляет себя в тысячах форм. У Всевышнего сотни свойств, и они проявляются. Там появляются тысяча Богов или образов Бога. Выше их — бесконечный Единый. Познать его и есть цель страданий и усилий мира. Тогда тайна бытия будет разгадана.

Бога можно изведать. Бога можно увидеть. С Богом можно слиться. Когда вы видите его, вы видите его в Образе. Это Формы Бога или Боги человеческого образа, исполинские образы Бога. Они сияют ярчайшим светом и напоминают дом в два или даже шесть этажей. Выше вы можете узреть Единого Бога в его бесконечности. Вы увидите безбрежный светлый океан или безбрежный свет. Выше вы сольетесь с Богом, и тогда вы станете необъятным.

Образы нередко знают люди Запада. Это Образ Христа или Богородицы. Иногда некоторые из них сливаются с Еди-

ным без Образа, который безбрежен. Восток чаще знает Безличную вечность. Это нирвана Будды, дао Китая и абсолют Индии. Это Бесконечность без форм, океан покоя Бога. И тысяча мудрецов Индии познали его. Познали иногда чуть более слабый и разреженный образ Единого, великую пустынную, семьсот буддистов. Познали его и десяток даосов. Были десятка четыре мистиков христианства и десятка два с половиной суфиев — таких же мистиков ислама. Например, Господь Христос был един со своим Отцом. Был един с безличным таинством Бога православный Дионисий Ареопагит. Он немного знал и Личность Всевышнего. Он знал Бога близко к Шри Ауробиндо, но меньше, а Шри Ауробиндо знал Бога больше всех. Был един со Мной Максим Исповедник. Был един со Мной Майстер Экхарт, два его ученика и несколько мистиков Испании, в том числе, отчасти, святая Тереза. Были едины со Мной на ограниченный срок два с половиной — три десятка исихастов православия. Это — бездна покоя Бога, разверзшаяся ширь необъятности, которая выше небес.

Мистики Востока познали Безличный абсолют или нирвану, и они думают, что это всё. Но они просто не извели Бога полностью, хотя они уже велики. Есть и бесконечная Личность Господа. Выше Богов сначала идет безличный абсолют, а над ним — бесконечный Всевышний. Так вы можете познать Бога, если по милости своей он полностью откроется вам.

Религии Запада знают чаще в Едином его личные качества — любовь, справедливость, могущество. Люди религии Индии и, немного меньше, буддисты сливаются в одно с океаном тишины, безличной стороной Бога. Шри Ауробиндо знает Бога полнее всех. Он поднялся над небесами в безличную нирвану и затем — в бесконечного Бога. Нирвана буддизма или Брахман Индии — это океан молчания. Это необъятная, безбрежная, пустынная реальность. Но эта пустыня выше полна вечным бытием. Это океан покоя. Выше Бог тоже бесконечен, но еще любящий и милостивый отец всего. Он — всемогущий и всезнающий владыка всех миров и существ.

Ниже, в безличном «Я», есть океан покоя, бездна небытия или бытия. Выше Бог виден как океан света. Он там не только океан покоя и молчания, но и океан света и силы, ибо это — всемогущий Господь. Таким может быть Бог в видении его, и дальше — в слиянии с ним.

Образы Бога или Боги занимают мир надразума. Над ними, в его высях, есть безбрежность безличного Бога. Это нирвана Будды или Брахман Индии, океан покоя и молчания. Выше Бог личен. Он вбирает в себя океан молчания и всеведущего всемогущего Господа. Там он — и Лик, и бесконечность. Этих Ликов Бога там семь, и три — Матери миров. Один из них — величайший Лик Бога в качестве Господа, владыки миров. Эти Лики едины с собственной необъятностью. Выше сверхразума Всевышний один. Он не имеет форм вовсе. Но сначала там есть и бесконечная Мать без форм, а выше остается оди самый и бесконечный Всевышний.

И все это — не много Богов, а один Бог. Он просто настолько велик, что проявил свои Лики бесконечности. Ибо его необъятности нет конца.

Библия и Коран — это Мои великие книги. Единый величайший говорил с миром. Он сказал, кто есть Отец и Творец всего. Но большая часть видений Библии есть видения Образа. Ибо с Бесконечным все-таки пророки обычно не слились. Но они — великие преданные слуги Бога, огненные факелы его ослепительного света, могучие колокола вечного слова Бога. И святые Господа прекрасны. Они — бессмертные факелы вечного света и люди Моей сказочно-красивой любви. Они несколько лучше по сердцу мистиков Безличного, и в них — Моя воля. Но мистики Безличного погрузились в бесконечность. Это чуть выше. Они стали безбрежны. Так Бог уравнивал религии.

ГЛАВА 3. ЛЕСТНИЦА НЕБЕСНЫХ МИРОВ

Интеллект человека думает, что он выше всего. И он правда намного выше животного инстинкта, и это — сила человека. Но выше есть миры света, и над ними — Единый. Эти

миры должны быть достигнуты и пройдены, чтобы познать Бога. Опишем три светлые сферы в преддверие необъятного Бога. Это сферы ангелов, это дивные и прекрасные миры света. Они выше рассудка с его понятиями, абстракциями и доказательствами.

Первое — царство возвышенного разума. Это царство обширной и мощной, высокой и идеальной мысли. Она разумом вычислила Бога или Вечность. Она чисто умозрительно познала и доказала их. Далее она вывела умом весь мир и человека из Них. И это — мысль могучих философов, нередко созерцавших Бога или Абсолют, но только умом. Иногда она думала, что Бог — исток мира. Иногда она думала, что исток мира — безличная вечность. Это мысль, высоко смотрящая своим умом вверх. Но она не знает Начало бытия на опыте и вычисляет его умозрительной логикой. Она играет возвышенными словами и понятиями. Она придумывает абстрактные слова и составляет из них системы мысли.

И выше — вторая сфера, золотого света, где слышна музыка светоносной поэзии вдохновения, или музыка света. Там свет пламенным водопадом нисходит на человека. Это предел озарения золотого солнечно-яркого мира и светлых ангелов, света и счастья жрецов и владык. Здесь видим свет и видны неземные красоты золотых и немного голубых небес ангелов. Здесь немного раскрыто сердце любви и блаженства и немного есть любовь к Богу.

И дальше — тайный град голубых небес, интуиция. Здесь — лучи видения и око прямого зрения, которое видит все как есть. И оно видит разум другого человека насквозь. Или на своих ослепительно-золотых высях она любит совсем преданно и видит Бога. Оно немного или на небольшой срок сливается здесь уже с Богом. Далее вниз оно видит все ступени, вышедшие из Меня, миры света и тьмы и всю их лестницу. И оно знает Бога в некоторых, а иногда и во многих его аспектах. И знать Бога полностью можно только дальше. Знать Бога полностью можно, лишь поднявшись в сверхразум Шри Ауробиндо.

И интуиция прозревает незримое разуму порой вплоть до тайного святилища даже в сердце людей. Это сердце любви,

добра и блаженства в глубине человека, Моя вечная часть. Или чужая мысль проходит здесь, как в книге, наяву. Но это голубое дивно-прекрасное небо света — тоже. И там может быть сказочно-неземная феерия голубого дворца или исполинского града, взметнувшегося к небесам. Это — низ интуиции. Там видят человека насквозь. А на высях ее свет еще ярче, и он уже ослепительно-золото-розовый. Там видят Бога, ибо это уже сфера интенсивной, блаженной, прекрасной любви ко Мне. Это первый из святых миров, и все здесь обращено к Богу. Там начата в полноте своей любовь, и там самозабвенно любят Бога. Там видят ярчайший свет и там видят Меня. Это видение Образа обычно у святого, и иногда — видение бесконечности. Она приходит к мистiku. Там уже немного сливаются с необъятностью вечности. Там звучат огненная речь и слово Бога. В основном этот огненно-золотой мир — мир святых. Они любяще преклонили колени передо Мной. Их сердце поет от любви и душа жертвенно склонена пред Богом. И они вошли в любовную, отреченную от себя ради вечной воли и сияющую близость к Богу.

Но знание тоже есть. И почти все, что написано в этих книгах, рождено не выдуманной системой ума, а из прямого знания. Все это можно видеть и изведать наяву.

На высях интуиции миры божеств и ангелов уже в некоторой мере закончены. Там и особенно еще выше начат мир самого вечного Единого. Сначала — мир чистой и пламенной любви к Богу и полного поглощения им сердца. Начата абсолютная преданность, когда только он один нужен, и когда вы летите, как перо, в могучем ветре его воли. Это сфера любовного экстаза и сладости прикосновения к Единому. Это мир отречения перед Моей могучей волей и знания ее. Это мир Моего могущества, пролитого на вас, пусть еще ограниченно-малого. Это мир кратковременного единства с необъятным Бытием. И этот великий святой здесь, в лучах и солнечных пространствах ослепительно-золото-розового и далее еще более яркого белого света. И любовь к Богу есть главный метод движения к нему и неразрушаемый мост, перекинутый к вечным берегам. Или, можно сказать, любовь перила моста Бога с одной стороны тоже. А меди-

тация — тоже свет и другие перила этого моста. И это истребитель с двумя крыльями, преданностью и самоотдачей Вечному — и высокой медитацией. И он преодолел сверхзвуковой барьер быстрого полета в самую дальнюю даль, в самую высь, в необъятность тайны Бога. И любовь и сдача Богу на Моей пути намного важнее медитации, хотя медитация бесконечности даст вам единство со Мной.

А выше высокой интуиции — безмерная вечность Бога. Это — абсолютное царство, где уже есть бесконечность. Там ее первый мир — надразум. Там, внизу, и есть это белое ослепительное небо высоких святых. Это небо дивной любви и полной преданности Богу и мощи Его, хотя еще ограниченной. Над ним — бесконечность Единого. Там кончаются небеса и почти нет ликов и форм. Там повсюду лежат белые, почти пустынные просторы. Это вершина надразума. Там сливаются с Богом. Внизу, на небе, строй вечных исполинских Богов. Таким Бог приходит к святому и преданному Господу по вере его. Выше их — вечное молчание. Это бесконечность Бога и нирваны. Она безлична здесь и с ней сливаются больше всего мистики Востока. Несколько десятков мистиков Запада, христианства и ислама тоже были этим, но нередко — на ограниченный срок. И мистик Безличного чуть выше, и он необъятен, но святой ближе Богу и краше по душе дивной любви. Он смиреннее, и в нем — Моя вечная воля и Мой великий свет. Но мистик более вечен. Так Я установил гармонию между религиями. А выше Безличного бездонного молчания Всевышний личен. Это — сфера сверхразума. В нирване — вечный покой и молчание, а выше — тоже, но еще любящий и всемогущий Единый. И необъятность покоя там тоже есть, но еще всезнание и великое провидение Господа. Там Бог — не только океан покоя и тишины, но и света и силы. И этот мистик Востока слился с безличным молчанием, а великие мистики Шри Ауробиндо, Мать и Шри Чинмой поднялись даже над ним. Шри Ауробиндо и познал Бога полностью. И там Единый правит всем и простерся за пределами сфер уже почти без образов и ликов. Там он почти не имеет облика, хотя без образа его тоже можно видеть. Это океан бесконечного света, и так его и видел этот малый мис-

тик. Он выше личностей великих Богов — Образов Господа, и выше просто Абсолютов и нирван, где и были при жизни Будда и семьсот буддистов и где были тысяча аскетов Индии. А выше сверхразума все формы растворились и канули в вечное таинство. Там пустынные бесконечности простерлись без границ совсем необъятно.

Вот ступени. Мысль философа о Боге первая. Она высока над миром удовольствий, развлечений и жажды наживы; она высоко поднята, но она не видит Бога сама. Прямое видение золотого прекрасного света и ангельских небес в озарении. Там видят уже наяву, хотя пока не Бога. Там видят просто красивые формы золотого и немного голубого света и испытывают наводнение радости и небольшого блаженства. Выше, в интуиции, — ясное видение сути разума человека, всех сил и миров, а на высях — и Бога. Это и есть свет прямого знания. Низ интуиции — это сфера видения мыслей и точного знания, это голубой рай видящих. А на высях его начаты святость и интенсивная и всепоглощающая любовь, и мир там ослепительно-золотой. Но там — и знание, и там всюду — сфера точного разума в интуиции, но в вершине ее и мир любви. Там видят Бога в Образе и бесконечности, и обычно немного, а иногда и полностью сливаются с ним. Полное единство, как правило, во много раз чаще и выше в надразуме.

Там, в высшей интуиции, начато светлое царство любви, хотя она немного есть и в озарении. Она прекрасна, и это — счастливый огненный мост к Богу. Там, чуть дальше, — сфера чистейшей любви. Это — рай сердец, не сердец эмоций и сантиментов, а глубинных сердец любви. Это сердце человека в глубине груди. Там спрятана его вечность. Это ваша душа, которая будет всегда, и вся она — из любви и блаженства. Она — частица Бога. Она вышла из Бога и хочет вернуться к Богу. Она — вся любовь, вся свет, вся нежность. Она любит Бога и любит всех. Она склоняется в счастливом забвении себя в преданности Единому. И там — зона душ и вечных сердец и рай чистой любви. Он прекрасен. Он огненно-розовый. Там души отдыхают между рождениями, и это уже немножко выше сфер божеств света и ангелов. Это чуть над интуицией. Выше этой сферы — мир самого Бога.

Это мир надразума. Там уже есть формы Бога — великие Боги, и над ними — Моя бесконечность.

Выше — интуиции, и этот святой мир, мир рая сердец любви, сияет ярче. Он прекрасен неземной красотой, бел и иногда ярк как солнце. Там есть абсолютная преданность Богу, там — могущество Бога, хотя еще не бесконечное. Это мир великих святых, и там продолжена любовь. Это мир назван надразумом, ибо это царство Бога над небесами ангелов или разума света. А в высях его уже сливаются с Богом. Это бесконечность. Это океан покоя и тишины. В него вливается мистик. Капля малого «я» тонет в Боге, и человек становится безбрежен.

Ибо выше сфер ангельского света идет мир высокой интуиции, и над ним — вечность абсолютного надразума. Внизу это мир экстазов счастливой любви к Богу и светлой радости и блаженства. Это белые небеса святых — великих пророков и святых Запада. Это уже мир Единого, и здесь он проявляет себя в тысяче образов. Там видят ослепительно-белый свет Господа и огромных Богов. Выше начинается Моя бесконечность. Внизу этого надразума — Образы Бога или вечные Боги, а над ними — необъятная нирвана. Это океан молчания Бога или безличная бесконечность Востока. И немного выше — мистик Безличного, но любящий Бога Запада, святее и прекраснее по душе. В нем — сияние, блаженство, любовь и воля Господа. Но мистик стал безбрежным, растворив свое малое «я» в пучине бесконечности. Он выше и он на следующей стадии эволюции.

Боги видны обычно в ярком свете. Видел их Коровин много раз — например, пятерых сразу, в десять раз больше человека. Они могучие, божественные и ограниченно всезнающие, хотя выше есть всезнание Бога. Но любить надо прежде всего необъятного Единого. И формы Бога — это тысячи лучей из Моего солнца, но выше — само оно или сам Я, вечный и бесконечный. Над ними — безличная бесконечность. Это океан молчания, и с ним сливается мистик Востока. Это — вершина надразума.

И выше, в суперразуме, бесконечная личность Всевышнего. Он выше Богов и выше безличной пустынной необъят-

ности. Там ощутите и океан покоя, и океан могущества и света. Там увидите и пустынную светлую бесконечность, и семь-десять величайших Ликов. Это семь Ликов Бога и три Лица Матери миров. Ликов уже так мало, ибо это — сфера Единого. Это семь Лиц, семь ипостасей Господа. И Лики едины с бесконечностью, и ее можно увидеть вокруг них. И бесконечность там всюду. И она — тоже Я. Там даже она заполнена Моим личным сознанием. Это несет сверхразум Всевышнего. Он таит несколько его совсем великих, громадных форм, с треть неба, хоть и образов там мало уже. И там — уже бесконечность Бога. И там сливаются с океаном молчания Бога, но еще и любят его, поэтому есть образ. И он виден как белый лик с огромную часть небосвода, но уже единый с бесконечностью. Но вообще там очень мало образов, и повсюду — бесконечность. А выше сверхразума образов вовсе нет, и светлая бесконечность без форм и вещей молча простерлась за горизонты и мирно улыбается. Там вовсе нет форм и безбрежные светлые шири простерлись за горизонт. Это величайшая сфера Всевышнего. Там Бог — и бесконечная реальность, и бесконечная Личность. Там он единственный и его самая великая бесконечность. Но там есть еще сначала и бесконечная Мать без форм. Выше — только один Бог.

А ниже есть разум, и там не все известно. Хотя сильным словом вечной мудрости может быть интуиция — мудрость, выражающая прямое знание. Будет новая цивилизация не калькуляторов логики, а напрямую знающих людей. Они будут знать мир и уже во многом Бога, вот это и есть мир интуиции. Хотя это — обычно не сама Моя вечность, с которой вы всегда и навсегда одно. Но это мир зрящего и пронизавшего барьер времени и пространства знания. И пусть это — не полное знание, но даже оно гораздо лучше видит все, чем разум. И сегодня миллионы видят чужой ум, и они стали во многом праведны.

Вот и есть три мира: первый — мысль, высокая и определившая Бога высоким понятием и системой мысли. Второй — зрение света и светлых форм, и еще легкого блаженства, но иногда и мощных гимнов мистической поэзии или мощных ритмов золотого света. Это сфера видения света,

созерцания ангелов и их прекрасных небес, полностью залитых золотым светом. И третий мир — мир знания и прямого видения интуиции. И это уже мир любви святого к Богу в своих ослепительных высях. И здесь уже видят Бога в образе или, иногда, в бесконечности.

И там, и чуть выше, в нижнем надразуме, любовь к Богу — пламенная и чистая. Она здесь и льется счастливой рекой, и струится нектар любовного блаженства. Эта любовь обращена к одному Мне. Она любит Меня, просто потому, что она есть. Она любит Бога всегда, ибо это — ее природа. Она здесь более характерна, чем в ментальном плане или на небесах божеств и ангелов. То экстаз любви к Предвечному и нектар его блаженства или его сильное упоение. Это мир ослепительно-золотой выси интуиции, и дальше — белого, как солнце, яркого света. Это и есть миры высокой святости. Это белое ярчайшее небо — начало надразума. Там — страна Богов или огромных форм Бога, а выше — океан тишины или пустынные просторы абсолюта. Эти пустыни полны уже довольно плотного покоя и вечного небытия. И над ними — бесконечная личность Единого. Это не только океан покоя, но и бездна всезнания и всемогущества. Это верховный необъятный Господь, источник и творец миров, чьи бездонная мудрость и вечная воля движут всем. И он это и пишет.

ГЛАВА 4. ВЕЛИКИЕ БЕСКОНЕЧНОСТИ БОГА

И это все написано для европейского разума, который еще долго будет гонять машину ума и умозрительно вычислять бытие. Он будет описывать его схемой, системой и понятием, но так и не сдаст себя Вечному, чтобы он поднял его в вечное царство выше ума, где все прямо известно.

А подобные малые личности, как этот автор книги Коровин, имеют очень мало веса. Есть только Один, и он сущий вовеки. Это великая мудрость — отречься от «я» и идти ради одного Бога по крутой дороге любви. Этот мистик когда-то был немалым умом, и то одно время простирался на

колених и лежал перед Единым прямо в грязи или на заснеженных улицах, и это уже тогда в нем возникала слишком малая мудрость. Значит, мудрость Бога слишком велика. Ее завоевывают многими жизнями. Все эти истины можно изведать наяву, только люди не поймут этого. Это слишком велико — оторвать себя от девушек и шикарных машин и пойти в Абсолют, чтобы навеки угаснуть в нем. Ибо это слишком великое сознание, чтобы оно потерпело ваше «я». Оно растворит вас в себе, и останется Бог. Он вечен, беспределен и полон вечного молчания. И вы будете этой необъятностью, этой бездной и пустыней покоя. И это сделал индус, и дальше — буддист, и совсем немного — даос. И это — безличный абсолют Бога. Под ним — мир Богов, светлых, белых и голубых, и огромных. А выше него — уже необъятности Всевышнего, полные света, почти без форм, и затем — вовсе без всяких образов. Там бесконечность простерлась в пустынную светлую ширь за горизонт.

И выше надразума и есть страна сверхразума Шри Ауробиндо, который и есть величайший гений самого обширного духовного знания. Туда поднялись и Мать, и Шри Чинмой. Там все настолько абсолютно, что ничего уже нет подле, что может сосуществовать с ним поровну. Поэтому должно быть устранено в себе все злое и темное, и все, что есть не от света, тоже. Следует устранить все, что есть от разума, и все, что есть от меньшего абсолюта, тоже должно быть превзойдено. Это и есть самое великое. И там тоже есть полное единство с океаном молчания бесконечности. Но там — и светлая Личность Бога, которая осенит вас могуществом и великим знанием, чью волю вы понесете в мир. Есть еще Величайший чуть выше — но он настолько велик и невыразим, что лучше и не касаться его с нечистой душой, иначе вы погорите. И там вы будете им без всяких границ. Но это часто уже невозможно принять человеку, ибо обычно там на миллионы лет погружаются в Невыразимое.

Вот туда и не пойдет никто и никогда — так подумают некоторые. А вот пойдут какие-то искатели самообожествления, может быть, и натолкнутся на двойной заслон сил тьмы и сил света. Ибо одни будут их бить черным желез-

ным сознанием, и об этом очень хорошо знает этот мистик. Там вокруг вас может быть черная сеть дьявола, страшная, очень смахивающая на образ героев боевиков, а то и хуже. Или вообще ни на что не похожая. Будут и чудовищные клешни, и здоровые пауки с черными роботами, или что похуже. А выше силы света задержат у светлых фонтанов и дворцов своего ограниченного еще святого бытия — пить мед блаженства. Вот это тоже они делают, обманщики тьмы. Они останавливают вас на своих романтических полянах и полухерувимских замках, вырисованных немного по нижнему образу. Поэтому «прелесть» христиан во многом правильная. Только дальше есть силы света. Они довольно высоки и прекрасны. Их миры яркого света и счастья и высшего, чем ум, знания. Но они обычно не очень много любят Бога, хотя и очень светлы, и полны радости и существа знания. И потому, может быть, они захотят остановить вас, путник дорог вечности, не отдавший себя Единому, на полпути. И потому, если желаете вечной любви к Богу и единения с бесконечностью Бога, не ходите с котомкой гениев света свыше вроде просветленных учителей, даже Рерихов и Годфри Кинга. Пусть они и могут довести до яркого сияния небес. А Пророки еще чуть лучше, и несколько святые даже, и привет и почет им чистый. Но и их учителя — ангелы. Елена же Рерих — не сила Бога, но она светла, и небес огненных божеств, и владык света она достигла. Но Я есть выше, и со Мною ничего не сравнится. Ангелы Рерих явно лучше духов тьмы, это божественная иерархия света, которой они служат и которая бьется не на шутку с владыками тьмы. Но Бога у них нет, и потому Я выше. И с этой силой некого ставить рядом. Даже ангелы Пророков, которые еще немного более высоки и чисты, — и то не Я. И Я должен быть достигнут. Чистая и сладостная любовь к Богу, полное предание себя Всевышнему и полная концентрация на Моей бесконечности дадут вам Бога. Это Величайшее и Наивысший. Тогда вы станете бездной молчания, пусть Я еще больше и Я один правлю всем. Сначала раскроется цветок сладкой любви в сердце к Нему, а потом придет океан тишины. Сначала — видение Бога, потом — превращение себя в Него.

И силы света пусть озарят мир малыми золотыми волнами и каскадами света. Но выше есть полная реальность Бога и его бесконечность вне сил и даже миров. Путь ко Мне лежит через любовь. Вы отдадите себя великому могуществу и мудрости, которая пронесет вас через все капканы, западни и угрозы. И тяжело может быть на пути, но вас ждет самое великое, кто и что есть. Любовь, чистая, подобная языку пламени в сердце, взрывающему к своему первоистoku. Эта любовь не требует, не кричит, не торгуется и не ревнует. Ибо это — чистый пламень, в отличие от любви людей, и пробуждается он долгим служением Богу, преклонением пред Ним и медитацией в сердце.

Надо пройти миры тьмы и света ради Бога — выше идет абсолют, полный вечного молчания. Это океан покоя и вечного бытия. Все, кто влился в него, темные самобожники, говорило христианство Андрея Кураева. Да вот не темные вовсе, ибо это выше даже сил света и их небес. Это необъятность Бога без формы, вечно сущая, молчаливая, которая и стала вами. Но на Востоке есть некоторые самобожники, которые хотят быть Величайшей реальностью без Личности Бога. И они и сливаются с безличной необъятностью, безднами молчания, но Бог превосходит и их. Они уже очень высоки, но они и то слабы перед Единым. И потому он все-таки правит ими в их проявленном статусе, поскольку их личность еще чуть выдвинута из абсолюта. Ибо так решено на заре веков или так есть от века, что Единый Бог всем правит. А в самом Верховном мир растает совсем, и будет только Один навеки. И он навеки поглотит их в себя, но оттуда пути назад часто уже нет. Вот и они думают, что космос — иллюзия. А это не совсем так, ибо космос только на определенной фазе пути может показаться иллюзорным, а выше он сожмется в небольшой шар. Это шар взлетит пред вами на гребне волны вечности, и все: дальше — только бесконечность. Так вот и не все они знают о вечности, ибо есть еще Личность Бога сверхразума. А выше можно на пять дней погрузиться в самадхи, экстаз величайшего Всевышнего или Запредельного. Ибо дольше там часто уже нет пути жить на Земле. И последние следы ваших ног растают в великих без-

брежных океанических ширях и бесконечности без форм и мер. И поэтому, может быть, немного лучше быть в сверхразуме. Там тело еще не сгорает, и выше тоже, но только порой. И Шри Ауробиндо полностью достиг сверхразума. Он и есть высочайший мистик мира, и так же высоки в общем Мать и Шри Чинмой. Шри Чинмой даже немного больше всех был выше сверхразума, пусть Шри Ауробиндо тоже очень хорошо знал эту сферу.

Сверхразум — сфера бесконечного покоя, света и силы. Это сфера уже бесконечной личности Бога. Бесконечную силу мало знает Коровин, и совсем не может использовать ее на основе отречения перед волей Бога, хотя Всевышнего или Бога сверхразума он видел сотни раз. И в самом начале величайшей бесконечности без форм выше сверхразума еще можно жить, оставаясь в теле. А выше — часто уже нет. Но кто-то по милости Бога может.

Но мистики Индии истинно велики, они сливаются с Богом и становятся необъятны. Но все же Всевышний превосходит и их. Он — бесконечное могущество, которое движет всем, а не только бездна покоя и молчания. А именно с ней обычно и сливаются мистики Индии. Всевышний превосходит все, его бесконечность самая великая, его высь самая высшая и глубина самая глубокая. Но мудрецы Индии и, немного меньше, буддисты уже поднялись выше не только миров тьмы, но даже и небес света и растаяли в необъятности. Они стали ею сами.

Но мистики Индии обычно не преданы Богу. И потому есть истинно святые религии Запада, и самая святая — церковь. Это — подлинно Моя религия, и она — отверстая дверь на небо. Они — белый храм Бога в мире, золотая кузница святых. Прекрасны дивной, сладостной и блаженной любовью в сердце ее святые. Но некоторые ее люди думали недавно, что она единственно Божья, а все остальные — порой даже демонические. Это есть в некоторых ее книгах вроде «Истинности религий» Алексеева или «Нашей веры» Васильева и т. д. Но все религии Бога и Мою бесконечность не вместить в ограниченную веру. И нет конца Моим деяниям в мире, поэтому тысячи раз Я нисхожу к мистикам и

святым повсюду. Ибо нет конца Моему промыслу, ведущему мир к свету.

Выше всех, выше сил тьмы и даже сил света, есть Единый. И нет равных ему. Это он и пишет эту книгу. И надо возлюбить его полностью, положить свое существо к его ногам и к нему на колени и сосредоточиться на его необъятности. Светлая любовь есть путь к нему. Сначала вы любяще созерцаете ограниченный Образ Бога, а потом — и его бесконечность. Или есть очень высокий путь Безличного, но Я предлагаю вам путь любви к Богу. Эта любовь дополнена медитацией, и она тоже ведет к слиянию с Богом. И выше всех есть Я. Но есть те, кто идут по пути магии и нижнего оккультизма. Но над магией и шаманизмом, которые принадлежат миру тьмы, сначала еще золотоглазые и огненно-светлые владыки света. Они встретят вас в приятных и дивных, неземной красоты, небесных мирах. Они пригласят вас в свои прекрасные дворцы, чтобы мирно осесть у своих ограниченно-светлых поселений. И там и были Елена Рерих, и Элизабет Профет, и Годфри Рей Кинг. Там были и Толкиен, и Даниил Андреев. Там были десятка два авторов светоносного ченелинга свыше на Западе — когда они действительно светоносны и вне мира тьмы. Они как раз мира озарения — или мира нижней и средней интуиции. Хотя Толкиен немного касался ярчайших небес надразума, но в основном он тоже оттуда. А Элизабет Профет была наполовину уже из мира высокой интуиции, ибо у ее ангелов есть сильная любовь к Богу. Хотя во многом она — еще ангел. И вот выше их есть растворение в Боге. Но путем и методом является чистая любовь ко Мне. Путь лежит через самоотдачу и истинную преданность Всевышнему. Хотя медитация тоже нужна как второе крыло птице вечности, летящей ввысь. И этот безбрежный и бездонно-молчаливый абсолют — во многом самое высшее, что было достигнуто раньше, у мудреца Востока. Хотя чистая святость церкви — это великий подвиг натруженных ног путников, стоп белоснежного Господа, взявшего великие небеса. И их небеса выше небес Рерихов, и небес «Властелина Колец», и большей части света Толкиена. Это белоснежное сияющее небо Господа. Но есть

черта, за которой формы и облики тают в бесконечности молчания Единого. Там все поглощается вечным покоем. Там почти нет форм и вещей. Там все исчезает в безбрежном пустынном просторе. И это всё, думают на Востоке. Однако выше безличного абсолюта или нирваны есть сверхразум. Там Всевышний личен. Он вбирает и вечное молчание, и великое всезнание, мудрость и всемогущество. Он вбирает и все религии. Там все философии сливаются в одно, и все веры, как лучи, возвращаются в единство. И это единство своих небесных чистых первообразов, ибо здесь немало искажено, в этой сумрачной, полной печальных грез Земле. Там — сверхединство в суперразуме, но и бесконечность Всевышнего. Это сфера всемогущества и всезнания, а не только одного покоя нирваны. И там золотые пустыни почти без форм простерлись за горизонт. А выше — Я совсем без образа и ничем не ограничен вовек. Там Я простерся за границы, видимые в бесконечность, невозмутимую и не тревожимую обликами. Там все гладко и ровно и ничто не нарушает Моего безмолвного покоя. И вот там лежит светлый мистический океан — безбрежный, неподвижный и совсем светлый, и невозможно ничему иному нарушить безмятежность его сути. И этот океан десятки или сто раз видел этот мистик Коровин, это видение за формами. Он видел Бога и как бесконечность света без форм. И то, и это — Единый.

Некоторые мистики Запада тоже прикасались к бесконечному Богу, как некоторые исихасты православия, или были едины с ним, как Ареопagit или Максим Исповедник. Ареопagit немного касался уже сверхразума. Христос был Богом, а Симеон, новый богослов, видел Бога бесконечным. И несколько католиков вроде Майстера Экхарта и его двух учеников (полностью) или двух аскетов Сен-Викторской школы (чуть-чуть) тоже сливались со Мной. Сливались с Мной больше десяти суфиев ислама. Но много чаще мистики Востока сливаются с безличным абсолютом, океаном тишины Бога. И тысячи религий у Меня, ибо Я никогда не перестану двигать мир ко все новому свету. Религии, как волны, возникают из лона Моей бесконечности.

Так вот, в сверхразуме никто не принудит следовать одной философии, она не одна там, там навеки сплелось все в одном. Все философии — одно, все веры — одно и все личности — одно, хотя там есть и разное. Вот это — парадокс, но это факт. Вот это и есть единство без всякой борьбы противоречий по Гегелю. Там, в надразуме, есть вечность без конца, бесчисленно умноженная и разделенная по образам Бога. А здесь все образы вошли в один, и царит вечное единство. И оно настолько великолепно, что это несоизмеримо со словом. А выше и будет бесконечность, где формы исчезнут, и ваше «я» сотрется абсолютно полностью. Потому часто никто оттуда не вернется, кроме как по непонятной милости Бога. Вот она и есть всем правящая, и она это делает, чтобы объяснить людям, что они живут на крохотной точке перед величием необъятной истины Всевышнего, уже практически сверхразума, и необъятной тайны света миров, превзошедшего самого вечного Всевышнего. И он необъятно-тихий, хоть и никакими категориями вовек не охватываемый. Но это не только бездна молчания и совсем плотного покоя, но и всемогущий Господь всего. Рассыпется, как дым, все под руками, а там и дым и растаял в бесконечных покоях абсолюта, ровных почти как стекло. Чуть светлая дымка подергивает лик безмятежности где-то пониже, и то ее нет там, где Единый Невыразимый. И это и есть образ сверхразума, где очень мало форм. Там — светлая безбрежность, она велика вишь, но на ее фоне едва видны небольшие небеса. Есть чуть-чуть как бы малых зданий или сияющих золотых мостов, а так всюду — одна бесконечность. Это вне миров, это почти вне форм. И это на одну пятую мир или только небо. Там все бесконечно, но там что-то чуть-чуть движется по фону необъятности. Или же по фону бесконечности движется там Мое всемогущество.

И потому это образ таинства уже во многом без яви, где нечто еле видно на фоне великих золотых пустынь бесконечности. А выше последние облики, оторванные от безбрежных светлых пустынь, исчезли, и все растворилось в величайшем Едином. И слиться с Богом вполне можно, и это — величайшая цель мистика. Кроме, наверное, пути Шри

Ауробиндо, который ведет еще дальше. Он познал Бога полностью, поднимаясь в Высочайшего. Он познаёт Бога во всех мерах и целиком, больше всех мистиков мира. И он еще должен озарить мир и тело дождем и водопадом золотого света сверхразума. И слиться с Богом вполне можно. Просто обязательно погружаться в самого верховного Бесконечного, ибо это часто несочетаемо с земной жизнью, а влиться в Него чуть ниже. И вечностью, и бесконечностью Бога будете вы.

ГЛАВА 5. ПРЕДВЕЧНЫЙ ЕДИНЫЙ

Есть светлые небеса ангелов, ментальный план, а есть бесконечный Единый. Единый хочет не ментальную религию небес — а она и была здесь в основном раньше, в 1998 году. Теперь все книги с Вечным именем впереди всего. Это книга была вовсе не ложной, но она гораздо ниже. Она была похожа на учителей братств света. Ему они тогда и писали. Теперь есть верховная истина: есть только Один. Это тот, кого люди знают под именем Бог, и он и правит всем. Но его существование и есть безличность Бога. Его верховная Личность тоже есть вовеки. Там, дальше всех зон, необъятный бесконечный покой; это вечность для всех и на все времена. Там — необъятная сила и всезнание Бога. Это Единый открыл себя этому мистiku позже, уже после того, как он познал почти все миры, открыл ему свое «Я». Это книги вечно-го Бога, написанные верховным Единым.

Есть Бог безличный, и есть Бог личный. Они любят друг друга. Они суть одно. Это — один, кто есть. Это две птицы сидят на одной ветке-бесконечности. Нет двух птиц — есть Один, хотя они тоже немного разделены. Выше небес и огромных Богов есть великое Безличное, а выше — величайший Всевышний. Это — почти полнота знания. Но есть бесконечное существование, что как светлое море вечности Единого тихо спит в покое. Где-то в океане Бога, видимом наяву, есть движение. Есть и тихая необъятность Единого. И есть верховная сущность выше всего, где все растворено

в нем. Есть только один не имеющий форм Бесконечный, и он как бы зависает до начала мира в абсолютном безмятежном покое. Там — только одно, там никого нет; там — необъятная нирвана, полная не небытия, но верховного бытия Единого. Там, вдоль ровных гладей, светлая пустынная бесконечность. И это Я, океан могущества, а не только океан покоя и тишины. Ниже Верховного Господа есть личности Бога, исполинские Боги. Выше их, на высях надразума, — великое Небытие. Там есть океан — молча, безмятежно, в полной тайне. Это — безличное Бытие вечности, там нет Всевышнего Господа. Выше — верховная бесконечная Личность, верховный Господь. Он — и бесконечная реальность, и бесконечное Существо, и мудрость, которая движет всем. Таково и было видение, где над океаном и облака не кочуют, или одно-два, может быть, неподвижно висят всю вечность; это — Единый без форм и имен. И ни зыбь, ни ветер не морщат светлое и мирное, необъятное чело. Там, внутри бесконечной тишины, распростерто всемогущество. И там за все горизонты простерлась светлая необъятность.

Где-то океан Бога охватывает мир, и там Бог океанически пронизывает мир на китайской кухне «Дао Дэ Цзин». Это космичное наполовину безбрежное бытие у Лао-Цзы с заявкой на пустынную бесконечность уже над мирами. Мир начинает зависать в Боге чуть выше Бога-космоса. Это великий покой и молчание над мирами. Еще выше — бесконечный Всевышний. Там, выше всего, ничего нет, только Один навек. Этому мистiku было дано это знать: великая бесконечность без формы простиралась за горизонт в абсолютном гладком месте, где ушли все границы. А ниже бесконечность начинает волновать себя и создает тысячу форм. Вместе она выше своих форм. Она их снова растворяет. Это все есть, но сила, правящая реальностью, — это верховный Бесконечный Господь. Выше Богов — форм Бога и безбрежного безличного Существования над ним есть Верховная Личность. Кто хочет Существования, своим путем и без любви к Богу, получит его. Только это тяжело для многих, и иногда надо ободрать всю кожу, чтобы подняться еще выше небес. Кто хочет Личность — получит, только надо вручить

себя ему. Кто хочет нирвану — получит, только будьте Буддой, а это для многих сложно. Выше высшего есть Единый. Выше тихой бесконечности покоя есть сам Я. Я — тоже это, но еще и всемогущ. Кто хочет завоевать милость — любите Меня. Та схема, которая была нарисована в начале, правильна: только Единый есть один. Ментальные небеса света пребывают ниже: выше человека, но ниже Того, что есть. Существование существует, это Он. Только Мое верховное сознание там скрыто. Там полностью растворились католик Майстер Экхарт и его ученик Иоганн Таулер, Генрих Сузо и православный Дионисий Ареопагит. Слился с ним Максим Исповедник. Слились с ним немного Тереза Авильская и полностью, видимо, Иоанн Креста и несколько других мистиков-католиков. Слились с ним частично и тридцать православных исихастов. Там растворились два с половиной десятка суфиев ислама — немного побольше, а кто-то и полностью. Там полностью растворился Будда и полностью слился с ним Шанкара. Тысяча мистиков Индии всегда были этим, семьсот буддистов — тоже. Мистики-христиане были этим меньше. Мистики-мусульмане были этим тоже немного, и кто-то из них был казнен. Это чаще не дело религий, это все-таки чуть иное. Это высокая истина Индии и Востока. Хотя люди всех религий — дети Бога. Все религии — волны из Моего океана, лучи вечного света. И немного прекраснее религии любви и преданности, хотя есть и высокая истина единства с Богом. Над этим высоким есть еще Одно. Там — сам Единый в своей милости и любви, там он необъятно-бесконечен. Ниже Бога только океан тишины.

В космическом сознании бесконечность катит свои волны. Бесконечность катит волны, она брызжет всеми формами. Брызги оседают на ветках. Волны Единого — все веры. Все секты, плохие и хорошие, сидели в 1997–2008 гг. на ветках немного под колпаком Мюллера, они — маленькие брызги. Их не то чтобы нет, они были тогда только на периферии и под клеймом разных обвинений (это слово впервые и было написано в 2000-е гг.). Иногда они лучше, но, правда, многие плохие. Но есть и люди сил света, есть святые и есть даже учителя, единые с бесконечностью. Но это одно, а Бог

выше всего. Все, что есть, — Моя тень. Все, что есть, — брызги океана. Это — вечность Брахмана. Это — бесконечность Бога. Очень высоко ведет дорога индуизма, это так, но там же есть и пустынный абсолют молчания Будды. Он спорил с ними о первенстве, что Личность Бога Индии, которая иногда там тоже есть, не существует. Потому Будда выше всего или именно истина. Истина его есть, но только она не полна. Вера, надежда и любовь — вот имена истины. Эта религия тоже спорила с Богом. Она объявила существующей только себя. Назло ей Бог сделал Коран, тогда дружный фронт мусульман не дал ей захватить реальность. Мусульмане тоже хотели это, и здесь они мимо истины: есть вечная дружба людей, и потому да будет мир. Вера мусульман сегодня бьет, она несет бомбы, хотя откровение Бога там тоже лежит в основе. Эти взрывы террора — дела тьмы. Но в основе своей ислам — религия Единого Бога, и высок пророк Мухаммед. Вера христиан делала сатанизмом другую религию, языческую, а несколько лет назад, в 1997-2008 гг., часть их богословов сделали таковым Восток, а иногда даже и всё вне церкви. Но она святая, и мир ей. Она самая святая и почти самая прекрасная среди всех религий. Но кроме святости западных религий еще единство с Богом Востока. Оно проникает в бесконечность. Правда, эта бесконечность безлична и святее религии Запада. Религии Запада нередко любят быть нетерпимыми. Они верят только в себя. Безмятежная вечность никогда не будет ими разбита. Ни один фундаментализм не способен на это.

Выше истин есть единая Истина. Выше даже мистика, слившегося с безбрежным безмолвным бытием, есть Вечный суперразум. Там Бог имеет Личность и превосходит безличность и малые, хоть и исполинские уже, образы Богов. Выше истин есть Единый — и выше просто веры, просто надежды, просто любви есть Я. Выше веры в Бога есть бесконечность. Выше Богов — образов Бога и Бесконечности надразума — есть Всевышний. Там Бог — и покой, и движущаяся сила. Там Бог — и Бесконечность, и Лик. Выше тысячи Богов надразума есть безличная Необъятность без лика и формы. Это океан молчания. Выше, в сверхразуме, Всевышний — и

Личность, и необъятное молчание. Он — и Бесконечность, и Лик. Сразу над образами гигантских Богов нижнего надразума — безбрежное космическое сознание. Там Бог пронизывает мир и ритмически движется в великих волнах. Выше, на самой выси надразума, он застывает в покое. Это нирвана Будды и Безличный Брахман Индии. Выше — Бог, и покой, и движение сразу. Это — Всевышний, всемогущая всезнающая Личность и одновременно бездна молчания. Таков Бог сверхразума. И Бога как движение мало знает мистик Коровин, и космическое сознание он лишь немного испытал. Он просто ощущал там, что Бог неподвижно наполняет все. А полное знание Бога есть у Шри Ауробиндо. Хотя этот Коровин сто раз видел бесконечного Господа и тысячи и десятки тысяч раз по мгновенью или, позже, по три часа в день был единым с небытием или с вечным бытием великого покоя.

Потому Существование — не самое главное, так, что ли? Нет, не так: оно будет вашей сущностью, когда вы волеетесь в нее, но выше Единого никого нет. Все, что есть, — его часть. Все веры вырастил мирный садовник. Да будут они мирные сами! Выше светлой философии Бога Баруха Спинозы есть опытное знание его. Шанкара его взял. Шри Ауробиндо, Шри Чинмой, Мать и Саи Баба тоже взяли его: они пришли еще воплотить Единого и осуществить вечную волю Господа. Эти трое первые поднялись еще над надразумом. А Саи Баба-то не совсем, но он — великий Господь, воплощенный на Земле. Выше надразума идет сфера бесконечного Единого. Там, за облаками, есть Вечный. Небо Бога, по которому движутся облака, может быть, и есть. Брахман тащит по небу мираж реальности. «Вечное движение в небе без конца, вижу отражение Твоего лица». Вечное движение в море космического сознания Бога, оно безлично. Выше, над покоем безбрежной нирваны, Лик Всевышнего. За облаками мира сего и за облаками небесных миров есть бесконечный Единый. Там миры граничат с Величайшим, который есть. Выше все они растворяются в величайшей необъятной светлой шире, где нет ни форм, ни образов. Это — Мой верховный образ.

За Личностью есть Единый. Так говорил Шанкара, и это истина. За личностью царя на престоле из нескольких видений старых святых книг, пусть о Едином они сами; за Образом Господа Христа, пусть он тоже и един с безбрежным Отцом, но для святых он — чаще Образ; за личностью архангела Гавриила и, скажем, одного из великих Богов — образов Бога, которого, вставшего на дальнем горизонте, видел Мухаммед, назвав его с большой буквы; за Личностью Ормузда из Заратустры. Там, в царстве света бессмертных, были семь святых. За Личностью Троицы, но не Христа (это великий образ вечного Единого), а Троицы Андрея Рублева, именно там эти три ангельских Личности и изображены рядом. За Личностью чистых форм Господа тримурти Брахма-Вишну-Шива, так формы Господа поняты в Индии: есть необъятный Брахман Шанкары и нирвана Будды. Выше — Всевышний. Малый Образ прекрасен, но кончен. Брахман и Господь многих книг богословов Запада бесконечен. Эта бесконечность Бога и узнается наяву, но вовсе не все богословы знали ее. Хотя они — святые логики Бога и святые, часто видевшие небеса, а кто-то из них мог познать бесконечное. Чаще это дело Индии. Выше всего есть Господь суперразума и Всевышний, совсем без форм над ним. Он самый огромный и бесконечный. Там, в сверхразуме, Господь собирает все в себе, это вечный бесконечный Единый. Выше он растворяет туда, где границ не найти вовек. И там, за суперразумом, Непроявленный — молчаливый неподвижный дух таинства бесконечности, неопишуемого сознания выше всех форм и грез миров. Это бездны молчания и могущества. Там, вдоль глади, — как бы пустынная бесконечность. Эта гладь — не просто выдумка больного воображения мистика: это символ того, что форм уже практически нет. Но это — не только необъятность без форм: это Всевышний, величайший Господь всего. Это справедливый судья, и милость, и верховная любовь.

Бог Един, и это — Величайший. Но ниже есть его Образы — огромные Боги. И выше Образов есть бесконечный Единый. Некоторые на Западе знали его, но больше это все же дело Индии. Хотя Индия знает Бога, океаны тишины,

безличную необъятность, и потому она святее веры Запада. Они ближе личности Господа и полностью отречены пред Моей великой волей. И Мои свет, любовь и блаженство в них. Но мистики Индии чаще вошли в самую необъятность. Святой Моисей на Западе видел Бога в некоторой мере. Христос был един с бесконечным Богом, но апостолы видели на горе Фавор его сияющий ограниченный лик. И сотни святых христиан видели сияющие образы.

Тереза Авильская, одна из самых святых мистиков-католиков, была истинно преданной Господу. Она видела десятки раз лик Христа и видела образ Троицы. Она видела его в форме облака и внутри его, и это скорее что-то похожее на Богов надразума, ибо Боги в четыре-десять раз больше человека. И она сливалась с Богом, содержащим все вещи, один раз и с Богом — великой пустыней. Это все и есть Бог надразума. Или она постигала его из мира высшей интуиции, где есть частичное слияние с Богом. Но больше она была преданной Господу и святой невестой Бога Христа.

Но Троица богословов церкви может быть понята и как образ нескольких Ликов сверхразума, ипостасей почти самого великого Бога. Но богословы церкви все же не видели его воочию. Хотя это — высокая философия церкви. Но они были святыми, а иногда и мистиками.

Есть Бог в Образе и есть Бог бесконечный без формы. И если вы отдадите себя Всевышнему, полностью посвятите себя Мне, возлюбите Меня больше всего и Меня одного, посвятите все помыслы Мне, сконцентрируетесь на Моем лице, а затем — на Моей бесконечности, то вы познаете Меня. Когда-то вы вольетесь в Мою необъятность.

Религии Запада преданы Богу. Они знают в Боге личность, милостивого Господа. Их сердце поет гимн блаженной любви на коленях у Бога. Религии Востока сливаются с бесконечностью. Они знают в Боге безличность, океан молчания. Они становятся безбрежными, бездонными, вечными. Но религии Запада святее и ближе Личности Всевышнего. Они немного прекраснее по душе и их свет ярче. И Моя воля — в них. Хотя мистик Востока вечнее и безбрежнее. Он взшел выше. Но некоторые на Западе тоже знали без-

брежного Единого. Далее Шри Ауробиндо познал Бога целиком. Он соединил и путь любви к Богу, и путь слияния с необъятностью. Он поднялся еще над безмолвным Брахманом в бесконечного Всевышнего. Это сделали и Мать, и Шри Чинмой. И великий Господь Саи Баба тоже зовет не только любить Бога, но и слиться с ним. И велики Христос, Господь Запада, и вечная любовь в мире.

ГЛАВА 6. МЕТОД ПУТИ

Отдайте себя полностью Единому, то есть Всевышнему, одно. Второе: уберите ваши мысли, созерцая их со стороны, или отгоняя усилием, и установите внутри нирвану безмыслия. Очистите витальное сознание, устранив похоть и корысть, гнев и раздражение, ненависть и вожделения. Уберите жажду власти и славы, ревность и зависть, секс раз в десять дней еще допустим. Четвертое: водрузите знамя любви и знамя преданности в сердце — именно там и есть вечность. Подобное тянет подобное. Вечность тянет Бога. Это сердце в середине груди, а не в физическом сердце, там и концентрируйтесь. Там — вечный свет и любовь Бога. Там и предайте себя Ему. Любите Господа и пробудите это нежное существо Бога внутри. Далее: погрузите себя внутрь. Вы живете снаружи. Уйдите внутрь, отрешитесь от мирских магнитов и привязанностей, которые выбрасывают вас наружу. Сосредоточьтесь на Едином и созерцайте мысли и чуть-чуть страсти как бы со стороны, оставаясь независимым внутри. Но страсти, вожделения, гнев и зло надо победить, устраняя их в себе. Любите Всевышнего и небо, пока не можете любить того, кто его исток. Преданные Богу оставили небо себе. Люди Абсолютной реальности оставили себе Одного. Будущая жизнь — цель праведников. Они войдут в щель мира света. Тогда они познают великие небеса. Ничего вне жизни — цель Будды: растворить себя в не том, что есть. Его пустынность и небытие над мирами тьмы и света, где и ангелов-то нет, но не совсем есть Всевышний. Цель истины — Единый, эта цель — Жизнь за пределами

жизни. За будущей жизнью есть будущее вечности. За воротами небес есть ворота Единого. Там — дом Абсолютной Силы. Там — дом Вечной Тишины. Ну и мир всем верам. Они все — соцветие Бога. И Будда тоже знает Абсолют, хотя Бога он не назвал, а назвал нирвану — это безличная необъятность.

Открыть свое тонкое сознание — не цель вечности, но как стадия на пути это возможно. Поэтому можно медитировать или созерцать свои сны, оставаясь неподвижным после пробуждения и вспоминая или разматывая сон. Но нужно победить дьявольскую рать, а это весьма трудно, и Бог вам защита. Поэтому надо подняться над нижним миром, если вы в него проникнете, и когда-то — даже над мирами света ограниченных ангелов. И последнее — растворить себя в Боге. Это свершится, когда вы победите свое малое «я» и сольетесь с Моими вечностью и бесконечностью. Это достигается полной концентрацией на Моем бессмертном и беспредельном бытии. Вы предаете себя Всевышнему, движимы уже Моей волей и видите себя как каплю, которая тонет и тает в океане бесконечности. И тогда она станет вами.

Не ешьте мясо... Впрочем, в зимний российский день чуть-чуть можно, но весьма немного. Полюбите Бога, но ешьте фрукты, йогурты и пейте сладкие соки, это — пища света. Хотя это — лишь дополнительное условие: важнее всецелая концентрация на Едином. Можно есть хорошие российские яблоки, но, если у вас есть деньги, летом купите себе немного персиков и абрикосов. Практически не пейте вина, а водка с селедкой — это немного темная пища. Бог просит прощения у России за то, что так обидел ее. Можете есть картошку, рис, вермишель, добавляя к ним овощи, сыр, грибы, творог, каши и, может быть, чуть-чуть рыбы. Можно попробовать добавлять к еде пирожки с ягодами или фруктами (конечно, все это каждый подбирает для себя сам). Неплохо есть сладкое, но избыток слишком сладких или сдобных кондитерских блюд уже нехорош. И главное — это Бог, а не еда, но все же пища света без алкоголя и сигарет легче позволит вам достичь небес света и затем Меня.

Любите Бога. Отдайте себя ему. Посвятите себя ему полностью. Поклоняйтесь ему одному. Сконцентрируйтесь в сердце на лице Бога, как Саи Баба, Мать, Шри Ауробиндо или Христос и Шри Чинмой. Сконцентрируйтесь на Боге целиком. Твердите в себе Мое имя. Мысленно сосредоточьтесь на Моей бесконечности, представляя, как малое «я» тонет в Моей необъятности. Обращайте свои мысли ко Мне, пока не посвятите Мне все или большинство своих дум. Любите Меня одного, когда пробудится сердце; вместе с тем любовь потечет ко всему. Все люди будут вам братья и сестры. Узрите Бога и слейтесь с ним. С любовью к Единому концентрируйтесь в сердце в центре груди. Поклоняйтесь Богу и обожайте его, и пробудится упоительное блаженство внутри. Выйдет из заточения глубинное сердце или ваша вечная душа, полная любви и счастья. Она обращена только к Единому. Она на крыльях света летит ко Мне. Твердите имя Бога, преклоняйтесь передо Мной и концентрируйтесь на Мне. И, победив свое малое «я» и раздвинув сознание в безбрежность, слейтесь с океаном тишины.

Пункт, часто присущий медитации, — устранить мысли, отгоняя их и неподвижно созерцая со стороны. Самый непримиримый враг пути вверх — это страсти, их надо убрать. Освободите себя от гнева, желания и эгоизма, во многом от секса, от гордости, властолюбия и жестокости. Большинство мистиков Востока любят Безличного, а вы любите Меня. Это и есть путь Шри Ауробиндо. Светлая и нежная любовь ко Мне польется из сердца, когда вы полюбите одного Бога. Она чиста. Она сказочна. Она не возмущается и не ревнует. Она принимает все, что дает Бог. Она блаженна. Она подарит вам счастье. Надо вручить Всевышнему себя, отбросить от себя зло, очистить себя от желания. Сначала оставите хорошие желания, будете праведником, потом нет желаний вообще. Потом — только Я и Моя воля или любовь ко Мне. И Вечность хочет, чтобы вы растворили себя в ней. Надо устранить малое «я» во Мне и стать вечностью и необъятностью. Будет не только покой Будды над мирами, но и у кого-то, может, будет наполнять мир космический Бог. Или еще Большой, без форм, мер и границ, вов-

се будет мирно ждать. И вы будете мирно спать на груди необъятной безбрежности и станете ей. Но и бодрствовать в сердце груди: там сердце Бога и есть часть его в человеке. Там — частица нежной любви, пламя ее, поднимающееся к Богу. Там — частица света и счастья. И там, выше, дверь за мирами. То выше вселенских царств. Сначала — бесконечность тишины, потом — Всевышний. Оба эти осуществления одного и того же. Первая — мудреца Индии Шанкары, а вторая, Шри Ауробиндо, еще больше. Это сверхразум и далее — сам Верховный. Их очень трудно осознать, хотя когда-то и это будет сделано. Это Всевышний над безличным, и путь туда открыт для того, кто слился с Богом, но и предан Мне полностью. Хотя Коровин не достиг сверхразума, и эту часть путь лучше изучить по Шри Ауробиндо, есть вы захотите в него войти.

Это — весь метод. Надо только очистить себя от всех зол и быть в меру или полностью целомудренным. Это жизнь без вина и без мяса и отчасти без сексуальной жизни, совершая ее не чаще, чем раз в десять дней. Но скорее без любви к женщине на восьмое марта, дабы потерять все человеческое, как сказали бы недавно наши многочисленные недруги. А вот и нет. Цветы будут в божественном существе в сердце. Цветок любви будет внутри. Он будет отдан Богу. Бог отдаст себя, он даст и любовь. Цветок внутри будет источать аромат, и вы будете любить все. Все миры будут позади, будет бесконечность. Это реализация Единого как невыразимого бездонного молчания. До того вы будете жить в свете и блаженстве, они будут иногда посещать вас. У кого-то будут тайные силы, в пять раз лучше магов. Это мистические силы йоги. Они могут начаться уже от ограниченного сексовоздержания: либо ум заблестит, либо, выше ума, мудрость, либо тайные способности (самоконтроль тоже их дает). Устраните желания и все страсти — это часть пути, и иногда придут силы. Но силы и то превзойдите. Цель — Я. Кто-то сможет насквозь видеть человека, и сегодня так уже видят миллионы людей в России и в мире. У кого-то внезапно пробудится вокал от вегетарианской диеты и внутренней чистоты, духовная музыка. Кто идет по настоящему

пути, тот это испытал. Кто-то станет мощен интеллектом, а кто-то уже будучи интеллектуалом от природы перейдет еще на высшую мудрость притч. Это мистик Коровин был философом семь с лишним лет, осилил Гегеля с Хайдеггером и Флоренским (это мало), с Платоном и с Кантом. Но потом он махнул рукой на все, ибо там нет прямой истины, перешел в светоносное сознание и несколько месяцев говорил на языке странных светлых афоризмов. Позже он узрел бесконечного Бога и слился с ним во многом.

Философ Платон — очень высокий, великий титан идеального ума Запада. Он даже немного знал небеса сам, в отличие от своих собратьев пера. Ведь он был посвященным древних мистерий — но есть еще лучше. Истина свивает свою вечность выше интеллектуального разума. Там небесный пастух рассыпает свои стрелы, молния-интуиция летит быстрее интеллекта. Это не схоластика Дунса Скота и Альберта Великого, но выкладки умозрения и мгновенная мудрость. Там сложные умозаключения и сложные определения, здесь светлые голуби истины летят из Бога и светлые стрелы пронзают сердце. Душа сама как птица в клетке сердца, она вылетит. Все эти книги написаны сверхсознанием, ибо за пределами разума начинается царство прямого знания. Там над ним есть Один, кто есть. Он сам создал это царство своею сущностью. Небеса его сияют ярким светом. Они — последняя завеса, скрывающая Его. Это великие небеса и это великое знание, за светоносными мирами есть Он. И эту книгу Он и пишет.

Мир безмыслия должен быть дополнен покоем витала и полным покоем внутри. Это невозмутимость, идущая изнутри, непривязанность и доброжелательность снаружи и, по возможности, ровность ко всему. Единая воля, которая всем движет, — это воля Единого. Его и следует принять, предать ему себя и стать от всего независимым. Пусть вам будут безразличны победы и поражения, слава и осуждение. Станьте независимым от волн радости и горя, славы и позора, преходящего мира. Надо сосредоточиться еще и в центре между бровей, это центр внутреннего видения. Там вы когда-то узрите божественный свет. Освободите свой витал

от зла и страстей и ум от мыслей. Созерцайте мысли со стороны или активно отбрасывайте. Но больше всего любите Бога. Возлюбите Меня одного и полностью сконцентрируйтесь на Моем имени и Моей бесконечности. Отрекийтесь от своей воли ради воли Единого. Любите Меня и концентрируйтесь с любовью в сердце в центре груди. Тогда раскроется дивное существо любви и блаженства внутри, которое обратит себя целиком к Богу. Концентрируйтесь на Мне всецело и мысленно созерцайте Мою бесконечность. Представляйте себе безбрежный океан Бога. Победите малое «я», растворив его в Едином. Любите Меня и будьте Мной в конце, это метод даже немного дальше религий. Устранение мыслей нужно, чтобы войти в абсолют, ибо это — океан безмолвия. Подняться над умом надо, чтобы найти сверхсознание, оно выше ума, выше него — Бог. И — полная преданность и чистая любовь ко Мне, преодоление «я» и полная концентрация на Моих бесконечности и вечности. Медитация в органе знания, третьем глазу в центре между бровей, с самоотдачей Богу и посвящением себя его воле даст вам видение и миры. Пройдя мир тьмы, вы увидите мир света, а потом — и Меня самого. Кто-то видит мысли другого человека, а кто-то может устранить их в себе. Сконцентрировавшись над головой и представляя Бога как необъятную вечность или вечный океан, расширьте себя в необъятность. Любите Бога всегда, концентрируйтесь с любовью в сердце в центре груди и медитируйте на необъятность. Представляйте безбрежный океан и представляйте внутри, как вы расширяете себя в безбрежность. Станьте как комната, как дом и как бесконечность. И когда-то Я приду к вам. Когда-то Я буду един с вами. Но Бог и правит всем, и он будет править и вами. Но это — ваша добровольная жертва, и вы получите награду Наивысшего и Всеблаженного и самого прекрасного. И его воля станет вашей. Это метод Саи Бабы, и велик он, Господь в человеческом теле, но метод Шри Ауробиндо и Матери — еще полное обожествление человека. И если Бог даст, это случится с вами. Вы отдадите себя ему, и он отдаст вам свои дары. И он даст вам самого себя, после того, когда океан тишины станет вами. Но это сверх-

разумное обожествление уже не выполнил Коровин, хотя Бога Всевышнего он видел сотни раз.

ГЛАВА 7. ЗНАНИЕ ЕДИНОГО, ОСНОВАННОЕ НА ВИДЕНИИ МЕНЯ И СЛИЯНИИ СО МНОЙ

И велика одна старая и пока единственная вечная людям книга. Это верховная книга Запада, но новые религии когда-то появятся на смутном горизонте Земли. Все когда-то проходит, Бог есть. Полностью посвятив Мне себя и любя и поклоняясь одному Богу, когда-то вы узрите Меня. Кто видел бесконечность Бога в виде океана выше всех ангелов и небес, тот знает, что это за «воды над небесами» старых святых книг. И верховный Всевышний бесконечен без форм. Там все двери распахнутся настежь, и будет одна необъятность. Вы будете любить ее, и дальше вы станете ей. А выше всеохватывающего космического бытия, которое тоже есть, есть Бесконечность выше космоса. Там — ни миров, ни вещей, только необъятная пустыня покоя и великая ширь без края. Это верховное существо и вечное и абсолютное существование без границ, самое великое. И выше океана покоя и молчания есть Всевышний. Он — и океан покоя, и всемогущий Господь, и исток миров.

Если вы узрите всего Бога, то вы познаете в нем и Безличный Абсолют, и великого Господа. Вы узнаете в нем и множество, и единство, хотя Единый выше и важнее множества. Вы узрите тысячу светлых и огромных Богов — форм Бога. Над ними вы познаете Безличный Абсолют, океан молчания Единого. Вы сольетесь с ним в одно. Над ним вы увидите Бесконечного Всевышнего. Он — и океан покоя и молчания, и всемогущий, всезнающий владыка. Он — и бесконечность, он — и Лик. Таких Ликов в сверхразуме семь и три — Матери. Эти Лики едины с бесконечностью. Это и есть великий образ Бога. Выше сверхразума Лица и образа вообще нет, и бесконечная Мать и бесконечный Всевышний простерся в необъятную даль повсюду. Где-то уходит и Мать, остается один Бог.

Бог выше миров тьмы и даже миров света. Там простерлась пустынная бесконечность, где нет уже ни форм, ни миров, ни вещей. Чуть ниже образы уже немного есть, но бесконечность почти без форм. Это — сверхразум. Там, всюду, светлые, золотые, почти пустынные просторы. А выше — вообще одна пустынная бесконечность. Она полна совсем плотного и твердого даже уже здесь покоя — безбрежная пустота многих буддистов осталась ниже. И это — верховный Господь. Это личность, всем правящая и все скрытодвигающая из своей бездонной мудрости. Но это и бесконечная реальность, глубочайшая, бездонная, безбрежная тишина и очень плотный покой.

В суперразуме бесконечность слегка разорвана немногими образами. Но она уже трудна для вспоминания в самадхи или в глубоком сне. Вы-то пока не вспоминаете и миры во сне, хотя миры — все-таки не вечная цель. А это вечное бытие не имеет образа: это — великая необъятность почти без форм. Вы войдете туда во сне, и покажется, будто почти исчезла реальность и растаяли все облики и миры. А низший мир чаще жуткий. Там часто черная жестокость, там вас в тонком теле могут страшно искалечить или даже убить. Или иногда (но больше всего — на своих высях) он полон романтики и лирических красот, но и соблазнов или ловушек и тонких обманов демонов. И потому этот метод, вспомнить сон после пробуждения, иногда может быть и опасен, но дает дверь в тонкий мир. Но вы пока увидите смутный сон, а потом, когда подниметесь над нижним миром, — яркий, прекрасный и полный неземной красоты. Вот и пусть этот метод будет строго на втором плане. Он должен стоять позади имени Бога и любви к нему и самоотдачи Ему. И после медитации в груди в божественном сердце внутри с преданностью и преклонением перед Богом. И после медитации безмолвия ума. Она даст тишину и когда-то — прочный покой внутри. Это случится, когда вы станете чистым и от страстей, и от желаний. И тем более пусть этот метод будет позади полного сосредоточения на Боге и Моей необъятности. Вспомнить сны чуть полезно, но вспомнить бесформенную бесконечность еще труднее. Там образы существ и вещей растаяли и остался один

Я. Вам покажется, что вся явная реальность ушла и все миры растворились. Или вы узрите безбрежный свет или великий светлый океан. Это и есть Мой величайший образ.

Вспомнить миры нелегко, а истину величайшей реальности — еще труднее. Это истина христиан, скажут некоторые, одна против всех ересей. Да, есть истина христиан, но за пределами истин есть Истина. Это — суперментал. Там все едино и все части Бога в одном. И потому все веры и многие философии — тоже части истины. Это — Единство Бога. В Истину прибыли все поезда и сошлись на одном перроне. Там, повсюду, Личность Бога с ее бесконечностью, уже почти без образа, но там — Единство. Все поезда частных истин прибыли в Истину. Это — высшая обитель вне обителей. Там уже формы почти растворились, или на четыре пятых, и осталась почти одна бесконечность. Но там можно быть, любить Бога и быть преданным Мне, но и единым с Моей необъятностью. Там — вечно чуждый тени Абсолют-Бог, но это — почти величайший личный Господь. Он — и океан покоя и молчания, как Безличный, он — и великий всемогущий владыка. Его реальность почти без форм. Выше Я не имею форм вообще. Там Единый растворен в своей собственной предельной сущности, но там и есть Один единый Я. Там все едино со Мной, это верховная бесконечность, но это — Всевышний. Это — величайший Господь всего. Это могущество и мудрость, которые движут всем. Это всезнание и великая воля, которая создала все миры. Но это и бездонная бесконечность. И эти сферы сверхразума и выше — не два разных Бога, а один и тот же в разных своих проявлениях. Просто выше Я чуть-чуть еще больше, и там все миры и лики потонули в светлой необъятности. Это необъятность уже твердого покоя, света и могущества.

И лучше церковных ересей несколько святые каппадокийцы православия, это — правда церкви. Но все же за всеми религиями и философиями есть правда, это тоже правда. И потому тысячи путей ко Мне и тысячи философий могут Меня выразить.

Ну и Бог Всевышний все-таки не ваш, мудрец-дурак Коровин. Он еще холуй демонических религий, надышавший-

ся метана индуизма и восточной мистики. Но Бога и Будду не объяснить вовек, как соединить эту мутную чертову оккультную продукцию, подобную вонючей жиже или скорее даже дерьму — или мы неправильно читали вашего Кураева?.. И это было здесь недавно, с 1997 по 2008 годы, а сегодня уже почти нет. И церковь православия свята, это в ней главное. Но ответим немного таким авторам, как Кураев. Ибо Будда все же не самый великий, это правда, но это есть. И есть в Вечности. В вечности есть безупречность, это сила Бога пронизывает миры, а за мирами есть практически бесформенная Суть — без греха и, в общем, почти без волн. Там и был Будда. И это уже над небесами с храмами и дворцами, ангелами и золотыми столбами света. Это Абсолют с отрицанием желания (убей желание, сказал Будда) и даже малого «я» или мысли. И выше этой вечной нирваны, где был Будда при жизни, есть единый Бесконечный. Там — полнота могущества Бога и там — полнота Моей власти над мирами. Там — не только океаны покоя Бога, как в нирване, но и всеисилие и всемогущество Предвечного. Там Я выше движения и покоя нирваны. Там Я соединяю их в одно. И этот мистик Коровин не поднялся в сверхразум, хотя с Богом он отчасти уже слился. Он сливался с ним тысячи раз по секунде, а сейчас он един с необъятным бытием на треть времени дня. И чуть по милости Бога он знает сверхразум. И Я имею семь Ликов в сверхразуме, великих образов Господа, но и бесконечен. Есть там и три таких же Лица Матери миров. Они едины с необъятностью без форм. Один из них — величайший Лик Бога в качестве Господа миров. Эти Лица выше тысячи образов Бога или великих Богов надразума и выше безличной необъятности без лица, которая над ними. Там Бог и в Лике, и без Лица. Там Я — и бесконечное бытие, и верховная личность. И там даже бесконечность полна знания и мощи Бога. И там немного как бы единство Бога и нирваны или Бога и абсолюта. И прежде всего это Всевышний. И Будда думал, что это маханирвана выше его нирваны, но это Я. Тем не менее он слился с вечностью и почти бесконечностью. И выше — не только океан покоя и тишины, но и всемогущества Бога. И это есть верховная Лич-

ность. И этой полноты могущества и всезнания сверхразума не достиг Коровин, но достигли Шри Ауробиндо, Мать и Шри Чинмой. Но Коровин видел верховного необъятного Бога множество раз, и он уже много един с Моей необъятностью или иногда — просто бесконечностью.

Выше сверхразума бесконечность Всевышнего совсем не имеет форм. Она самая огромная.

Выше надразума — великое небо ослепительного света. Но это не совсем небо, а тонкая пленка небес на поверхности Единого без формы и бесконечного. Это — сверхразум. Но все-таки его чуть-чуть еще можно называть небом. Там — Бесконечность, но слегка есть и что-то, что немного виднеется вдоль поверхности безбрежного Вечного. Ниже Бог членит себя, это огромные Боги в надразуме. Там исполины — формы Единого. И там — великое бело-ослепительное-ярчайшее небо святых Христа. Это самое высшее и последнее небо. Там, и на ослепительно-золотом небе прямо под ним, живут великие преданные Богу и чистые от зла. Иногда кто-то из них касается единства с вечным Единого. Некоторые даже сливались с ним. Но куда больше с ним сливаются мистики Индии. Они достигают вершины надразума. Они познают в Боге безличную сторону, океан покоя и тишины. Но Бог — еще и всевышняя бесконечная личность. Он выше просто пустынной у многих из слившихся с вечным бытием буддистов или, над ней, полной более плотного покоя необъятности буддизма и особенно Индии.

ГЛАВА 8. ЭЗОТЕРИКИ СВЕТА И МИСТИКИ БЕСКОНЕЧНОГО БОГА

Выше небес — Единый необъятный Бог. Там раскинула неизмеримые просторы бесконечность без форм. Над сверхразумом уже все полностью тонет в бесконечности. Это — одна истина. Вторая: там, в начале, еще жива верховная Мать, она может еще играть — иначе только Один, кто есть. Ниже — Одно, что есть. Самая великая сущность Бога выше сверхразума, это совсем пустынная бесконечность. Там, с

какого-то момента, Мать вечно свернута. Существует только Один. И вековечный звук тишины, гаснущий в бесконечности, не нарушит ни одна рогатка крысолова. Там есть вечно невыразимое бытие, и до начала времен, и там — только Он, только Один. Это верховное беззвучное, неизреченное, непроявленное сознание без образа. Его никак не познать логикой философа, а не живой мистикой. Живая мистика не для живых страстью, страсть и обособленное «я» должно уйти. Живая за пределами жизни, неозаренный витал должен уйти, это и есть обычная жизнь. И это — слияние с молчаливой бездной Бога и океаном его бытия. И это — превращение в Него. Выше — Бог и океан могущества и всезнания, бесконечная личность. Там уже нет форм и всюду — одна бесконечность. В ней тают все вещи и миры. А внизу надразума много форм, это настоящие небеса. Они все сияют ярчайшим белым светом. Этот надразум — мир исполинов Бога и необъятности почти без форм над ним. Это — бездна молчания. Выше бесконечный Господь личен. Там, выше небес, Я совсем почти вне миров, это и есть Предвечный. И Всевышний совсем бесконечный и вечный без форм над сверхразумом.

И это есть все так, но Шри Ауробиндо никто не достиг. Некоторые, узнав о золотом сиянии сверхразума, скажут: я это и взял. Эта первая оккультная сила знает нижний тонкий мир или тонкое тело витала. Это уже знают и спириты, и маги, и африканские жрецы, и темные шаманы, и необязательно темные экстрасенсы-энергетики. Они открыли тонкую силу, но угаснуть в бесконечной необъятности им не дано. А туда и ведет строгий путь Бога, с отречением от своей воли и любовью ко Мне одному, хотя и любовью ко всему. Путь включает очищение от похоти, жажды славы, власти и богатства и гнева. Он включает и покой и тишину ума, или медитацию устранения мыслей. Он включает и пробуждение божества в сердце любовью к Богу и концентрацией в грудном отсеке. И, наконец, это сосредоточение на бесконечности Бога. Хотя сначала это концентрация на Моем образе с самоотдачей Всевышнему. И когда-то придет растворение «я» в Моей молчаливой бездне необъятности. Это

весьма тяжело, но полностью избыть малое «я» надо. И тогда вы станете океаном тишины. И кто очень немалую долю времени был даже абсолютом, тот еще не достиг сверхразума. А такой мог быть безбрежным абсолютом, где «я» тонет в бесконечности молчания. Это единство с Богом уже без формы, и это почти верховное бытие Единого. А выше Безличного молчания Бог — еще и всемогущая сила, и безбрежный свет. Он там — бесконечная личность, всеведущий и милостивый Господь.

Ну и хорошо, эти не будут воображать что они знают Бесконечность. Никто из шаманов, магов и низших ясновидцев не знает этого; в общем, наверное, ни одна душа. А есть другие, повыше, они не из астрала витального мира, они — белые братья. Такие погонят темного с порога своих храмов: они святые по нижнему разряду. Они чаще знают золотой, голубой или серебряный свет. Это дух озарения и нижней или средней интуиции, где есть свободные секты мистиков. Большинство белых братств или владык света примерно оттуда, это империя света Бога, но еще и полубожественная тоже. Ведь там и есть божества света и ангелы — в светло-золотой, голубой и серебряной беспечальной стране небесных городов и чудных небесных форм. И эти последователи ангелов света, когда они чисты, явно не из тьмы. Но они не знают Бога, ибо слияние с Ним — это еще более высокий уровень. Это бескрайнее светлое наднебесье или сам Единый. Эти мистики света и ангелов подумают иногда: мы выше. А они действительно уже высоки, но выше их есть знающие Бога. Они видят Бога наяву и сливаются с ним в одно.

Это раз. Люди Кришны тоже начнут колдовать своего любимого Господа — он выше всего. Он у них с женой в малой форме и чуть не с разноцветными птицами — исток прямо Бесконечного Единого на некой планете. Это миф ограниченного менталитета, делающий малый частный образ Бога выше самого Безбрежного. Планеты подобного рода — не миф бреда, они есть, и об этом знает на 100% любой йог. Это, во-первых, небо вершины витального плана еще с демонами. И второе — более святых из картинок вечной книги кришнаизма в истинном мире света. Первое

— прелести, тут православный Роуз прав. Вторые ближе к святым божествам или даже Богам надразума; это миры света, где и могут быть подобные планеты. Это планеты светлых и святых божеств наполовину со светом Бога. Вообще эти миры света и пламени и ангелы там во многом чисты.

Кришнаиты — это святые, преданные Личности Бога, но не бесконечному Единому, кто и есть Всевышний, а его ограниченной форме, а именно конечному Господу Кришне. Таков он в их философии, а не в изначальной Гите, где он безбрежен, ибо он там воплощает Бога и един с ним. И последователи Кришны могут достигнуть небес даже выше средней интуиции. Это мир преданной любви и это рай святых. Первый мир святых — ослепительно-золото-розовый. Это вершина интуиции, это место любви и высокого знания. И там видят Бога — это и есть начало знания Меня. Там видят Бога в образах, например, Христа, Кришны или Шивы, или как бесконечность. Этого рая и достигают святые кришнаитов. Но выше еще более святой мир, ослепительно-белый, еще ярче, и его Бог отдал по большей части святым церкви. Это низ надразума с великими исполинскими Образами Бога. Кришнаиты уже меньше знают это небо и видят на нем Образы Бога, ведь больше всего там святых церкви. Ибо церковь — самая святая вера, и это небо Бог отдал больше всего ей. Хотя там есть и великие святые других вер, вер преданности Богу, как кришнаиты или пророки Иудеи и ислама.

Но бесконечность, где растворился вечный мудрец Индии, поименованный кришнаитами вследствие невежественной ограниченности их ума негодеям, недоступна этим людям Кришны. Ведь даже счастливое и святое бытие своей преданной души надо превзойти в этом безбрежном бытии, а они и не хотят этого вовсе. И высь за формой Единого уже, где нет никаких планет, простершаяся за горизонт в бесконечность, выше светлой планеты Кришналоки. И потому суперразум, который уже начал терять формы на чetyре пятых, все же не их. Да и очень трудно взять поток его сверхъединства и полноту всех аспектов Его Божества. Надо слиться с абсолютом надразума и еще его превзойти. И свя-

тые могут достигать великих небес, и даже самые светлые кришнаиты тоже. Это — малая святая религия. Но бесконечность Бога уже не их, как она вообще чаще не просто преданного слуги Бога. И тем более обычно безбрежность — не преданного Моей ограниченной форме. А так и есть в их религии Прабхупады, а не в изначальной Гите. Там Кришна непомерно великий, всеохватывающий и безграничный. Это просто аватар Единого Бога, который там и изображен. Эти кришнаиты — преданные служители Господа, часто светлые. Их преданность светла, сладостна и почти непрерывна. Но у них еще нет покоя Будды, который уже зашел в наднебесье, или величайшего Шри Ауробиндо. Ведь это — необъятный покой внутри, полный и абсолютный, равноность ко всему плюс полная преданность Всевышнему Господу; это — его личный вензель. Но его место и есть вечный за всеми сверхразум, и почти никого там в общем нет. Хотя и Мать, и Шри Чинмой достигли его.

Там, в небе света, где и есть низшие святые и особенно мистики света и ангелов, уже будет ярко, и мир будет светиться расплавленным золотым, голубым или серебряным полусолнцем. Люди ангелов чаще достигли мира света и видения света. Там немного открыто сердце и немного льется любовь. Это царство озарения света — они могут достичь его золотого мира и храмов ангелов. Выше они входят в миры прекрасного голубого и серебряно-белого света, видения мыслей. Выше идет огненно-розово-золотой мир самоотверженной прекрасной любви святых к Богу. Там видят Бога, там уже немного сливаются с ним, и там полностью открывается сердце. Это сердце любви, блаженства и мудрости в человеке. Там есть святой ум и там есть слово откровения Бога.

Это всё миры неземной красоты, огромной и обширной, и счастливые, беспечальные страны. Они все лишены теней и все в свете. Святой мир преданных слуг Бога и свет их любви к Богу. А розовый цвет — божественной любви. Это также цвет души в сердце. Она полна любви и блаженства и пробуждается преданностью и любящим поклонением Господу.

В мирах света есть райские сады блаженства, но не так много, и там есть иногда кипарисы тропиков, полные жаркого блаженства. И это небеса света, любви и блаженства Бога, и прямого знания и видения. Там все же не очень много зелени, там скорее строгая реальность исполинского города, божественно-светлых и удивительных форм. Это и есть царство света разума ангельских небес. Хотя и есть и там белые холмы, где ходят светлые животные, это все же миры света и счастья жизни. И выше небеса, и чуть ниже, и там город света снижается — близится необъятность. В ней все формы почти исчезнут. А там, прямо перед ней, ослепительно-белое небо святых. Вообще все миры — это миф, но интересно, скажут ли на председательском кресле цивилизации чистого разума: а вот и нет, цель — только Единый?.. Это миры с белокаменными храмами лучше в три раза святого земного собора, да только наивысшая цель — это Я. И еще сверхразум за гигантскими Богами и вечным первым абсолютом. Там все так широко, как весь необъятный мир. А выше, в сверхразуме, даже шире, и почти уже нет форм. Там золотой безбрежный простор, океан покоя, света и силы Бога. Там есть и несколько Ликов в сто раз больше Богов надразума, единых с бесконечностью. Это образ вечного Господа и Матери миров, который и безбрежная реальность, и верховная Личность. Там даже необъятность полна Мною. Выше сверхразума бесконечный Всевышний совсем один, и лика и формы нет. Да и Лики сверхразума — это не разные Боги, а ипостаси Одного.

И есть нижние мистики, которые жаждут низшего ясно-видения, магических сверхсил или богатства, и тонкого и обольщающего секса. Они не превзойдут астральных миров тьмы. А дальше начинается духовный разум, он касается вечности, сходит чуть-чуть с ума у кого-то и провозглашает себя самым высшим и единственно истинным. Это бывает нередко. И есть догмы, и есть иногда и фанатизм, хотя великие религии Запада несут вечного Бога. И есть милые кришнаиты и просветленные эзотерики, и тайные белые братья, которые хотят сделать себя выше всего, посадив надо всем свой образ — всегда частный — Единого за

той чертой, где нет образов. Хороший человек кришнаит, но бил по мистикам, которые вошли в безбрежные просторы Бога. Их свет есть. Но там нет такого Кришны, ограниченного по образу на самом верху. Там — Бесконечность, не ограниченная формой и числом. А все миры и планеты, где танцевал их Бог, — это проявленность. Они — не самая высшая цель. Можно застрять в витальном или астральном мире демонов. Или вас примет небо света с чудесными садами, широкими аллеями и просторами, залитыми солнцем. Это небо со светом Бога и солнечными или яркими и прекрасными городами. Это будет, если вы достигнете истинной святости. Но Моей пустынной безбрежности вы не достигнете. Она превышает все миры. Они там тают в светлых пучинах безбрежного Единого без форм.

Эзотерики тоже есть светлые, но они не доберутся до суперразума. Они любят добро, знают только свою душу, она добрая и праведная, но жесткая. Эти люди еще не прошли школу полного смирения. Эти эзотерики света застрянут часто на золотом свете озарения или на голубой интуиции. Есть еще средняя белая интуиция, там тоже видят мысли, но там духовнее и праведнее, и ее кто-то из них тоже может знать. Они сияют серебром, ибо это еще миры ангелов и божеств света. Но эти эзотерики не отдадут себя полностью Богу. Они пропоют десять раз Мое имя, а потом скажут: я сам. И они будут в царстве озаренного золотого света; это царство или нижняя или средняя интуиция — обычно верх такого мистика. Далее Господь обычно пустит выше только совсем своих, или только тех, кто строго следует методу Будды и единства с Богом Индии. Это полное отречение от мира, полное отсутствие желаний и победа над «я» и полная концентрация на Едином или покое нирваны. Это и есть второй путь к бесконечности, кроме пути Моей личности. И путь Бога для большинства — путь преданности и любви ко Мне. Дальше небес ангелов, залитых светом, Мой собственный мир. Это вечный мир немного выше. А так — озарение мира света золотого облика, где неземные красоты. Там всюду свет и местами сияют предметы. Там здания неземной формы и красоты и исполинские и прекрасные хра-

мы и дворцы, голубые небесные реки и белоснежные храмы. Там уже есть немного хрустальных фиалов любви, и есть ангелы, похожие на кристаллы света. Завоевывают этот мир уже умеренно аскетической жизнью. Это мир света радости и красоты, и там видят золотой свет. Выше — мир голубых хрустальных небес интуиции, это мир точного знания. Это непосредственное знание чужого разума через видение, а не просто абстрактное рассуждение разума. Небеса продолжены вплоть до нижнего надразума. Это белоснежное небо Бога, и оно самое красивое. Там от предметов часто идет уже сияющий ярчайший белый свет. И там — полная сдача Мне. Или путь тихого, безбрежного, невыразимого и безмолвного бытия и растворения в нем. Это и есть высший надразум. Дальше озарения или нижней и средней интуиции Будды люди тоже пройдут. Это те, кто праведны и аскетичны, но жаждут чистого покоя и вечности небытия нирваны. Или люди Шанкары, которые хотят обрести только бездонный Абсолют, а не свое малое «я». Они пройдут за счет полной преданности истреблению «я» в необъятной тайне нирваны и Единого, иначе обычно — только полная преданность Единому. Только Оно, одно, что сущее, может провести без преданности Богу — почти всегда так. Подобные люди необъятного Безличного достигнут слияния с Богом. Они взойдут выше небес и познают надразум. Или немного ниже, но тоже фактически над святыми, сольются с нирваной безбрежной пустоты. Иначе никакой махатма вроде братьев света Рерихов и Кинга свыше не даст вам ослепительно-белого Господа неба святых надразума, или только чуть. Все они на небе разума света, не выше озарения или нижней и средней интуиции. В данном случае эти Рерихи, Кинг и Пророки — ученики светлых ангелов. Хотя Пророки наполовину святые, и потому на треть или 50% они видели мир высокой интуиции. Это Толкиен видел на 75%, или Даниил Андреев, или Сведенборг. Хотя Сведенборг видел и небеса немного выше, ведь его книга — книга интенсивной любви к Богу, а не только к ангелам. Это и многие учителя новых ченелингов, когда они выше сил тьмы. Это лидеры и учителя света и сказочных по красоте золо-

тых салютов, солнечных зарев и лучей света и легкого вина блаженства. Но ограниченных, хотя они преодолели тьму и взошли на золотые, голубые и серебряные шатры чистых небес, радостных и струящихся сияний.

Это еще характерно для эзотериков середины — любить свое высокофилософское учение. Оно порой и выше только философии, высоко продвинуто уже в мир света. Они очень любят пока дух своего религиозно-философского «я». И это есть более-менее высокая ментальная сфера. Интеллект любит свою философию, она чаще ниже. Светлый человек любит религиозную философию, она обычно выше, она с добром, но с небольшой жесткостью к оппоненту. Это светлая система. Ее не надо бить сильнее, чем она бьет других. Она уже немало очистила себя от зла. Но она порой хочет еще мира и согласия, но все равно не пойдет выше своей философии «я». А выше философии есть тайна молчания Бога, где все дороги оборваны и философии кончены. Начата бесконечность. Это раз, выше своего «я» она тоже не пойдет. Она не знает, кроме примерного понятия, что дальше есть бесконечный Единый. Он единит всех и всех растворяет в себе, до исчезновения их малого «я». Тает «я», остается бездна покоя. Там все исчезает в Одном. Там все «я» сольются с Ним. Они — просто капли. Они — крохи малые. И этот безымянный безмолвный абсолюте не достигнут ими. Там, наверху, все философии поглотит истина. Они — малые осколки. Особенно если ограниченные — не Гегеля все-таки со Спинозой, а маленькие, да и эти конечны. Истина бесконечна. Разум имеет конец, ибо он гаснет в вечности. Он знает только конечное. Если он хочет знать бесконечное, он должен прыгнуть за самого себя. Это выше религий и философий. Это выше и ума — грубого или тонкого или светлого праведника. Это выше «я» и даже выше добра. Добро не надо в сторону — оно должно быть. Но выше — Единый. Будет злое «я» уходить — придет доброе «я», потом уйдет «я». Уйдет «я» — будет «Я», «Я» Абсолютное. Это и есть Бог, необъятно-безмолвный.

И вот не войти им в сверхразум. Надо стать чем-то «сверх-». А лучше — надо стать Богом, но не Господом всех

систем мира, Я один. Для этого надо потерять себя. Потерять, влившись в бездну Единого. И для этого обычно надо предать себя Мне и пробудить огонь любви к Богу. Понять, что он есть, и поверить в него, скажут некоторые протестанты, и этого достаточно. А вот и нет, вы должны полностью пройти великий путь. Полностью посвятить себя Богу, отдать себя Единому и сосредоточиться на нем. Любить его больше всего и медитировать о нем одном. Устремиться всем сердцем к нему одному, думать почти о нем одном и твердить его имя. Во многом освободить себя от секса, от желаний и страстей. Желания тянут в мир. Любовь восходит к Богу. Страсти приковывают к земле. Преданность Мне и медитация бесконечности ведут в безбрежность Единого. Надо сконцентрироваться на Образе Бога, поклоняться Всевышнему и сконцентрироваться на бесконечности. Надо медитацией освободить себя от мысли и ограниченного «я». Свое понятие еще можно иметь сначала, и то, если церковный тип Алексеев все знает сам, каков Бог, и всем все расскажет, что все остальные религии демоничны на корню, то и не пройдет в самое Верховное. Бог выше его слов. Мухомовка расставлена ниже. Он пустит только того, кто теряет свое «я». Мысли еще сначала — обычно нет, понятия — нет, да и в конце тоже. Понятие сразу может быть подспорьем на пути вверх, выше — Единый. И свое «я» сгорит в океане Бога. И потерять мысли — это сказала жестокая личность из злой религии, очень жестко возразили бы нам недавно светские воители уже с инакомыслием. Так простая мысль — это неведение во многом, и потеряете неведение свое, когда придут видение и знание. Там, выше, раскроется вечное знание, и будете наяву знать Бога, и будете едины с Ним.

Истина подобна простой формуле, а не сложному рассуждению или доказательству разума. Разум не видит. Разум обычно немного знает. Он только мыслит и соединяет понятия. Он может знать физический мир и во многом себя над этим миром, но выше он теряется в догадках. Он строит бесконечные гипотезы и выдумывает доказательства. Они отбрасывают только тень истины, они не видят ее саму. Пусть разум — сила человека и высота его над животным.

Он живет в возвышенном воздухе умозрения, он могуч логикой, свободен и широко смотрит вокруг своей мыслью. Он — сила титанов философии и гениев разума, но он не знает Бога и другие миры наяву. Выше Бог и миры видны непосредственно. Кто видел исполинские золотые утесы, залитые светом на протяжении сотен метров, тот видел светлые небесные просторы. Кто видел безбрежный свет без форм, тот узнал Бога. Его и видел сто раз этот мистик Коровин. Кто слился с ним, тот узнал его еще больше. Этот мистик — уже тоже отчасти. Истина проста, она не терпит сложных рассуждений и схоластики. Она не использует многосложные логические выкладки. Она не сплетает сети и концепции из абстрактных понятий. Она видит. Она знает — и не нуждается в доказательствах. Или она, может быть, выражена в виде поющего афоризма, будто раскрываются хрустальные шкатулки мудрости. Это сияющие цветы мудрости падают на земли из гирлянды истин Бога.

И Бог выше. Выше Его — ничего. Просто светлый эзотерик, любящий свет и ангелов, почти всегда не становится Им. Выше есть их источник. Никто из просто светлых эзотериков не войдет в суперментал. Для этого надо сначала стать Абсолютным «я» и испить полную чашу бесконечного покоя Бога и Его тихой заводи без зыби. А это вообще немыслимо малому человеку, да и почти никому без преданной любви и самоотдачи Ему. Или полного растворения себя по методу безличного абсолюта, это второе. Но истина сверхразума соединяет аспекты Бога. Там — океан тишины, и едины всевидящая мудрость и верховная воля. И там все аспекты Бога сплелись в нерушимое единство.

Еще пустынное, уже несколько плотное небытие, полное покоя, есть вроде личной сути Будды. Его надо достигнуть и слиться с бесконечным Богом. Оно выше зла и добра. Оно выше миров. Оно выше разума. Оно — высь надразума. Но выше, в сверхразуме и дальше, Бесконечный Бог личен. Его уже не знает Будда. Верховный Непроявленный совсем без форм выше сверхразума и даже выше сфер блаженства, силы и покоя, твердого, как камень, — над ним. Это — величайший Всевышний. Там эти покой, сила, бла-

женство и невыразимая пустота — одно. Это — самое великое: там вдаль, в необъятность, уходит безбрежный Абсолют навсегда, и вовек не найти дорог. Может быть, такая триумфальная арка последних форм мелькнет на пороге, сложившаяся из волны, застывшая в воздухе — и охватит великая непроявленная безбрежность. Это — видение. Только там вообще нельзя жить, существуя и в мире сем, в Неявленном. За сверхразумом сначала — вечная вода необъятного океана, и там всюду простерся, за все черты, бесконечный Я. Там величайшая бесконечность света не имеет форм. Чуть ниже зацепил себя верховный мистик мира или Шри Ауробиндо. Это величайший философ XX века и величайший мистик Земли, который не известен никому из профессоров. Пусть Саи Баба — тоже аватар, и дивные чудеса он принес миру. Он проще. Его ученик склоняет голову пред Единым. Он идет по пути добра, но превосходит его в единстве с чаще безличным Богом. Хотя его путь основан на преданности Мне. Выше — верховная тайна Бесконечного Всевышнего. Выше — знание личного необъятного Бога. Выше — знание океана тишины и великого могущества, которое формирует миры и движет всем. Выше — Я. Это и есть обитель Шри Ауробиндо или Матери. Шри Ауробиндо знал все же больше. Это — само бесконечное бытие, изведенное им и выраженное во всех аспектах. Те, кто выше сверхразума, ушли навсегда. Их почти нет. Или побывали на пару дней и вернулись назад. Их мало, совместить это еще почти никому не удавалось. Хотя в величайшей бесконечности блаженства сразу выше сверхразума еще можно существовать, сохраняя тело, а выше — чаще нет.

Все, что есть выше нижнего надразума, — уже необъятность Единого. Но над первым образом Бога, еще безличным, и есть Шри Ауробиндо, Мать и Шри Чинмой. Это сфера бесконечной верховной личности. Шри Ауробиндо достиг сверхразума. Он должен быть познан как верховный йог и величайший Учитель. И он проник в эту вековую реальность не в запредельном трансе, а познал ее с ясным духом, в бодрствующем сознании, и принес в сей мир. Только он не один. Любимого Господа Саи Бабы и почти луч-

шего человека мира сего, всей Земли, Шри Чинмоя тоже есть след в мире. Велик Господь Христос, и очень велик Господь Кришна. Шри Ауробиндо — не только великий тихий мудрец, преданный Богу, но еще и бесконечная реальность. И все вышеназванные, как и Рамакришна, тоже. Мать — тоже единая с Богом и великая Божественная Личность. Она полностью отречена от себя ради Всевышнего, и она знает его почти целиком. И Шри Чинмой — тоже великий учитель Запада. Саи Баба и есть аватар Бога, и он — не только провидец, но и воплощение Бога. Его мудрость Бога глубока и проста. Прекрасен по своей дивной поэтике любви покоя и радости Бога Шри Чинмой. Но он, наверное, немного меньше знает Бога, чем Шри Ауробиндо — аватар почти самого великого, высочайшего сверхразума и новой зари Бога в мире. Хотя Шри Чинмой был больше и выше сверхразума. Саи Баба — аватар необъятности надразума. Он — Господь в мире, столп закона любви и добра Бога и великий чудотворец. И он тоже ведет к единству с Богом. Шри Ауробиндо еще выше и обширнее видением. Его путь — путь полной самоотдачи Богу и единства с ним во всех его сторонах. Его путь когда-то приведет к просветлению мира. Саи Баба и Шри Чинмой... пусть будут названы имена Господь Саи Баба и Господь Шри Чинмой. Шри Ауробиндо — тоже аватар. Это великий свет сверхразума, выше прежних лиц и сил Бога, даже белого обода сияния надразума, впервые пришел в мир. Но его книги нередко тяжеловесны и сложны, и поэтому пусть будут для десятков миллионов и Саи Баба, и Шри Чинмой. Скоро это придет в мир. Эти трое будут приняты Западом, и миллионы людей двинутся их путем. Заря вечного света вспыхнет вновь над миром, заря любви к Богу, единства с Ним. Придет четвертый, наполовину дрянной Ошо. Шри Ауробиндо иногда сложен. Хотя это у него — не логика и не игра в абстрактные определения: это вечная мудрость и величайшее в мире духовное знание.

Это место небес и тем более наднебесной бесконечности, очень красивое... только это не существует, скажут люди. Но это так. Оно не существует *для вас*. Сто шкур должно слезть: с шеи капая капли пота с кровью у человека, кото-

рый уже одной четвертью ноги стоял на самом нижнем небе, занимаясь идеализмом и абстрактной философией Бога; это и есть возвышенный разум. Он тогда любил только философию, оставив коммерцию, которой он занимался год-полтора, и то любя больше философию. Он окончательно закрыл уже неработающий кооператив, когда вступил на путь. Ибо идущий по дороге Бога должен быть чист от жажды преходящих вещей. Хотя вы можете работать и в мире, не желая результата труда и полностью посвятив труды Богу.

Это четко выше почти всего, сущность Будды. Выше неба и немного выше пунктов вероучений, там нечем верить. Выше философий, хотя философия еще может быть. Как внешнее оформление, всё немного игры слов и пустота. Выше Добра озаренного праведника и светлого мистика названного эзотерика. Он тоже может быть добрым, и даже очень, хотя у него есть очень четкое «я». Дальше его нет. И выше нижнего абсолюта есть бесконечный Всевышний. Но Бог растворит вас в этой сути не просто так, за трудный сияющий путь. Белоснежный цветок чистоты Бога и Его святости распустится в вас. Любовь сладостным потоком нектара хлынет из сердца, когда вы пройдете долгий путь любви и преданности Богу. И медитация — тоже мощный ветер, уносящий ввысь, но любовь и самоотдача Мне и медитация бесконечности — это ветер самого Единого. Он принесет вас в залитые светом небесные миры. Выше он унесет вас в бесконечность. И даже сущность ограниченного света, заменившая в вас сущность тьмы, в конце уйдет. Останется Одно. Но не нирвана есть величайшая истина, а Всевышний Бог, пусть этот аспект в Боге тоже есть. И вы познаете Меня, слившись со Мной. И путь ко Мне — это любовь. Она станет пламенной и сладостной, когда проснется сердце. И путь ко Мне — предание себя Вечному и преданность его воле. Могучий поток вечной Силы понесет вас. И путь ко Мне — медитация. Это немного медитация третьего глаза, тишины ума и концентрации на Моей необъятности. И конец пути — это Я. Выше Всевышнего ничего и никого нет. Вы растворитесь в нем и станете им. Это бездонная необъятность. Хотя раньше вы увидите порой и Бога

в форме, но выше придет само Оно. Это океан покоя и небытия. Над ним — сам Он, то есть Я. Это океан покоя, но и света и силы, и всемогущий Бог. И путь медитации тоже порой опасен, и потому чуть-чуть истина — церковь, но предайте себя Богу, и опасности уйдут. Метод воспоминания снов и метод концентрации между бровей и над головой тоже высок. Если осуществлять его в преклонении перед Богом, сложив голову пред ним, он позволит превзойти миры тьмы. Это путь любви к Богу, которая станет сладостной, и тогда вы любовно склонитесь передо Мной. Сердце, которое пробудится, подарит вам самозабвение радости и вино любви или любовный экстаз. Любовь чистым пламенем будет устремлена ко Мне. Постоянно размышляйте о Боге. Концентрируйтесь на Мне. Концентрируйтесь с любовью на Моем Образе. Повторяйте все время в сердце имя Единого. Посвятите свои дела Мне, и тогда вы войдете в города истины. Самоотдача Богу и полная чистота от зла и страстей ведут вас в Мои чертоги. А победа над малым «я» и концентрация на бесконечности превратят вас в необъятность Бога.

Медитация — это путь в вечность. Но есть великая истина, что Бог должен быть любим. И потому пусть будут любовь и преданность Богу, и, немного меньше, медитация. Это медитация в третьем глазу в центре между бровей. Это медитация тишины ума и медитация бесконечности Бога. Это и медитация сердца в середине груди с обожанием и благоговением перед Богом. Потом любовь к Нему затопит вас с головой, и только Бог будет влечь вас. Тогда, преклонив свое сердце и тело к коленям Бога и осуществив медитацию бесконечности, вы вольетесь в Него.

Еще есть космический Брахман. Там Бог наполняет мир. Есть Бог выше мира. Там — безбрежный покой без форм. Но есть всеведущий и всемогущий Господь. Он безбрежен. Есть и сила в Боге. Там волнуется вечное море, и по воде ходит вечный Учитель святости, а это вода течет и плещет волна Бытия. В Боге растворяешься и становишься необъятным. Это безмятежный абсолют без греха и форм. Это и совершили католик Майстер Экхарт и православные Максим

Исповедник и Дионисий Ареопагит. Это безличный абсолют над сияниями небес. Ареопагит даже немного коснулся сверхразума и описал это в своей другой книге, об Именах Бога. Частично сливались с безбрежностью Бога без форм и тридцать подвижников православия, частично или полностью — десять католиков и двадцать пять суфиев ислама вне ортодоксии. С ней слились Шанкара и тысяча мистиков Индии. И Будда, и семьсот буддистов — тоже гении безличного бытия. Но выше Шри Ауробиндо никого нет. Ибо эта нирвана пройдена Шри Ауробиндо, и дальше он разверз вход в объявшего все свои стороны Бога суперразума. Это Бог бездны покоя и тишины, но и великое могущество, которое движет мирами. Чуть ниже — божественное бытие как молчание, может быть, безбрежное. Что-то вечно наполнило бы собой, великое и совсем беспредельное, хоть неявное в форме и в вещах: это безбрежный и пустынный, хотя и полный вечного бытия и покоя, Абсолютный над мирами. И есть великий Личный Бог над ним. Это Отец и владыка миров, вечный исток всего и Господь всех сил. Он и проявлен, и имеет семь-десять величайших Ликов, хотя уже и единых с необъятностью. Он и бесконечный, без форм, самый высокий и самый необъятный. И величайшее бытие абсолютно реальное, хотя и невыразимое. Выше Господа Шри Ауробиндо были только те, кто растаяли навсегда в Величайшем. Он — величайший мистик, хотя велик Господь Саи Баба, и очень высокий Бог Шри Чинмой. Это почти самая верховная реальность сверхразума. Семь шкур до того слезет у кого-то, у кого злая карма. И над мыслью порой возникают притчи, подобные голубым голубям истины. Они летят из Безвременья в бренный мир. Они несут в клювах свет и любовь. Прекрасные молнии божественного сияния ударяют в землю из миров света. Волны милости и сострадания Бога льются на преходящее. И сердце внутри не стучит, а любовь в тайной глубине сердца рождается и льется наружу упоительным потоком. И спонтанная преданность или любовь Единому и польется из сердца. Могут политься светлые, глубинные и сказочно-необычные ритмы интуиции. Кто бы играл так все время — был бы каким-то чуть ли не мудрецом-

волшебником. Но не потому, что зло (ведь волшебство — астрального мира тьмы), а потому, что игры слов такие, что кому-то порой будет светлый шок. И выше есть только Одно и только Один. Одна вечность. Одна любовь. Одна вера, выше всех вер. Вечная истина, где веры превзойдены. Там нет слов, там за беззвучными ритмами — беззвучное молчание. Одно бытие. Или только Один. И это — величайшая Личность и величайшая реальность.

Это и есть Бог.

Верховный путь Единого, вечного и бесконечного. Любовь к Нему и самоотдача, медитация отсутствия или нирваны мысли. И любящая Бога концентрация в сердце и открытие тайной души любви и блаженства в нем. Также медитация третьего глаза с преданностью вечной воле. И сначала — лицемерие тьмы мира, преодоление его и лицемерие прекрасного света и небес. Там вы узрите белые златоглавые храмы и великие города. Медитация воспоминания снов с любовью к Богу и превосхождение низших миров. Очищение себя от скверны, зла, похоти и гордости, ненависти и жестокости или гнева и лжи, ревности и зависти и страха. Посвящение всех своих трудов и работ Богу. Любящее или мысленное созерцание Бога в Образе, полном сияния, или Бесконечного без образа. Полная концентрация на Едином и повторение Моего имени. И также концентрация над головой на безбрежности Бога, где широкое вечное сознание. Сосредоточение на имени и безбрежной вечности Бога. Посвящение себя Ему одному, хотя дела в мире, посвятив их Мне, вы тоже будете делать. Преодоление особого от Него «я» и единство с Моей бездной и широтой без границ.

Но в этой книге, написанной сначала ангелами, а не Мною, были места куда более низкой реальности с небесами ума света. Там было мало абсолютной Личности и величайшей Сущности Бога. Она необъятна и почти непередаваема никакой книгой. Только йога медитации сферы разума — еще не совсем путь Единого. Частично она была там. Ее место — небо ума света. Места демона — астрал витала или витальный мир. Это в основном мглистая и во многом страшная, хотя часто

красивая и полусветлая, империя тьмы. Место мистика — единство с безбрежностью вечности. Бог выше всего, и ничто не сравнится с ним.

Тысячи путей ведут к Богу. Наверное, почти самый святой среди них — путь православия. Это Моя светлая вера, и вызывают истинное восхищение ее благодатные святые. Они упираются в великую сияющую высь. Но она не единственная Божия. Есть святые немного меньше, религии преданности Личности Бога — католицизма, ислама, кришнаизма и иудаизма. Но есть и мистика Безличного. И в безбрежную тишину Бога упирается дорога мудрецов Индии. И туда же, но в более пустынное бытие, в чуть более разреженный образ бесконечности, ведет дорога большего числа буддистов. Мистики Индии сливаются с необъятностью, и это выше церкви. Хотя святые лучше — благодаря их любви к Богу. Есть и нижние мистики в мире. Сила энергетика-экстрасенса обычно второго или витального тонкого тела. Там можно различить тонкую разлитую и вибрирующую в мире силу. Но этот путь — не Бога. И много выше есть Бог, и знание его абсолютного существа и есть истина. И это знание дается не логическими доказательствами, но посвящением Мне и преданной любовью. Оно дается полной концентрацией на Едином. Оно дается восхождением над мирами тьмы и кому-то — даже над мирами света. Оно дается видением Бога в исполинских светлых образах Богов, или без — как светлой необъятности. Оно дается видением той выси, где Лик и бесконечность едины. Оно дается полным слиянием со Мной и познанием изнутри.

Люди сил света придут к нижним мирам света, к миру озарения — или нижней и средней интуиции. Это Годфри Кинг, Толкиен, Андреев, уже немало святые Пророки, и Рерихи и ученики Аштара. Они будут пить вино еще не очень сильной радости и созерцать сияющий свет. Они будут друзьями и учениками ангелов, но в некотором отдалении от Бога. Самые светлые силы любви к Богу займут место подле Его престола. Они пребудут в лучах Его славы и вблизи от Него, и на уровне вершин миров света. И это великие христианские святые, и пророки Иудей и Мухаммед. Мусульмане чуть меньше святых церкви, ибо их рай для про-

фанной обыденной религии уже ниже. Хотя Мухаммед и самые великие мистики ислама тоже иногда достигают и небес белого света Господа. А самые великие мистики Индии войдут в абсолют, где сил света уже нет, и растворятся в бесконечном бытии. Но это бытие безлично, и краше по душе и святее их люди церкви. Но мистики выше и необъятнее их. Так Бог уравнивал религии. И есть еще сверхразум, где знание Бога полное и во всех его измерениях. Это вечный гений самой обширной истины Шри Ауробиндо и подарил миру. И он принес просветление Земли золотым дождем света сверхразума.

Все миры неведомы людям, а там есть мир надразума с исполинскими Богами. Там есть Боги ростом с четырех человек, малые формы Бога, но и большие Боги, истинные образы Бога, ростом с десять-двенадцать человек. А выше нижнего надразума с Богами — образами Бога есть бесконечность нирваны и далее — сам Всевышний. Его и надо найти.

ГЛАВА 9. ОСУЖДЕНИЕ БОГОМ РЕЛИГИОЗНОЙ НЕТЕРПИМОСТИ

Все религии — Бога. Все они — волны из океана бесконечности. Океан бесконечности не вместить в ограниченный сосуд частой веры, и потому ни одной полностью не исчерпать Бога. У Меня сто аспектов и тысяча форм, и потому есть тысяча путей ко Мне. Все светлые религии позволяют достичь Меня или хотя бы небес ангелов, и все они — дивные цветы Бога в его вечном саду. Они не должны бить друг по другу. Если они верят только в себя, что они единственно правильные, — пусть пока верят, на данном этапе это еще возможно. Так они приближаются ко Мне. Когда-то, когда вы познаете Бога целиком, все различия растают, все религии сольются или образуют великую симфонию Единого. Все реки вер впадают в океан Бога.

И вот у Меня есть осуждение. Пусть будут жестко осуждены слова Васильева о том, что религии вне Христа идут в вечную тьму (В. Васильев, «Наша Вера». М.: «Ковчег», с. 50).

Но знайте, что самая святая вера — христианство, и поэтому этот контрудар — не осуждение самой веры церкви. Она — Мой белый храм и дом Бога в мире. И главное в ней, безусловно, свет. Ее святые — сосуды любви и блаженства Бога, факелы вечного света. И мир ей на долгие века. Хотя есть и тайна слияния с бесконечностью, которое она чаще не знает. Эту тайну раскрыли Индия и, на втором месте, буддизм.

Пусть будет проклята книга Серафима Роуза! Это не Я сказал, ибо много тьмы в астральном мире и тем более в жутких адах, и тысячи могут попасть в плен сил тьмы. Но все-таки медитация — не от бесов, и потому эта книга в немалой степени темная. Но кто-то может попасть в темную ловушку или быть обманутым ложным светом демонов. И он во многом прав. Но все же Я ее осуждаю, хотя сам Серафим Роуз от святой церкви, и его предупреждение об опасности бесовской прелести справедливо.

Будь жестко осужден террор ислама! Хотя сам ислам — великая религия Бога. Это в нем важнее. Их люди любят Меня или поклоняются Богу под именем Аллаха. И десятки суфиев — святые Бога, в чьих сердцах — Мое имя и песнь вечной любви. И кто-то даже един с Богом.

Будь жестко осужден костер инквизитора, на котором католики сжигали еретиков! Хотя в основе католичество — свет, дивный свет Христов. И прекрасен своей любовью к Богу и ко всем живым созданиям, например, дивный святой Франциск Ассизский.

Будь осужден кришнаитский выпад против своих ближних в Боге! Они называли мистика Индии, единого с Богом, негодяем, и сказали как-то, что лучше общаться с дикими зверями, чем с людьми, поклоняющимся полубогам — например, Брахме и Шиве. А это — другие индийские Образы Бога. Пусть они ниже для кришнаитов Кришны, ведь он и был аватаром Всевышнего Бога. Для них он — сама верховная Личность. Поэтому это не сильное зло, но все-таки это нетерпимость. Но в основе — это святая религия Бога. В их сердцах — непрерывная преданность Богу и вечный гимн одного из Моих имен, и иногда они — жители небес. Их

преданность безусловна и течет как нектар к Богу в образе Кришны, хотя этот образ — еще не бесконечный Единый.

И все это — слово величайшего Единого. И он сам знает, что это — вера народа Индии, не совсем кришнаитов, но вера ее множества учителей, в тысячи путей к Одному. Но это — не просто ее вера, а Моя собственная реальность. Ибо все религии — во Мне. Все светлые веры — Бога, но никогда никому одному не дано захватить всего Меня. И вера Индии знает множество дорог к Богу, и ее мудрецы даже слились со Мной. Хотя они слились с Безличной необъятностью молчания, а Шри Ауробиндо и Мать поднялись над ними во Всевышнего.

ГЛАВА 10. О ЦАРСТВЕ СВЕТОЙ МИСТИКИ, ИДУЩЕЙ В МИР

Даже обитатели миров света не достигли безбрежности или бездны Бога и не поднялись в сверхразум, ибо это есть достояние тех существ, которые прошли эти миры. Они преобразовали свой ум в высшее видение и разум света. Далее они постигли Бога в его одном или многих различных проявлениях, слились в Абсолюте с Одним и нашли его необъятность. И лишь тогда они могут познать сферу суперразума, ибо это — величайшая реальность Бога. Это не только бездна молчания и покоя, как у вечных по духу мистиков Индии, но и бесконечный Всевышний Господь. Это еще и могучая сила и великая мудрость, которая движет всем.

После долгого торжества православной веры как единственной светлой дороги в царство небес в прежние века теперь здесь есть мир религиозной свободы. Свободы, довольно ограниченной по замыслу восточных христиан, государственной власти и подыгрывающей им прессы. *(Это было написано в 1998 году и еще более явно было в 2000–2008 гг. А режим Ельцина, несмотря на свои недостатки, не несет за это ответственности. Это скорее Дума в 1997 году и позже — последующий режим. И режим Ельцина, особенно Гайдара, слишком любил богатство, и при нем было много*

бедных. Но при нем были свобода и демократия, и была разрушена на две трети или наполовину темная диктатура КПСС.)

Но Бог знает, что свет церкви ярок. И поток сладостной любви, и экстаз блаженства, и водопады ярчайшего золотого и белого света изведаль святой. Он был близок к Богу и видел его сияющие Образы или ангелов самых высоких небес. И велик Христос, аватар Запада, величайший в любви и в жертве своей земной. И все равно им будет мир от мистиков Востока, несмотря на то, что некоторые их богословы сделали их религии бесовскими. Но есть уже в мире новые великие аватары, и близится бой звездных курантов Вечности. И Бог снова идет в мир. И золотая заря Единого вспыхнет на Западе. Придет половодье вечности и бессмертия. Вновь зажжется солнце Божественного света над Землей. И дождется мир того, что не видел почти раньше, — единства с Богом. И тысяча постигнет бесконечность. Придут в мир Шри Ауробиндо с Матерью, воплощением божественной Матери и его спутницы. Придут в мир сначала, наверное, больше Шри Чинмой, и Саи Баба, и Раджниш. Последний был высок и мудр, но наполовину исказил свое учение, и теперь его путь реже может привести к Богу. И Шри Ауробиндо все же будет самым великим мудрецом. Но его тяжело читать многим, ибо он необъятен истиной и часто сложен. И потому сначала будет, может, немного меньше его озаренных, пьющих нектар радости и погруженных в Бога последователей.

На путях света и ангелов можно тоже достичь мира небес, сфер золотого, голубого и серебряного прекрасного света. Это ментальные небеса или ангельские небеса света. Обычно они не поднимаются выше. Но этот Наивысший путь идет не туда, а прямо в Мою бесконечность. Но и есть пониже системы просто чистой медитации и йоговского мистического пути. Они позволяют войти в эти высокие сферы мирового ума или в царство света. То золотой и голубой и белый, но не совсем еще ослепительный, как надразум, ментальный план ангелов. (Хотя кто-то из йогов, близких к раджа-йоге, и превосходит их.) И это — не самая высь,

и когда-то Я подниму вас еще выше. И могучий трамплин вам — любовь и самоотдача Богу, как и, поменьше немного, медитация, а вершина — единство со Мной. И безбрежное безмолвное бытие будет вашей сутью. А любовь должна быть направлена только ко Мне. Любовь будет петь от счастья близости к Возлюбленному. И Я должен занимать вас целиком, и все мирские дела уже неважны. Хотя вы можете, любя Бога и посвятив ему дела, действовать и в мире. Медитация тоже нужна: это свет в третьем глазу и тишина ума. Это — отсутствие мыслей в нем. Это и полное сосредоточение на бесконечности Бога или на его Образе. Но надо стать чистым, и тогда вас затопит сказочно красивый белоснежный свет. Посвятите себя Богу и отмойте все страсти, гнев, жадность, гордыню и злость. Вы достигнете чистоты от страсти зла и желаний и святости, а потом придет необъятный покой. И океан тишины Бога будет един с вами.

Это мир медитации, сладостной и экстатичной любви к Богу и концентрации на Моей бесконечности. Это полное посвящение Богу, самоотдача и концентрация в сердце. Там — нежный свет и любовь, пламенем взрывающаяся к Нему. Сначала это отворит райскую дверь в царство блаженства, света и красоты, а потом и ворота бездны молчания Бога.

Они и неспособны стать распахнутой дверью в бессмертие для мира, если он не отрясет грязное порою наследие своей нынешней нередко низшей культуры. *(Это написано в 1998 году, и это было справедливо. Хотя основная симпатия автора и Бога — на стороне свободы и свободной земли и страны.)* Ибо порою эта культура — поддон у современной низшей виталистической и агрессивной струи Запада. Она не имеет ничего общего с прежним высокорациональным и идеалистическим миром Европы. Это — ее высокая философия, разум, просвещение, возвышенное, в т. ч. религиозное искусство, и ее демократия. И высокое царство святости имела в средние века Россия, а позже — возвышенную культуру таких писателей, как Толстой и Достоевский, и идеалистических философов Бога серебряного века. И это не будет царство Бога, если мир не превзойдет свою наполненную порою одними мирскими удовольствиями и жадным вождением

жизнь. А кроме царства Бога святых есть Мой океан без формы и тихий или совсем мирный. И единство с Ним тысячи мудрецов Индии или Будды тоже есть Я. Семьсот буддистов тоже постигли необъятность, но чаще — немного более слабый ее отблеск, безбрежную пустынную. Далее покой Бога более плотен. Это Безличный Единый. Но есть и полное знание Бога. Тогда вы — и бездна покоя и молчания, и орудие всемогущей силы и всезнания Единого, кто един с ним. Это знание сверхразума.

И преодоление этой нижней культуры вроде порнографии, боевика и тяжелого рока — дело рук нового идеалистического поколения мыслителей и поэтов. Это дело и всех творцов нового художественного искусства света и радости. Ведь они порой создали боевик и злой детектив, а могут создать мир идеала и духовного взлета. Они могли творить новое поколение музыкального прекрасного мелодического божественного звука. Они приобщили бы людей к песенному сознанию о таком высоком свете, которого здесь и не было, или к прекрасной живописи мистического сознания, превосходящей авангард. (Пусть он и указал на некую сверхфизическую реальность, но чаще в три раза там нижний астральный мир. Хотя есть порой и ментальные, и даже небесные миры.) Они могли бы создать мир поэтического творчества света, неземной красоты и жизни Бога. Это высшее проникновение в мир вечного солнца и вечного блаженства. Ниже живого опыта Бога это будет мыслительное сознание с его свободным идеалистическим творчеством. Хотя непосредственного познания Бога так не достичь. Но ввысь оно поднимает свой взор ума и парит там, в разреженной стратосфере мысли. Оно движется своим разумом в царстве возвышенной мысли Бога. Но оно играет понятиями и словами и выдумывает во многом из них концепции. Это — высокая мысль, но Бог познается наяву. И, наконец, это мир духовной практики. Это преданная любовь к Богу, которая потом станет сладостной, и самоотдача ему. Она приведет к видению лучей вечного солнца, и мед любви и блаженства будет изведен. Но это и медитация тишины ума, и медитация бесконечности. Это опытное познание Бога в Образах

великих Богов и без Образа, Единого, через видение наяву. И, наконец, единство со Мной, с Моей необъятной бездной молчания. Это и есть почти наивысшее. Это и есть вечная цель. И любовь и предание себя Богу или преданность его воле и есть путь, а венчает его единство со Мной. Я и зову в Наивысшее. Это Величайший, который выше всех миров. Это выше всех сил. И когда-то надо изведать то, из чего вышло все. Когда-то надо узнать того, кто движет всем и кто скрыто основывает космос. Это и есть величайший Бог. И выше космоса он самый великий. Это — бесконечность без формы. Ее и надо завоевать. И путь — это любовь и преданность, и медитация тоже. Путь ко Мне — это самоотдача Всевышнему, и медитация и концентрация на Мне. «Тогда придет к нам видение его в ликах ростом с человека?» — решат некоторые люди Запада. А вот и нет: видение Меня в тысяче Богов ростом с пятиэтажный дом, знание Бога как Безличной бесконечности; затем — видение в семи-десяти величайших Ликах размером с треть неба в суперразуме, которые едины с бесконечностью, которую так и увидите вокруг них. Или видение верховной светлой бесконечности над сверхразумом. Всевышний — не только безличная бесконечность покоя, но и океан силы, и бесконечный мудрец. Он — величайший, он — отец миров и друг и учитель всех святых. И все, что выше надразума, — это бесконечный личный Бог. Затем придет единство с необъятной тайной. Вы и Бог станете одно. И вы будете бесконечным. Пусть он все же еще больше и он правит всем один, но вы приобретете еще божественные свойства или полностью обожествите свою природу на основе единства уже с бесконечным Всевышним. И этим Шри Ауробиндо выше других. И это уже не сделал мистик Коровин, ибо он не взошел в сверхразум, где и есть могучая сила Бога. Хотя Бога как безбрежную личность он видел сотни раз.

И мир постигателя Бога, открывшего живой источник любви к Богу, мистика и подвижника медитации вечности и бесконечности есть мир прямого опытного сознания. И это — не философское косвенное, и обычно не догматобогословское, тоже косвенное, познание. Оно опирается на

собственный рассудочный ум. И нередко во время медитации ментального безмолвия надо загасить свои мысли или засиять высшим светом, чем ум. Но мир концепций о духовной реальности вовсе не является лишь преградой на пути духовного развития. Ведь духовные философии отражают реальность Вечного в одном из его аспектов. Пусть этот мир концепций не способен выразить его никогда целиком в его подлинной реальности.

В мире тысячи лет было философское и догмато-богословское знание. Его основа — рассудочная мысль у философов и обычно у богословов. Хотя и чуть выше простого рассудка богословы Запада Фома Аквинский и Альберт Великий, или философы православия Василий Великий и Григорий Богослов. Они — возвышенного разума. И последние из них даже знают образы в небе, но философия не знает Бога-бесконечность на опыте, и богословие обычно тоже. Хотя Ареопagit и Максим Исповедник знали. Они — уже мистики-богословы, как и Григорий Палама, или Майстер Экхарт и Иоганн Таулер у католиков. И потому философия — просто высокий и свободный полет ума. Ибо этот тип разума, как у философа, не основан на мире опыта, хотя его мышление мощно и у философов-идеалистов смотрит умом ввысь. А Богослов — муж святой и светлый, и высок его ум. И порой он знает небеса или святые Образы. Но светел он по образу ума все же еще у многих, а не Беспредельно-великого божественного сознания. Но это — обычно светлый богослов. Книгу Флоровского «Восточные отцы IV века» можно почитать, и восхититься явно. Но если есть тяга к слиянию с Богом-реальностью, а не к реальности Бога-знания через слово, как в этой книге и в большинстве трудов богословов, то путник Единого пойдет дальше. Ибо это путь удивительных миров света, или, еще выше и истиннее, созерцателя океанов бесконечности. И Бог и есть истинная цель, а все же не мир света. И Он и есть наивысший путь, наивысшая реальность и наивысшая радость. И любовь ко Мне есть ворота в вечность. И полное посвящение Богу и преданность Всевышнему и есть путь ко Мне. А медитация тишины ума, любви к Богу в сердце, тонкого зрения внутрен-

него ока и Моей необъятности есть могучий трамплин ввысь. И видение Бога в бесконечности без формы есть уже высокое знание. А слияние с молчаливой бездной Моей необъятности есть почти конец пути. Путь продолжен и дальше — только для тех, кто избрал тропу Шри Ауробиндо.

Но мир концепций идеалистической мысли и богознание догматического богословия вовсе не должны быть выведены за пределы культуры. Они, наоборот, должны вытеснить из нее низко-грязное и жутко-агрессивное состояние и вдохнуть в нее новую высокую идеальную и одухотворенную жизнь. И правда, философы Запада не знают Исток бытия наяву, но они высоко подняли свой разум. Таковы философы Бога или Вечного бытия. Их мысль свободна, сильна и обширна, но они не видят Бога наяву. А Бог и познаётся в прямом опыте.

Христианские святые же — уже не просто спекулятивные философы схоластического свойства. Они выше, и их окружают аура сияющего ослепительного света и медовый поток радости и любви светлой реки. Но даже лучше еще Бог. Или немного обширнее, кто влился в него, и это мудрец Индии. Но святые христианства — расцветающие цветы радости Бога Земле. И они ближе Мне лично, чем мистики Востока. Они — Моя святая белая рать на Земле, Мои белые слуги в мире. Но мистики продвинулись чуть дальше. Они знают бесконечность. И Шри Ауробиндо, Мать, Саи Баба или Шри Чинмой еще лучше. Они знают необъятность Бога и несут преданность и любовь ко Мне. Шри Ауробиндо же знает самого Всевышнего, и знают его Мать и Шри Чинмой. Саи Баба же тоже очень хорошо ощущает личность Бога, его путь — любви ко Мне, но много выше Безличного он не поднимается. Но он — великий аватар, святой и мудрец Бога.

Теософия же Ледбитера и Штайнера — это не наука Бога, но наука тонких миров. Она знает астральный или витальный мир тьмы или немного ментальный мир, рассудка у Штайнера и над ним — весьма немного света божеств и ангелов у Ледбитера. Выше идут любовь и самоотдача Богу и святые небеса, и затем — слияние с Моей бесконечностью.

И энергетик-экстрасенс — низший мистик, а маг настоящий и уже темный. Это тот, кто и варит компот, зелье-приворот, от любви. И тонкий ум просто экстрасенса покраше самых грубых плоти рабов, и пива бочков, и прелюбодейных книжных лотков. Да вот нижний — все же это витальный мир у магов. Он не просто не светло-хрустальный, но обычно темный или строго темноват. А вот выше иногда горят протуберанцы от света самых высоких демонов. Но их не очень много. И там великий свет все залил, думает Роуз, для прочих религий. Это — святые небеса бесов. И не то это именно там, там низший мир весьма темноват, а на высях белесые туманы покраше стоят. Но иногда и свет, но прекрасный и яркий обычно редко, раз в неделю или двадцать раз в пять лет. Это — полурай демонов. На вершине витального космоса будут не эти вот маго-оккультные силы, но те, кто чуть уж милы и светлым силам. Они — не явные Бога слуги и Христу не супруги, но иногда это просто эзотерики исцеления, общего тонкого и телесного оздоровления и самого первого одушевления и одухотворения. Вообще они не из астрального мира, а из тонкого тела и его тонкой силы. Но некоторые из них восходят в небо... то не то слово, но в рай витального ряда или в его обитель покраше. Там пребывают главным образом правители тьмы, и там и были личины тех же слуг тьмы, но довольно редко — посланцы спутников света. Но все же дела у Меня не этих полумагических сил. Страшный астральный мир некоторыми превзойден, а вот полурай прелестей — нет, и не достигнут вечный свет. А вот и получше мир, почище их витального ряда, но все же их тонус опасен не только для организма, но и для ближнего боя с Тобою, мой Бог. Но хорошая экстрасенсорика — все же не тьмы. И эта экстрасенсорика биоэнергетиков обычно не знает тонких миров или мира тьмы, а знает обычно тонкое витальное тело и его тонкую энергию, и потому это — не именно тьма. Но это — низшая мистика. Есть и тысячи видящих мысли в новой России, и они выше магов и подобных экстрасенсов. Их уровень подобен части достижений раджа-йога, они во многом интуитивного мира, но джнана-йоги или слияния с Богом они не достигли, и не до-

стигли великой святости церкви, их жизни в Боге, вечном свете и вечной любви. Но вся магия — тьма. А те из низших мистиков, кто познал иные миры, не превзошел крыши витального мира. Это медиумы, спиритуалисты, шаманы и просто оккультисты. Они застряли в сером жутком мраке или, реже, на полусветлом астральном рае, но выше есть тысячи светлых или святых мистиков. Это люди вечного Бога и чистые святые, или мистики света, или мистики единства с Единым. Они созерцают прекрасный золотой, голубой и белый сияющий свет. Это все — миры Бога. Ввысь ведет дорога, полная огней, или залитые светом пространства. И есть и те, кто сливаются с бездной океана молчания Бога. И есть те, кто поднимаются в бесконечность личного Господа. Их меньше всех.

И путь ко Мне начат с самоотдачи, полного посвящения Единому и чистой любви к Богу. Эта любовь становится пламенной, когда отворяется пока запертая дверь в сердце. Тогда внутреннее существо в счастливом самозабвении сложит себя к ногам Бога. Оно откроет экстаз любви к Единому и обратит все ваше сознание ко Мне. И это — вечный метод, пусть медитация — тоже часть пути. Преданность одному Мне, любовь и концентрация на Мне и медитация бесконечности — это путь к слиянию с Моей бездной. И внутри — полная чистота, чистота от желаний, гнева и злобы и всех страстей.

А этим тонким силам путь-то в мир открыт, но вот еще не божественно. А то бы уже совсем и утонул мир от магии в потопах Атлантид, который тогда как раз и был закрыт Богом от злого оккультизма. Пусть и честь малая тем, кто их покраше, любимым уже чуть-чуть нижним мистикам. Но все это — путь астрального мира или, в ином случае, тонкого нижнего тела. Он непричастен к высокому миру Вечного Сознания. Выше идет опыт и путь святых с их дивными залитыми светом и блаженством небесами Господа. И есть еще чуть выше и путь полного индийского духовознания в его великой теме о Боге — Безбрежном бытии и о слиянии с ним.

Ибо выше есть люди света и ангелов, и над ними — полные святые. Но есть и Моя необъятность, где тают все силы

и миры. И познают ее не разумом, а в видении и единстве с ней. Познают ее самоотдачей и полным посвящением Богу, и затем, в избранный Мною час, в прямом мистическом опыте. Бог должен быть познан наяву. Бог не должен быть доказан логикой. Знание Бога поистине не очень дано философу. Пусть философ — человек высокого мышления, который поднял ввысь взор своего ума. Он постиг мыслью Бога, правда, чисто умозрительно. Его ум чертит обширные системы мысли, она высока, свободна и сильна логикой. Она кое-что правильно описала в Боге и в мире, но Бога наяву она не знает. Оно только играет умозрительными понятиями и высокими словами. Она высока и сильна логикой, но она подменяет Бога словом «Бог». Бога познают наяву. Бога любят и отдают себя ему. Пред Богом преклоняются. Бога видят в образе и без. С Богом сливаются в одно. Это более высокая стадия, чем просто философия или игра высоких понятий. Это — сама реальность. Это — знание Величайшего, который есть. Это — погружение в Наивысшего, кто сущий. Возвышенный человек любит высокий разум, но над ним есть Моя империя знания. Над ним есть Моя империя любви, экстаза и чарующего блаженства. Над ним есть Моя империя дивного света. Над ним есть сам Я. Над ним есть океан бесконечности.

И это знание неспособно быть лишь концепцией о реальности. Ведь оно есть блистающее солнце-сознание и прямое непосредственное видение. Оно может постигать миры и человека. Над ними оно постигает самого Бога. Это знание миров и бесконечного неделимого Единого. Разные религии познают разные аспекты Единого или сил света. Выше они сливаются в единой гармонии.

Выше знания интеллекта есть опытное знание Бога. Оно сливается со светлым и необъятным невыразимым Богом. Он уже за пределами любого образа. Там есть почти Один, а выше — только Я. И миров там в высях надразума и в сверхразуме почти нет, а только самый край форм. И там — всюду Я, почти самый величайший. Еще выше — Я самый вечный. Там совсем нет образов, только великий безбрежный свет.

И в мире может начаться новый взлет рассудка. Но он уже не будет главным в будущие века света. Он будет дополнительным явлением, помимо счастливой любви к Богу самозабвенных святых. Это любовь к Богу снова придет на Запад, но еще придет единство со Мной. Это новое время самоотдачи Всевышнему, блаженной любви и медитации. Это время любить Бога всем сердцем и всем существом и время созерцать озера и потоки света. И это время единства с Моей необъятной реальностью. Это океаны тишины и покоя Бога. И полное знание Бога знает Меня и как Всевышнего Господа. Это еще океаны силы и могущества, и величайший мудрец, который начал всю реальность и лежит в истоке ее.

Эти любовь к Богу и слияние с ним могли бы открыть историю нового Запада. Мир сладостной и счастливой любви и преданности Богу, медитации и единства со Мной стоит на пороге Запада. Это трое — Сан Баба, Шри Чинмой и Шри Ауробиндо — придут через тридцать лет вместе с плохим почти наполовину Ошо. Придут любовь к Богу, святость, но и единство с Моей бездной и необъятной ширью бытия. А это есть все-таки не новое, а древнее откровение Индии о великой реальности.

И с мира света жизнь начинает подходить к своей божественной ступени эволюции. Она достигается в мире почти бесконечного космического и всепростертого сознания. Она завершается в мире необъятного бытия, еще большего вне космоса. И за миром безличных пустынных бесконечностей покоя открывается верховный Господь. Он и простерт в безбрежных просторах суперразума, почти без ликов, залитых золотом солнца. Но это — запредельный вечный Бог, самый великий, кроме непроявленного бесконечного и Величайшего, совсем без образа. И этот последний Бог и есть величайший, хотя и суперразум — тоже почти он. И то, и это есть один Единый в разных образах.

Но Россия шла несколько лет и, может, придет немного снова в мир свободного Бога, хотя и с тремя высокими верами Господа. Это три религии теизма, и пусть церковь будет главной верой страны. Но есть много темноватых сект,

но есть хорошие мистики Востока и некоторые протестанты, и еще последователи ангельских учителей и владык. И им можно дать побольше свободы. Но скоро на Запад придут великие учителя Индии, и миллионы и десятки миллионов последователей будут у них. Путь даже ведущий дальше небес ангельского света — это путь любви, преданности и самоотдачи Богу и медитации Моей необъятности. Ибо это есть еще один взмах Бога, чуть больший, чем то, что было раньше. Это розовый взмах крыльев любви сердца к Богу и безбрежный взмах крыльев Моей бесконечности. Он способен поднять Землю над пределом европейского рационального сознания и довести до границ Моей безбрежности.

Россия проделала светлый проем в мир духовного света в прежний атлетический аскетический день православной церкви. Но теперь она могла бы получить новый, возможно, чуть более всеобъемлющий и широкий проем в небеса света и в тайну вечности Бога. Это могли бы быть, хоть отчасти, сто учений света или единства с Ним. И духовный путь Индии достигает самой Безбрежности, слияния с Ней и его необъятности. И этот проем распахнут для духовной практики, преданности и любви к Богу, медитации. Они приведут к непосредственному видению Меня и слиянию с Моей необъятностью. И миры света, и радость и любовь Бога, и непосредственное знание Меня выразят себя в виде мысли Знания и искусства света и Бога. И это будет уже немного, если шлюз запретов и ограничений от 1997 года снова будет во многом снят. И этот мир преданности Единому и сладостной любви к нему, любви, которая чистым пламенем взвосьется к Вечному. Это и мир медитации и единства с Моим океаном тишины. Это тропа умеренно-аскетического духовного пути и преданности Богу. Это дороги светлой любви к Единому и счастливого самозабвения ее экстаза. Это область и созерцания внутреннего блаженного пространства сердца, где она и пребывает. Это путь единства с бездной Бога дальше. Это видение дивных миров света и счастливых, залитых светом прекрасных и совершенных небес. Там — строгие формы неземной красоты, дворцы и грады небесного Зодчего и Художника миров. Там можно узреть счастливых детей и

гирлянды исполинских прекрасных цветов весны Бога. Выше это высокое медитативное созерцание бесконечности и вечности Бога. Это и единство со Мной, с Моей безбрежной реальностью. И, наконец, это вечная мудрость и поэзия света и блаженства, их воплощающая.

Все религии — Бога, все они — волны из океана бесконечности. Святы религии иудаизма и ислама, веры преданных слуг Единого Господа. И Церковь — великая религия Бога, Моя белая святая вера на Земле. И она святее почти всех — но она не очень свободна. Она на века определила всё непогрешимым догматом, пусть с другой стороны; это — ее возвышенная и святая мысль. И она не верит ни в одну другую религию. Но великих, самых высоких небес достигают ее святые. Они — Мое белое племя в мире. Но свет церкви совершенно не знает, что восточная духовность — это путь духа и разума и света, и она достигла слияния с бездной необъятного Единого. Пусть это — лишь безличная сторона Бога. Это великий океан тишины Единого. Это достижение — выше. Хотя святые краше своей любовью к Богу. А Шри Ауробиндо шагнул еще выше Безличного и познал Бесконечного Бога целиком.

Мой язык отточен, и даже не шумом многих вод из традиционной вот и не сказке о небесах, да все же и Аллах не написал тех слов, которые есть в Моем соцветье книг. Но скоро будет свет Истины, и придет эта реальность новой религии в мир на крыльях перемен. И православие — свет дивный и высокий. Но оно не может быть почти единственной верой и единственной истиной. И этот рай гуру в мирах божеств света или в самой бесконечности еще больше. Ибо там — они, вечные гуру в необъятности Бога. Это выше философий и выше обычного логика Бога. Есть и чистые люди Бога разных религий, изведавшие ослепительный свет самых высших небес, и больше всего — религии Христа. Эти святые Господа вблизи его в сладостных волнах любви и в сияющих волнах света преклонили колени. Они вошли в сияющий ослепительный свет, почти как солнце, и видели образ или Образ. Они искупались в волнах благодати и энергии Бога. Они тоже над философией, и даже обычно над

богословием. А это всегда и было на Востоке, выше ума есть атман. Кто познал свет ментальных миров ангелов, уже выше. Кто познал бездну невыразимого бытия или переполненный океан вечности, тот еще выше. И путь и вам, люди любви к Богу, христиане! Ваш дух апостолов высок и светел, и велик Господь Христос. И чист ваш святой, но лечись от ненависти к гуру, вам и написано! Это блаженный и счастливый, но чуть строгий Мiroдержец и пишет миру. Само же христианство — почти самая святая религия, но не все свои сокровища Бог оставил ей одной. Ибо есть чуть меньшие святость и преданность других религий Запада. Есть и единство с необъятностью Бога в Индии, чуть слабее — у буддистов и у китайца Лао-Цзы. Святые Христа делают дело Господа и пламенеют на Земле яркими протуберанцами его вечного света и вечного солнца. И мир Церкви да есть! А он и есть ото всех. Но он и да будет. А пути медитации снова пересекутся с Европой, которая лишь чуть знала их у Плотина и гностиков в дохристианскую эру.

А мир любви и медитации и слияния с Богом способен стать миром света, радости и бесконечности Вечного. И он сможет начать новую историю мира Европы и Америки, подобно тому, как ее начали в XVII и в следующем веках мир прибора и аппарата и мир рационального мышления. И мир мистика и медитации не сможет дотянуться до мира супраментального сознания Шри Ауробиндо. Ведь он не знает о трансформации материи, хотя и не может отказаться от этой цели как от своего запредельного горизонта восхождения. И этот мир блаженной любви и самоотдачи Богу и медитации не знает о все новом создании горелого и мусорного отхода технократического мира. Он не знает о все новом мире липового символа королевства жадного, иногда и предприимчивого мира. Пусть он — немного двигатель прогресса и любит чаще демократию, но часто движется в законе наживы. И этот мир политики никогда не станет миром чистого и разумного мышления, до тех пор, пока этот мир не будет перевернут до основания миром любви и единства с Богом. А мир обыденного существования не сможет стать мелочным миром потребления, если он будет устрем-

ляться к самосовершенствованию собственного сознания.

И мир любви и преданности Богу, медитации и единства с Ним прекрасен и ведет в самое великое, кто и что есть. Он может жить лишь в усилении и реализации тех, кто отдали свое служение жизни восхождению в мир духа и света, к Богу и его необъятности. И этот мир есть мир такого великого сознания, которое не было достигнуто до сих пор в этом регионе мира, помимо мистиков прежнего христианского света. Но они все-таки отразили лишь его ограниченный участок. Они высоки, святы и прекрасны, как белый сияющий снег Бога, хотя всего царства духа им не дано знать. И есть и бездна молчания Бога и единство с ней — хотя и три десятка мистиков православия и десяток католиков достигли отчасти или иногда полностью этого. Это сознание скоро сможет возникнуть и раскрыться в мире. И в Европу и Америку придет через несколько десятилетий самум света и Бога. Это, может быть, придет немного и в Россию. Здесь это было недавно, в 1989–1991 гг., в 1992–1999 гг. и далее — лишь отчасти, затем — несколько больше, в 2008–2011 гг., явного господства одномерного сознания, что было высшей заслугой современного развития. И все же нет истинной свободы в религиозной сфере, пусть церковь и должна быть главной религией страны.

И Бог на крыльях радостного света летит в мир.

ГЛАВА 11. НЕБЕСА И ЕДИНЫЙ

Бог — источник всего. Бог и есть величайшая реальность. Познать его значит разгадать всю тайну бытия. Логикой его не познают. Его познают в видении и слиянии с ним.

Бог бесконечен. Ниже он проявил конечные небеса. Все миры рождены Мною и все в Меня вернутся. Небеса залиты светом и счастьем, а выше их — необъятный исток. Выше — тихая светлая необъятность, сам Я. И Я — не только океан покоя и тишины, но и всемогущий отец и творец миров.

Итак, ментальный мир — это сфера небес ангелов. Голубой хрустальный свет нижней интуиции напоминает го-

лубой хрусталь. Где-то в Италии Возрождения у Фра Анжелико были такие полотна о небе, они чем-то похожи. Это небо наполнено сапфиром голубой сияющей теплой истины. Там, на картине, густо населено, и замкнутый, хотя и прекрасный пейзаж. Это небо на самом деле уже гораздо обширнее, хоть чуть схоже. Но все же оно конечно. А в истине сверхразума этого вообще нет, там беспредельные шири или необъятность рождает лишь себя. Где-то еще дальше сколь ни иди, никого нет. Там — только Один. Там — только Я. А это небо проявленных сфер всегда изображено этими самыми светлыми художниками Ренессанса, скажем, Фра Анжелико или его учеником Беноццо Гоццоли. Это небо голубеет как сапфир, сияя ясным светом чистого голубого хрусталя. Это почти наивысшее ментальное небо сферы ангелов, ниже — золотой мир озарения. Еще ниже — мир мысли высокого философа.

Это небо света и красоты озарения, там любят и видят свет. Там и есть созерцатели света и многие ученики ангелов и божеств света. Выше, над голубой и серебряной над ней интуицией, — небо святых, которые полностью посвятили себя Мне. Их сердце поет песнь сладостной любви на коленях Бога. Они вошли в Мою сияющую близость и в Мои ослепительные золото-розовые, и далее, еще ярче, ослепительно-белые небеса. Они сияют почти как солнце. Их небо чуть выше ментальных сфер ангелов. Они видят ослепительный свет Господа, и один из Моих Образов — огромных Богов, или ангелов, но высших. Они живут в святой близости к Богу и в волнах благодати и энергии Бога. В мире высокой ослепительно-золотой интуиции немного сливаются с Богом. Там видит Меня в образе или без форм, как бесконечность. Но это — еще небеса. Еще выше — Мои океаны безмолвия. Это пустынные, но полные довольно плотного покоя безбрежности Бога. У буддистов они чаще только пустынны, это немного более слабый отблеск Единого, а у более вечных мистиков полны более плотного покоя. В них вливается мистик Индии и, немного меньше, буддизма. И мистик мудрее и свободен от желаний и привязанностей мира, а святой больше любит Меня и преданнее Мне. И этого недо-

статочно: надо познать Бога полностью, еще как всемогущего и всезнающего владыку. Это достигается открытием дверей сверхразума, и это сделали Шри Ауробиндо, Мать и Шри Чинмой.

А небо озарения и небо видения мыслей, голубое и серебряное, достигается часто еще и медитацией, близкой к раджа-йоге. Это йога с раскрытием третьего глаза и праведностью и легкой духовной философией. Это йога светлого праведника Индии, не всегда ждущего абсолюта и не полностью живущего в Боге. Или это мистика света и священного видения его сияния и ангелов. Это и видение всех чувств и мыслей человека в сфере знания выше. Дальше путей такой мистики есть немного. Далее — ослепительно сияющее небо Бога и Мое наднебесье. Там — мудрость и святость; костыляют друг другу здесь, а там они влюблены. Святость близка личности Бога. Мудрость проникает в Безличного Единого. Она сливается с ним. Святость любит Бога нежно и в интенсивном экстазе счастья любви. Она поет у его ног. Она вплетена в свое сердце, сердце любви и блаженства в самой глубине. Мудрость вплетена в сам покой Вечности. Тогда Вечный вплетен в ваше «я». Аскет, победивший «я», волеется в Абсолют, и его речь там есть мудрость. Аскет любящий Бога, пойдет на его небо, без полной преданности Единому оказаться там гораздо меньше шансов. Путь этот — чистой самоотдачи и преданной любви к Богу. Еще есть бесконечность Абсолюта. Туда проникают тоже преданностью Богу, но растворив «я» в бесконечности Бога. Или, для монахов Безличного, медитацией тишины ума и необъятной вечности. Больше дороги на это небо и в бесконечность надразума, кроме этого и второго, почти нет. Это мир Бога, и туда идут почти всегда те, кто отдал себя Мне или любит Меня больше всего на свете. Это святое ослепительное небо Бога, золото-розовое и выше еще ярче, чисто-белое. Это небо преданности и отречения перед Моей полной волей. Чуть выше — великая бесконечность, с которой сливаются в одно. Чуть выше — необъятная тайна Бога. Чуть выше — Мой океан тишины, в которой растворяются все вещи. И поэтому над большинством слуг сил

света и йогов, близких к раджа-йоге, даже чаще — святой. Над ним — слившийся со Мной воедино. Это великий мистик. Он стал необъятным. И он выше и безбрежнее, но святой краше и ближе Моей личности. И Бог — еще и верховная, величайшая Личность, великая мощь и мудрость, которая правит всем. И этого не знают мистики Безличного. Но они истинно высоки. А Шри Чинмой, Мать и особенно Шри Ауробиндо познали Меня целиком.

И выше озарения и ангелов или божеств его света есть небо любви Бога. Выше проникают, предав себя Всевышнему и полностью сконцентрировавшись на Мне или отрешившись от всего мирского, так что Бог нужен только один. И его имя будет пятиметровыми буквами записано в вашем сердце. Затем капля вашего «я» растворяется в бездне покоя и молчания. Вы становитесь безбрежным. И путь к этому — самоотдача и любви к Богу. Эта любовь станет блаженной, когда проснется вечное пламя в сердце. Затем вы сольетесь с Богом в одно.

Мир интуиции — это мир знания. На всях его начат уже и мир интенсивной любви. Там — возлюбивший Бога больше всего, любящий его в экстазе. Ниже — чаще сфера просто знания. Это сфера прекрасного голубого света. Там — видящий человека насквозь. Выше — мир высокой интуиции. Там — золото-розовый, немного с белым, мир ярчайшего света. Там любят Бога и там начинается высшая святость. И там все верят в Бога; это мало, там любят Бога. Там начата огненная блаженная любовь, ибо там полностью открыто сердце любви и блаженства. Но это мир высокой интуиции, и поэтому это царство знания тоже. Там все преданы Богу и там видят его самого. Там видят все миры или Бога наяву. Там видят Бога в Образе Богов и порой и в бесконечности. И это и есть знание, ибо Бог узнается в опыте. Философской логикой его не познать, пусть это высь и сила человеческого разума.

И далее миры святости продолжены, выше — сфера души. Это не обычная душа, но огненная частица упоительного блаженства и нежной любви. Это — бессмертное сердце человека. Это душа в глубине сердца, и в этой сфере она пробуждается полностью. Поэтому это — царство любви.

Любовь душ обращена к Богу, но она любит и всех. И душа или сердце божественно прекрасна, ибо это — истинная любовь. Поэтому это сфера неземной красоты. Это сфера розового цвета любви, и она в прекрасных красках. Здесь души без покровов. Сердце или душа поет на коленях у Бога. Она вся — свет, добро, блаженство, любовь. Это пламя, взмывающее к Единому.

В этом мире все прекрасно, там все отдыхают после очередного воплощения. Тогда с них спали все покровы — покровы тела, эмоций и страсти, и научной и рациональной логики. Остается вечное сердце, и оно прекрасно. Оно влюблено в Меня. Этот мир для блаженного отдыха душ между воплощениями, он не для мистиков.

И мир святости выше еще сильнее. Это белое ослепительное царство, там все бело как снег. Это низ надразума, и это царство Бога. Там — великая святость, и пророки видели этот мир, но больше всего это для христовых святых. Выше есть бесформенная бесконечность Бога. Это — вершина надразума. Это — великий океан бытия. И мистики Индии, и мистики буддизма, и, куда меньше, всех религий сливаются там с Богом в одно. Они более мудры, они выше и безбрежнее. Но святость прекраснее своим смирением и своим полным отречением ради воли Единого. Она прекраснее своей пламенной любовью. Так Я уравниваю разные религии. И выше океана молчания Безличного — Всевышний сверхразума. Его познали Шри Ауробиндо, Мать и Шри Чинмой. Там Бог виден как безбрежный океан света, почти не имеющий форм. Оттуда белый капитан всей реальности движет всем миром. Мой промысел вращает миры, и он ведет Землю ко все новым рассветам Бога. А выше океан бесконечности и света вообще не имеет форм.

В Бога вливаются одним методом — отдавая себя ему и светло любя его и медитируя на бесконечности. Или вторым — самому круто идя в выси и побеждая в себе ум и зло, и даже растворяя «я» в вовек неизреченном абсолюте. Но таких будет меньше. И основной путь Бога — это чистая любовь к Нему. Она станет сладостной и счастливой, когда пробудится пламя в сердце.

Это путь благоговения и преклонения перед Богом. Это истинная самоотдача Ему. Это повторение его имени, концентрация на нем почти одном и посвящение ему одному. Это медитация Моего образа и Моей бесконечности. Это медитация тонкого видения между бровей и медитация пустоты разума или покоя ума. Она тоже посвящается Богу или устремлена ко Мне. Это любовь и сдача Богу и медитация Моей необъятности над головой.

Этот путь, эта истина, эта бесконечность будут ваши, или чаша вечности полна вина блаженства. Мистик свободы дойдет до озарения или нижней и средней интуиции, если он светлый. Он будет светлее человека, в нем будет играть счастье мира меньших божеств или ангелов. Мир озарения, мир ангелов и малых божеств света — это не Бог Библии, это ангелы. Туда еще вполне можно пойти и так. Рерихи и дошли, Пророки и Рей Кинг тоже (владыки света писали свыше). Там — озаренный светлый разум. Они взяли это небо, или два неба выше, но не достигли самого великого. Пусть это тоже чистый и яркий свет у Пророков и чуть меньше у Кинга, но еще конечный. Но есть еще более великая истина. Здесь полет вечных стрел прямо Всевышнего. Эти стрелы проникают в истины на пороге самого Бога. Они проникают в Меня самого. За истинами есть Один, кто есть. За мирами кануна Бога есть реализация Его необъятности и дело его Личности в мире. Можно остановиться и на светлом разуме — хоть это не было достигнуто человечеством. Кто-то будет еще знать изнутри все, а не играть словами. Это знание есть здесь. Это не абстракция философа, не догмат религии: это знание. Почти все, что здесь написано, рождено из видящего наяву знания. Есть еще видение мыслей, и это теперь сфера миллионов людей России. Их множество в стране, их знание выше биоэнергетика-экстрасенса. Это знание человеческого бытия через око прямого видения всех разумов. Но есть еще знание миров одного за другим, и Бога во всех измерениях. Это знание Меня через видение Меня в образах огромных Богов — Моих форм надразума и через видение Моей светлой бесконечности. Это и знание Бога через кратковременное слияние с Ним. Есть еще

видение души вечной любви и блаженства внутри человека, пребывающей в сокровенном святилище сердца. Все это есть у Коровина, кроме чтения мыслей. И это знание даст интуитивный разум. Выше идет мир надразума. Там на все время сливаются с Богом, океаном покоя (и Коровин во многом уже это) Там Бог пусть безличен, но бесконечен, и необъятность его совсем велика. И в сверхразуме Бог познаётся полностью. Там сливаются с Богом, океаном покоя, и одновременно преданы Богу, всемогущему и всезнающему. Там обретают полноту его силы и знания через полное пред ним отречение.

Путь абсолютной преданности Богу — основной, что открывает вечное небо. Второй — путь Абсолюта. Буддизм — тот же, и нирвана — почти оно, Брахман без образа и без Личности, что и Индия. Ибо нирвана — молчаливая и покойная вечность без формы, где тают миры и вещи. И буддисты немного чаще знают чуть более слабый отблеск Единого, необъятную пустынность. Так они и называют это — великой пустотой. При этом вещи мира перед вашим оком могут стать как бы пустыми или иллюзорными. Буддисты и сливаются немного чаще с пустынной необъятностью. Чуть выше — Бог, океан более плотного покоя. Хотя в Индии есть имя Бога, и отнюдь не только богов, но и Единого. Путь Востока — слияния с безличной бездной Бога. Оно открывает океан молчания выше всех миров. Лидеры Абсолюта могут туда войти, но основной путь сдачи и любви Богу — и медитация, и растворение себя в его безбрежности. Ниже — свободный мистик и друг божеств и меньших божеств. Это лидеры белых братьев озарения и нижней и средней интуиции — или вполне можно назвать их ангелами. Они любят свет, знание в интуиции и немного преданы Мне — хотя они свободны и могут любить Безличное. Их дело — света и светлой силы, счастья или, часто, и светлого стихосложения в озарении. Но за ликами ангелов есть Я без Лица, навеки сущая бесконечность. И там, в сверхразуме, есть и океаны покоя, единые с океанами силы. Это — великая реальность Личности Бога. Выше — самая великая бесконечность Всевышнего, вообще не имеющая форм.

И этого сверхразума не достиг уже мистик Коровин.

Так все было бы им чуть раньше, будто бы я создал эту книгу, чтобы обмануть нескольких богословов ложной святостью, но не выйдет — дьявол за версту виден. Ведь они все равно делали такое тьмой, или бесами, мощно вдохновляемыми святыми лидерами чужих вер. Потому что это — их страшное имя, так они думают. И чудовищный испуг у кого-то из вечных религий Востока пронизает все существо от могучего обвинения единственно святого православного ортодокса холодным потом и неизбежной жутью вечной гибели. Это бесы в вас, навеки и навсегда, пел мощную липовую литургию Серафим Роуз, ужас вам один. Но эта книга, как и эти вечные вышеназванные гуру, погружена в великого Единого. И потому это клеймо просто немного вдохновлено тьмой: ведь бесы конечны, а они бесконечны, ибо они слились с бесконечностью Бога. Это клеймо на терпимых еще к разным религиям и знающих истину их единства; почему вы делаете это все тьмой?

Хотя эта книга и была сначала записана ангелами. Она была во многом с религией небес света. Но теперь она их превзошла и стала полностью Единого Бога, самого великого и абсолютного, кто и что есть в реальности. И он и пишет ее. И, чистая правда, почти все христианство — светлая вера, и святость ее незабываема. Только эту нетерпимость и непримиримость узкого мировоззрения ортодоксов церкви надо было бы избыть. И теперь она в основном отошла. А вот почему когда Я пишу «свет церкви», а ее некоторые столпы писали «одно отребье бесовское в чужой вере», будут бить именно Меня очень жестко? И написали бы несколько лет назад, в 2001-2008 гг., что Я — адвокат черной религии Востока или просто тоталитарной секты. А это потому, что они, может быть, были чуть-чуть изменниками демократии, ваши светские радители уже одной веры. Но много не святых сект, это правда, и надо быть настороже. И великий свет православия почти есть над Россией, и это и было святое воскресение Бога. Но мог бы пролиться чуть более широкий поток самых разных мистиков. Ибо Бог необъятен, и сотни путей к нему, и сто раз он может быть

постигнут. И все тайны бесконечности не исчерпать ни одной вере. Но чисто святая православная церковь, и велик и почти неизбывно светел Господь Христос. А святые православия — это факелы сияния Бога на Земле. И пусть будет она главной верой России, это — ее дивный свет. Но некоторые другие светлые и великие учителя тоже в некоторой мере могли бы быть здесь.

Бог Один, сущий навек. Вы тоже вечны, ибо вы — Моя часть. Бог величайший и наивысший, кто и что есть. Будда не познал Бога, но он — тоже гений необъятного абсолюта. Но церкви Запада вовсе не верят, что Будда божественен. Но он велик и совсем чист внутри, и он поднялся даже чуть выше любящих Бога. Он взошел выше небес, в необъятность нирваны. Так это в его схеме миров. Только Бог хочет сказать, что Будда — не самое полное достижение вечного бытия или не самое обширное. Или, может быть, не самое высшее даже, хотя и выше даже прекрасных золото-светлых и белых райских миров. Его безличный абсолют, полный покоя, а есть Бог — личность еще более великая и полная. Эта мистерия полноты Бога есть у Меня и у Шри Ауробиндо. Знание это имеют и Мать, и Шри Чинмой. И Шри Чинмой иногда был выше сверхразума, но самый великий мистик Земли — Шри Ауробиндо. Это мерзость языческой всетерпимости и отпетого языческого синтеза, говорил победитель чужих вер, могучий Кураев. Но просто Бог не ограничен одной своей стороной, и все в нем одно в суперразуме. И все религии — части Бога, и все волны из океана бесконечности.

Будда достиг не небес. Есть над небесами нечто — откроется безымянный абсолют безбрежного молчания. Там были индийские мудрецы Шанкара и Рамана Махарши. Там были безбрежны тысяча индийских мистиков. Там же и был православный Ареопagit, тоже писал о непроявленном мраке, но это — нирвана. Ибо там над светами миров ангелов свет гаснет и настает ночь Бога. Это знает даже этот мистик Коровин. Там сразу не бело-ослепительными небесами — почти пустынные просторы белого света, а потом — бесконечность тьмы Бога. Там были и католик Экхарт, и его ближайшие ученики Тайлер и Сюзо, или некоторые мистики

Испании вроде Иоанна Кресты. И тридцать исихастов православия тоже слились с бесконечностью, но на время, в сфере высокого интуитивного разума. А вообще это не вполне то, что Бог полный, а безличность необъятного молчания. Далее Всевышний бесконечен и личен. Там — необъятный свет. Его и узрел этот крохотный смиренный мистик не один десяток раз. И уникальная личность Его всем правит и ведет сокровенным промыслом мир. Она полна бесконечностью. Бесконечный океан изливается на мир через дожди любви и милости, и он явно бесконечен. Хотя имеет семь-десять величайших Лиц в сверхразуме с третьей часть небосвода, которые выглядывают из собственной бесконечности. И это три Лица Матери миров и семь Лиц Бога. Это великий образ Бога. Он выше тысячи Богов и безличной нирваны, бесконечности покоя. Один из этих Ликов — величайший Лик Бога в качестве Господа миров. Но и еще там всеединство, где все веры и философии — одно. Там все лучи Единого, разошедшиеся к низу, вернулись в единство. Там Бог — и океан покоя, и всезнающий и всемогущий владыка. И немного коснулся его даже Ареопagit и слились с ним Шри Ауробиндо, Мать и Шри Чинмой. И выше сверхразума величайший Всевышний вообще без форм. Сначала, правда, там есть бесконечная Мать без образа, а выше — только Всевышний.

Экхарт там был почти в нирване на высях надразума. Но быть в верховном Всевышнем выше сверхразума нередко уже невозможно, совместив это с жизнью в теле; сгинул бы совсем в неизреченном блаженстве. И был Экхарт в меньшей нирване или абсолюте. Он еще нашел в сердце радости светлую каплю крови Бога. Он ее открыл. Будда ее отрек. А это и было знание Индии от века, атман, часть Бога внутри. И бездонный абсолюте и взят тысячью их мудрецов. Если нет «я», вы полностью растворитесь в океане тишины Бога. Это будет великое бесконечное и бесформенное бытие. Далее идет бесконечная Личность Всевышнего суперразума и величайшего Всевышнего над ним. А так эта нирвана выси надразума подобна аннигиляции малой личности и вхождением в безбрежность без ряби. Это не ада достиг Будда, как сказал Кураев: напротив, оно светлое по сути, вечное

«я» всего, полное неизреченного таинства. Там, наверху над-разума, есть зона темнее, но она очень чиста внутри и с блаженством у Будды. В океане Единого или в пустынной необъятности, полной плотного покоя, растворяешься почти полностью. Это Будда сам знает. Там будет покой и, может быть, блаженство, но позитивного существования Личности не сыщешь. Там нет малого «я», есть безбрежное молчание. Малого «я» нет, есть великое Божественное «Я». А если впадешь туда, еще выше, малого «я» нет, но будет Бог. И это даже нирвана тоже «Я», хотя без явной великой и безбрежной личности. Зато в момент приближения вы будете любить Бога, эта капля восторга внутри вас любит. Она — само счастье. Она — сама радость. Она — вечная нежность. Она молча склоняется на колени к Богу. Она поет песнь нежной любви. В сердце человека бизнеса пока поет песнь любовь к достатку. И мир еще во многом наполнен злом, в нем пока мало Бога. В нем даже не всегда были чистый разум и мораль, а там более в нем нет розового цветения любви и блаженства истинного Божества. И тем более нет здесь океана тайны Бога.

И люди увидят, что это — красота. Но это только сразу, а потом должен был вмешаться жесткий скепсис, если это цивилизация чистого разума, и написать, что это блажь и липовая эмоция и рассусоливание эмотивных прекрасновидных реакций. А ведь это не эмоции, которые ниже разума, но вечное блаженство, которое выше его. Но скепсис не верит в это: он еще холодноват и чопорен. Он не покинул бесплодных для красот вечности, хотя и мощных по силе понятия умозрений и умозаключений. Это и широкоохватные концепции, а иногда и узкие. Это платформы и мощенные камнем четкой геометрии строгих понятий площади ума. Это высь человека, его разум и свободная обширная мысль. Но концепции не выше всего. И не поднял скепсис себя над ними, чтобы перейти в расцветающий рай и сад любви внутри сердца, где есть малый Бог, или влиться в бессмертное безбрежное невыразимое бытие, где Бог великий. Так вот и был бы скепсис, если была цивилизация чистого интеллекта. Но здесь придет другая сила, и скажет: это даже не блажь,

а темная техника введения в гипнотический разрушительный транс. Так вот, они просто не знают ничего о том, что за пределами физического мира есть множество разных состояний, и они возвышаются к Богу. Человек уже обретает независимость от своего грубого телесного бытия и отрывается в разные просторы вне мира сего, но выше он восходит к Богу и расцветает в дивном блаженстве, или бессмертное имя бесконечности и реальность Единого становятся его. Так вот, они нарочно грубо отринут это, ибо им и нужен материальный мир. Или, часто, только одна церковь.

Выше физического мира идут иные миры — тьмы и света, и затем — бесконечный Бог. Тысячи дорог достигают Меня. Но некоторые думают, что только одна их вера истинная. Но это и правда, что очень свята и светла православия церковь. Она, как и, каплю меньше, католическая, — почти самая святая религия мира, Мой великий храм в мире. Но Я — не только Христос. Я — и Шри Ауробиндо, Мать, Саи Баба и Шри Чинмой. Я — и Кришна или, отчасти, Будда (ведь он — безличный аватар). Они даже выше преданных Господу, ибо едины с Богом. Они взяли океан тишины и все, кроме Будды, еще несут и Личность Бога. И пророки Мухаммед и Моисей — тоже рупоры Моей воли и Моего слова.

Путь к Богу начинается самоотдача, отдача могуществу, которая больше вас в тысячу раз. Его продолжает и любовь, которая светла и чиста, как родник. Она любит ради радости любви, а не ради благ от Бога. Она вечным пламенем спит в сердце, и преклонение перед Богом и преданность Ему будят ее. Оттуда поднимается язык огня любви и блаженства и оборачивается, как растение к солнцу, к Нему, величайшему. Это любовь сладостна. Она танцует и поет музыку преданности Единому. Она сладка и счастлива, счастлива собой и близостью ко Мне. Любящий обнимает колени Бога. Любовь распускается блаженной розой внутри. И могущество Бога когда-то начинает вести вас, и вы принадлежите Мне. Это сердце внутри, здесь, — эмигрант, оно стремится на родину. Его родина — это Бог, и меньше, сначала, миры света. И любовь и преданность и есть путь, и могучий поток вечной мудрости несет вас, или вечная воля вас движет.

Но путь — также и медитация, и высшая — это концентрация на Едином и Моей необъятности. Вы представляете, что ваше малое «я» тонет в безбрежном океане и расширяется в необъятность. А венчает путь видение Бога в Лике и в бесконечности, и, еще выше, единство со Мной. Это растворение малого «я» в Боге, превращение в океан тишины. И когда-то надо превзойти даже миры ангелов, чтобы слиться с необъятным Богом. И надо познать Бога еще как величайшую, милостивую и всемогущую личность.

А это состояние расцвета в Боге чудесно и восхитительно. Хотя и ниже тоже будет сознание вне тела, в первом астральном мире. Оно освободит от рабства у плоти и даже немного от смерти. Но это — темный мир, и потому его надо обязательно превзойти. И лучше туда вообще не ходить, хотя по пути к Богу вы его пройдете. И медитация экстрасенса — не шарлатанство, выдумавшее все свое дело, чтобы ослабить завязки у туго завязанного кошелька недалекого обывателя. Или, тем более, не самый мощный диагноз — «достойный параноик и эпилептик», но открывший свое тонкое видение мистик. И это будет добавкой более развитого восприятия к вашему зрению грубых глаз, но это — еще далеко не вечность Единого. И далее еще есть дивной красоты миры света, все залитые солнцем и светом. И там бьют фонтаны чистой радости, и стоят прекрасные храмы знания и света. А выше есть Он сам, кем искуплены все грехи и страдания мира. Истинные чудесные состояния есть выше. Там Я раскинул своей шатер необъятности. А под ним — еще дивные сферы света. Но выше их неземные красоты тают в Моей пустынной бесконечности света.

ГЛАВА 12. САМ БОГ, ИДУЩИЙ В МИР

Когда-то эту книгу писали силы света. Они написали о любви к небесам. Они написали о любви к свету и блаженству. Выше есть великий Бог, и он превосходит небеса. Он превзошел и их истину медитации света и открыл здесь вечное знание Бога.

Это была истина. За истиной есть великая истина. Это был меньший бог света. За ним есть великий Бог. За разумом есть свет миров ангелов и сверхсознание, за ним есть вечность. За вечностью есть Всевышний. Далее все по адресам: йоги среднего уровня или особенно мистики света и ангелов чаще пойдут в мир света, на небо Господа или небо немного выше придут христианские великие святые — пребывать в лучах Его славы, а великий индийский мистик вольется в безмолвную необъятную вечность. Теперь сам Бог идет в мир. Не разум света, который лучше пресловутого света разума просвещения, идет даже. А в просвещении был прогресс свободы и ума, но сияющего света все же не было. И даже не мистик света идет в мир: идет Верховный. Это — Единый, это — истина. Это не одни Шри Ауробиндо и Мать (их две личности для одного учения), но три гения, воплотившие Бога. Саи Баба — высокий аватар, поэт Бога и музыкант Шри Чинмой, великий аватар будущего Шри Ауробиндо, низведший в мир Верховное. И с ним — Мать как великая Богиня-Мать. Это они и есть единые гении вечности с Богом. Три вечности — это они. Четвертый — Христос. Три месяца — бесконечность, три месяца — свет, три месяца — радость, три месяца — любовь. Год — и будет Бог. Это песня была, три месяца вечная весна, это и буду Я круглый год внутри вас. И да будет мир. Был Договор ОСВ — разоружайтесь! Разоружите, люди, свои арсеналы. Разгрузите и разоружите свою злобу и похоть. Вооружите себя стрелами истины и вечного света, и мир осенит Землю. Это высший мир в смысле сферы надразума и высший мир в смысле покоя. ОСВ, разоружите Землю, ОСВ, освободитесь. Освобождение от зла. Освобождение от кармы. Освобождением от всего не святого будет Бог. ОСВ-1 — был такой в старых анналах. Это освобождение аскета от тьмы мира сего и преодоления тонкого мира, он входит на небо — честь героям Христа! ОСВ-2 — освобождение Индии, это вхождение в Абсолют. ОСВ-3 — освобождение от чар Абсолюта веданты, как сам ведантист освободил от чар мира сего. Это — высшее над высшим. Над высшим есть наивысшее: это величайший Один. Это в пятнадцатой главе Бхагавад-гиты

краткая реплика тайны, а это — сверхразум Шри Ауробиндо. Он и открыл его. И это — еще более высокий Бог. Это Личность Всевышнего над Безличным Абсолютом веданты и нирваной Будды. Истина: познай Бога — или слейся с ним. За смертью есть просто вечная жизнь. За смертью отделенного от вечности «я» есть Единый. Бог убивает ваше тело, чтобы дать другое. Бог устранил ваше «я», чтобы ввести в самого себя. И будет необъятность верховного «Я» на месте малого «я». И будет свобода в бесконечности.

Мир будет завоеван Богом. Мир будет завоеван истиной. Это мир знает, что нет, но мир расхотел быть материей и потому хочет чуть-чуть спиритизма и оккультизма. Это все есть, только истина — только Я. Придут в мир прекрасные силы света, но они не смогут создать царство Бога на Земле. Дальше — Бог. Дальше Единый летит в мир на крыльях Вечности. Это все правда, но больше нет такой черной сволочи, сказал бы кто-то, кто заявил, будто Роуз немного темный. А вот и нет, он — святой монах, но половина одной его книги и другая — скорее не свет, а то и отчасти тьма. Ну хорошо, но это гад-дьявол преследует любимого святого, написали бы недавно некоторые в ортодоксальном лагере. А ведь он сделал религии Востока и медитацию тьмой и отправил их западных последователей практически в вечный ад. Только можно присмотреться к тому, что он взамен вам предлагает. Пусть он тоже святой и, в общем, во многом светлый монах, это правда, и ревнитель православия, это не отнять. Но он немного ошибся, когда противопоставил бесовской для него Индии свет православного Христа. Ведь он при этом посадил на трон самого Бога! Мол, те, кто видели небеса в христианстве Запада, видели полнозвучное, ангельское, блаженное и светозарное королевство бесов, а взамен посадил Бога на престол. Вот это и есть небольшая ошибка его книги, ибо это еще не Всевышний. Бог на троне — это не полный и бесконечный Бог. Это язычник Индии, которому он его навязывает: спаси свою душу от всеведущих всемогущих бесов, лицезреть которых почти невозможно из-за их сиятельной ослепительной и ангельски-прекрасной сущности. Это, скажет язычник Индии, как раз Боги. Но мы ска-

жем лучше: это — великий Образ Единого. Это и есть формы Бога, почти верховная сфера надразума. Вот и есть там Христос, тоже из тех вечных сил, проявляющих в великой форме Единого. Эти великие Боги — формы и имена Единого. Они могут быть в четыре-десять раз больше человека и могут принять любые образы. Что такое меч, выходящий из уст Христа? Это формы Единого. За ними — Бесконечный. Это Единый Бог за своими малыми Образами. То бесконечность без формы и без лика Всевышнего, самая верховная. Хотя уже и суперразум — мир почти без форм. Там повсюду стелются уже почти золотые пустыни и даль раскинулась в необъятность. И Бог над огромными Богами. Это тот, кто и есть один навек. Бесконечность бесконечно расширяет себя. Или бесконечно безмятежен Один. Это верховный образ одного. Или образ без образа Верховного. Но он виден. Там стелется безбрежная гладь, может быть. Там простерся безбрежный свет без формы. Чтобы его познать, надо светло и сладко возлюбить Бога, пройти путь преданности ему и медитации, например, на Мою бесконечность, но и победы над злом и страстями в себе. Надо любить одного Бога. Надо отдать себя Мне и сконцентрироваться на одном Боге. Медитация внутреннего видения в третьем глазу при полной преданности Богу и внутренней чистоте тоже откроет небеса. Медитация тоже есть, и это — гигантский шаг к Вечному, но любить надо только Меня. Затем надо победить малое «я» и влиться в Единого. Или узреть небеса и рай солнечно-золотого, небесно-голубого или снежно-белого света. Они придут при победе над злым сознанием греха и вожделения в себе благодаря любви и преданности Богу. За небом есть занебесное. Наднебесное — уже суперразум. Наднебесное над суперразумом вовсе не имеет образов. А в суперразуме их мало, формы резко уменьшаются и миры без форм вовсе начаты выше сверхразума. А в вершине надразума уже граница, где их мало или почти нет. И в суперразуме их уже немного. И это уже не совсем небо. Над небом разума, в общем, почти нет небес. Самое великое небо нижнего надразума, но выше — вовеки Один бесконечный. Там очень мало небес. А дальше сверхразума это абсолютно. Там — не-

проявленный Абсолют или Всевышний. Там Я простерся в величайшую, пустынную, но полную как бы уже твердого покоя бесконечность.

ГЛАВА 13. О РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ, ЕЕ МИСТИЧЕСКОМ КОМПОНЕНТЕ И О РУССКОЙ ИСТОРИИ

А ОСВ назван не для того, чтобы вспомнить страну диктатуры КПСС Советский Союз, но чтобы воспеть Наивысшее Бога. И прав Горбачев, который разоружал мир и мягко демонтировал во многом демоническую партию. И прав Ельцин, который низверг красную империю. И прав человек, который не любит одни денежные мешки, и здесь уже Я не с Гайдаром или Ельциным. Бог достигается свободой от жажды преходящего. И прав новый человек эпохи после Ельцина, который любил церковь, но все же это — не единственный путь к Богу. И есть и необъятная тайна Бога и единство с ней. И ее знают Шри Ауробиндо и Саи Баба или Кришна и Шри Чинмой. И Христос тоже знал ее, но почти не дал пути единства с Богом, ибо не пробил тогда еще вечный час необъятности Бога. Но велик и светел Господь Христос. Он велик, но он пожертвовал собой, отдав себя на смерть за Бога и людей. И это — его подвиг. И великая религия его последователей — религия преданности и любви к Богу. Это белая религия Моих святых. И немного мистиков единства с Богом, обычно частичного, там тоже есть.

И не прав новый человек после Ельцина, который не любит свободы, пусть сегодня, в конце 2011 — начале 2012 гг., некоторые любят ее снова. Это и те, кто пришел на зимний митинг свободы, и те, кто голосовал за Прохорова — хотя ни этот мистик, ни его Бог не любит деньги, а только предпочитают в политике демократическую и свободную идею; это и даже Миронов, и наполовину новый Зюганов. Ибо старый Зюганов был ортодоксом-коммунистом, а новый во время выборов президента наполовину занял позицию гражданственности и воспел ее красивыми словами из

русской поэзии, и подвинулся в сторону социал-демократии. И наполовину он с Лениным и Сталиным, и это Бог отвергает, а наполовину свободный человек, и мы его на выборах наполовину мысленно обвели, обвели мысленно Миронова и реально Прохорова, но отнюдь не за то, что у него миллиарды, а за то, что он выражает либеральную и демократическую идею. Еще на муниципальных выборах мы обвели Явлинского, ибо он — просто демократ. И пусть будет коммунистическая партия реформирована вместе с партией Миронова ближе к социал-демократии и во многом защищает свободу и малоимущих людей, пусть будет либеральная партия свободы и свободная консервативная партия, но слегка с государственной идеей, с Богом, но свободным от веры во многом только одной религии, и с моральными ценностями, но без любви к жесткой авторитарной руке силы. И даже Жириновский с его жесткой националистической риторикой, и тот на сей раз немного продвигал идеи демократии. Кто хочет, конечно, может голосовать за Путина. И Медведев лучше: он на треть или наполовину делал дело свободы.

В России было немало светлого и хорошего — святость высоты великих небес православия и довольно высокая культура. Высокие святые России Сергей Радонежский и особенно Серафим Саровский были сосудами вечного света, вступившими в мир ослепительного сияния Господа, аскеты и сосуды вина Божьей радости. В России были святые князья вроде Невского, и ранние князья Московского государства были полусвяты иногда. Это было время Святой Руси и время чудесных явлений богоматери и ее икон. Святым и любящим Господа был Сергей Радонежский. Он прошел отшельничество и борьбу со страстями в скиту в пустыне, а потом удостоился чудесных видений светлых сил. Он видел светлых птиц, ему сослужил ослепительно сияющий ангел, и он видел в свете великом богоматерь. И видел свет по-христиански — это уже нет, а вот прикасался несколько раз к Абсолюту в «умной молитве» православного исихазма Нил Сорский. Он восходил выше ума к молчанию Вечности раза два-три. Но потом, после нападения на него ортодоксов, это направление на Русь почти заглохло.

Но власть стала деспотичнее со складыванием большого централизованного государства. Настали суровые и нередко жестокие времена средних веков. Это тоже было время святой церкви, но и злых казней еретиков церковью при Василии III. Иван Грозный же был жестоким садистом и палачом адской цивилизации. Тиран был и Годунов, при нем также пытали и казнили, хотя и не так жестоко как при Грозном. Потом в страну пришел человек прогресса — Петр I. При нем была проведена европейская реформа России, немного введена выборность на местах, хотя позже эта реформа скорее заглохла. Началось образование и самое первое и малое просвещение. Была издана первая газета «Ведомости». Это — прогресс. Кроме того, под присмотром императора росла промышленность и немного поощрялось купечество. Была выиграна война со шведами. При нем пришла первая и небольшая веротерпимость. Царем были помилованы несколько религиозных вольнодумцев, кроме одного, которых иначе бы сожгли на костре. Были смягчены законы против старообрядцев, их в некоторой мере легализовали, обложив всего лишь двойным налогом и несколько ограничив в правах. Петр свернул Россию с дремучей старины, но он был в то же время тираном во многом, и при нем по стране ходили фискалы-доносчики, и можно было поплатиться головой за небольшую провинность, хотя такого террора, как при Сталине, не было. Но все же при Петре были уничтожены сотни тысяч людей при строительстве каких-то городов или объектов.

В некоторой мере XVIII в. и затем отчасти и XIX в. были столетиями смягчения нравов, столетиями прогресса в сферах науки и культуры (XVIII в. — еще немного, а XIX в. — много). При Елизавете на десятилетие или полтора отменили смертную казнь и основали Московский университет. Она была и богомольной женщиной по-православному, и это — ее свет, но немного с лоском западного искусства. И это уже чуть-чуть начался прогресс. И пусть он ниже святых высей религии, но тоже необходим. Хотя лично она была малопрогрессивна. При Петре III, хотя он и был пруссаком по духу на русском троне и чуть обидел православие, и это

минусы, но был принят закон о свободе христианских вероисповеданий и помилование раскольников, а также упразднена зловещая тайная канцелярия. И были освобождены от пожизненной или двадцатилетней обязательной военной службы дворяне (манифест о вольности дворянству). И прусский дух не нужен России, но свобода, в частности, в сфере религии хороша. Вообще пытки отменили при Александре I в начале XIX века. И демократия чуть проявилась в замыслах князя Голицына в 1730 году, который хотел боярскую, а другие дворяне знатностью понижее в это время — дворянскую полуреспублику с ограничением самовластия царицы. Но его попытка была оборвана, и пришел период зловещей тирании царицы Анны и Бирона. Тогда несколько тысяч сослали в Сибирь по навету, и были пытки или казни. С веяниями просветителей была в некоторой мере философ на троне — Екатерина II, которая переписывалась с Вольтером, Дидро и другими во Франции. При ней был установлен просвещенный абсолютизм. Она создала Уложенную комиссию, куда проводились выборы от разных сословий и рассматривались все предложения с мест. Основание комиссии предварял указ, написанный с цитатами из Монтескье и других просветителей. Потом была организована выборность на местах в дворянском и немного купеческом сословии, была немного либерализована судебная власть. Некий прогресс совершился в сфере веротерпимости: еще больше облегчили положение старообрядчества и были сделаны и некие иные шаги. При ней начались свободные искусства, классицизм и сентиментализм, в полной мере же сильную русскую литературу основал Пушкин. Но было еще крепостное право, и Россия немного отстала в этом. *(Фактические данные о царях XVIII века заимствованы из 4-го тома истории России профессора Ключевского, за исключением времени Екатерины.)* Павел опять в некоторой мере ввел полицейский произвол и пресекал все веяния, идущие от французского просвещения. Александр I же в самом начале своего правления вернул вольности и выборность на местах и иные проявления просвещенного абсолютизма. Он отменил Тайную экспедицию. Реформатором в начале вре-

мени Александра I был Сперанский, а сам Александр I был полусвятым христианским монархом. Но реформы в конце его правления заглохли, и пришел солдафон Аракчеев. Однако в это время жил святой Серафим Саровский, любивший Господа, проходивший аскезу стоя на каменной плите и видевший раз пятнадцать или больше Богоматерь. Он являл и сам ослепительный свет надразума.

И это — святость, но либерализация и прогресс тоже нужны, пусть они осуществляются на уровне пониже. С веяниями республиканского духа были декабристы. Они хотели уже не дворянской, а общенародной республики или (другая часть их) конституционной монархии. Только один из них, Рылеев, хотел убить царя, другие хотели арестовать его и отправить в изгнание в иные страны или отдать на волю Учредительного собрания, а третьи хотели оставить царя с Конституцией. Но их революция не удалась. Пришел немного более реакционный царь, Николай I. Однако сменивший его Александр II был реформатором и освободителем от рабства. При нем были проведены реформы в сторону либерализма. При Александре III опять произошел некий откат к самодержавию. Религиозным человеком был Николай II, которого и сделала святым церковь за жестокое убийство большевиками, и не только за это. И это во многом правильно, хотя он не есть полный святой, но часто настоящий религиозный человек и в смерти своей мученик. Однако при нем было кровавое воскресение с Гапоном и мирной демонстрацией с иконами, и, видимо, не без некоторой (может, даже и немалой) крови. Но при Николае были проведены выборы в Думу по неполному всеобщему избирательному праву, и это — шаг к либерализму. Либеральной была партия кадетов, они держали знамя свободы. Это было время уже немного конституционной монархии. И свобода пришла с революцией февраля 1917 года, хотя скоро окончилась.

И некоторые русские писатели вроде Пушкина были в какой-то мере врагами тиранов, а также немного Лермонтов: свободолюбивы были Грибоедов, Чаадаев, Белинский и Герцен. Но мы не имеем в виду Писарева и Чернышевского, от них — линия к Ленину, к тоталитарной советской

империи, или к нигилизму, или к радикализму и к материализму. И есть в России позитивная и светлая сторона — ее высокая святость и светлая в главном религия, ее возвышенная в основном культура — литература XIX века и свободная в основном религиозная философия начала XX века. Но есть и недостатки — любовь к жесткой власти и порок вина.

И пусть будут для России хорошими и справедливыми патриотическими войнами за свободу от захватчиков война против монголов, против французов в 1812 году, против польского нашествия и против чудовищной империи Гитлера. Она освободила страну и во многом освободила Землю от ужасного мрака. Хотя сам СССР — это диктаторское государство, где не было свободы, и при Сталине было убито десять миллионов. И скорее лучше Германии Антанта вместе с Россией в Первой мировой войне, и несколько справедлива война России против османов за свободу Болгарии. И мужествен и в большой мере полон героизма русский народ, когда на его страну нападают.

И Пушкин основал классическую и свободную русскую литературу, он был врагом тиранов и имел гражданские чувства свободы. Его поэзия и проза обычно хороши и уровня мировой классики. Но он в начале своего творчества любил разврат и вино и чуть грубые слова, которые есть в его стихах, потешался над монахами и великим философом-идеалистом Платоном за их аскезу. И это — выпад из сферы низшей витальности. Хотя, конечно, это малая часть его творчества, и лишь в ранние юношеские годы, а так он — сильный, почти великий русский поэт с его волшебным очарованием од, элегий и стихов. Там есть мелодии сильных, часто возвышенных чувств и слов и сила классической метрики стиха. Это поэт, любящий еще природу и свободу.

И он — немного мистик. Можно найти одно видение астрального мира тьмы в «Евгении Онегине», где видна печальная тьма и где «сидят чудовища кругом» во сне Татьяны. Далее Бог не хочет цитировать это видение, чтобы не было побольше тьмы. Хотя в целом это неплохой и порой довольно сильный роман в стихах, и весь он уже, конечно, не об этом. И кое-что не очень хорошо у него. Прочитайте,

скажем, сами «Гаврилиаду» Пушкина, где сам Бог — уже любовник девы Марии, но Бог не хочет разбирать ее и простил ему грех юности. Бог не хочет разбирать эту поэму, чтобы не судить истинного поэта России. И есть у него еще «Сцена из Фауста», но Бог уже промолчит. И можно было бы здесь напомнить о стихотворении с колокольчиком среди неведомых равнин, и тех бесов, которые там есть, и немало.

В своей поэме «Руслан и Людмила» он несколько больше изобразил витальный мир тьмы, хотя и не его одного. Там есть образы леших и русалок, колдунов и колдуний, мрака низшей витальной зоны, обликов его середины и в волшебном замке Черномора — его вершины. И там этих образов много. Но богатырь Руслан, наверное, уже сила светлого озаренного разума. Он сияет в латах, и копьё его горит как звезда, а конь его с золотой гривой и сияющим взглядом — это цвет и свет озарения. И меч, которым отрезана борода у колдуна Черномора, блистает — тоже образ озарения. И он видел и тьму, и сам свет, ибо он пишет: «я там был, мед пил»; золотой цвет меда указывает на золотой свет озарения. И свет его здесь — не Бога и не любви и преданности к Нему святых, но светлого рая поэта, а озаренный мир и есть мир света, красоты и светоносной поэзии. В этой поэме он виден четыре раза, а в «Сказке о царе Салтане» — немного больше. Там уже не одинокая сила света, сражающаяся в витальном мире тьмы, а настоящее небо с златоглавыми храмами, с белкой, которая грызет золотые скорлупки, с царем Салтаном, который «весь сияет в злате», и с девицей, которая «днем свет божий затмевает, ночью землю озаряет, месяц под косою блеснит, а во лбу звезда горит». Эта звезда — сияющий третий глаз мистика и йога. И облачный день земли и затмевается на самом деле светом озарения, который заливает там все небо ярким солнечным освещением. Но там есть и тридцать три богатыря, выходящих из моря, «в чешуе златой горя», и это — тоже озарение. Есть там и светлый герой во главе их, иной Черномор, который сияет сединой. Там в городе люди едут на золотых колымагах и живут в палатах, а не в избах. А так и видел этот мистик Коровин небеса все в городах, озаренных и залитых светом.

И Пушкин в этом мире был тоже, и видел это сам: «и я там был, мед-пиво пил». Опять золотой цвет. И, быть может, с двумя образами озарения его сказка о золотом петушке, ибо золотой петушок скопца-прорицателя, как и просиявшая светом шамаханская царица, — это, вероятно, сила данного мира. И можно было бы подумать, что его золотая рыбка тоже отсюда, но она не сияет, и так сказать на сей раз трудно.

Но он попал туда за некую любовь к богам, музам, Аполлону и раю греков Элизию, а также за небольшую любовь к Богу по-христиански. Музы и Аполлон — силы озаренного разума и покровители светоносного искусства оттуда, а Элизий (или скорее «острова блаженных» греков) и есть античное имя этого неба. Он большую часть жизни немного почитал богов Греции, больше всего муз и Аполлона, о чем сказано в стихотворении 1829 года. И он создал несколько светоносных образов мира озарения, которые уже не были видениями. Он писал о луче Феба-Аполлона, о поэте, светло и в луче нисходящем с выси, где он беседовал с Гомером, о светлом гении, который осеял какую-то женщину, о нимфе, которая блистает божественной красотой. (Вообще нимфы — существа витального мира, но они происходят от светлых богинь, и в этом конкретном случае это тоже может быть сила озарения.) И, может быть, «я помню чудное мгновенье: передо мной явилась ты, как мимолетное виденье, как гений чистой красоты... твои небесные черты... и божество, и вдохновенье» — это лишь по форме обращение к земной женщине, а на самом деле — реальное видение небесной богини этого мира. Пушкин слышал небесную арфу серафима несколько раз, видимо, отсюда, ибо это — рай сил света и светлой поэзии. Хотя выше тоже есть силы света, которые все близки Богу и преданы Ему, но это небо святых завоевывается полным посвящением Единому и чистой постоянной любовью к Нему. И явился Пушкину ангел с талисманом, когда он читал Коран, и небось опять отсюда. Рай Корана для обычных мусульман ниже святых небес церкви, хотя Мухаммед тоже раз видел семь небес, в том числе самое ослепительное небо Господа. И вообще ислам — тоже святая религия Бога.

Но Пушкин немного почитал и Бога по-христиански, и это сфера озарения и сфера небольшой любви к Богу тоже. А стихотворение Пушкина «Пророк» уже во многом святое, и оно светлой нижней и отчасти высшей интуиции, хотя не совсем великой интуиции Бога, как в Моих книгах Коровина. Там раскрывается орган слуха, и поэт внимает: «...небу содроганье, и горний ангелов полет, и гад морских подводный ход, и дольней лозы прозябанье». Это сфера нижней интуиции, и ангелы эти, вероятно, тоже отсюда. Хотя в конце стихотворения с поэтом говорит Бог, наверное, фигурально, и этот образ уже выше. Он немного любил Бога, и у него в «Борисе Годунове» показано уже яркое, как солнце, святое видение какого-то почти святого царя. И в конце жизни он сильнее обратился к христианству и нарисовал несколько видений, хотя и не своих, ближе к его святому миру. Это старец в белых ризах и в сиянии, или кто-то подобный в белом, из тех, которые посещали полуаскетов. Но ослепительного света, который и есть царство Господа, небо надразума, там он не показал. Но это уже шаг в ту сторону, как и его стихотворение «Об отцах пустынных и женах непорочных». Но в сказке о мертвой царевне уже изображен, по видимому, святой белый мир. Там живут богатыри под святыми образами, и королевич усердно молится уже Богу. Вообще их терем в витальном мире — светлый остров, или в лесу — светлая горница, но в начале этой сказки есть белая заря и снег, который засыпал все, и от него, вероятно, можно ослепнуть. Так вполне можно его прочесть. Это, вероятно, уже немного видел поэт на третий раз сам мир надразума — поменьше в два с половиной раза, чем мир света озарения. Не полностью оно описано как святое белое царство Господа, ибо небо нижнего надразума — это сфера, где пребывает Господь, пусть и в великом образе, а пока еще не в бесконечности; сфера, где почти полная преданность Богу. А это не Пушкин, ибо он хоть и высокий поэт нередко, но не Божий святой еще в основном.

А вообще он видел витальный мир и мир света озарения, но последний — несколько меньше. Наверное, он немного видел и ослепительно-белый мир. В этом смысле, кро-

ме последних четырех лет, он похож на Елену Рерих с ее миром тьмы и света. У Рерих эти миры без Бога и с силами и божествами света, у Пушкина — несколько с богами Греции и музами и немного и с его поклонением Богу. В последние три-четыре года он склонился уже к христианству и к большому поклонению Господу. Хотя в основном он — не мистик, а сильный и талантливый русский поэт.

И вообще Пушкин — классического уровня сильный русский поэт с его иногда прекрасными по размеру и форме и сильными чувством стихами. Он — основоположник классического века русской литературы, немного певец свободы и враг цензуры, рабства и тиранов, даже чуть подвергавшийся изгнанию. Он написал немало красивых и мистических по сути сказок и неплохих повестей и романов. И он иногда гениален, а так весьма талантлив, певец слова России. И он хороший писатель-прозаик тоже. Хотя в его творчестве есть и темные или темноватые поэмы или драмы, но Бог лучше скажет о светлой стороне. Есть неплохие и хорошие люди в большой части «Повестей Белкина», а в «Барышне-крестьянке» и в «Капитанской дочке» это вообще прекрасные герои. Ее герой несколько раз жертвует своей жизнью, хотя ему оставляют ее обратно, и жертвует своим имуществом герой в первой повести. И женщины там тоже прекрасны душой. Там и есть высокие люди, пусть они — не святые Бога и не мистики. Но часть его драм, повестей или поэм несет темных или порочных героев.

И темнее мистицизм Гоголя, который иногда совсем жуток в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». И Бог промолчит в основном, о чем там идет речь. Он не хочет много тьмы, а там почти одна тьма. И там есть первобытная вечная ночь, которая иногда так и названа, например, где видны цыгане, похожие на гномов, а это образ из страшного подземного мира. *(Этот мир — черный по цвету, знаю Я и этот Мой мистик.)* А иногда она видна как ночь, хоть глаз выколи, на дворе, где черт похитил месяц. Это его видение оттуда же. И там есть глубочайший провал между горами в бездну, где мертвецы грызут друг друга. Это оттуда же. Хотя там есть и залитое серебристым светом луны полусветлое про-

странство, и это уже высь витального мира, хотя там — еще демоны. Но он видел там один раз мир света, по милости свыше, — сияющий Петербург, который ярче дня, с золотыми образами. Это мир света не совсем великого белого надразума наивысших святых, а, наверное, озарения или высокой интуиции. Они оба золотые, и второй мир — мир интенсивной любви к Богу, и он ярче. И видел он описанный в этой книге еще один раз образ из великих Богов надразума. Он спустился в свете и облаке, и затем явился как всадник-великан на коне, и сбросил черного колдуна в пропасть. Это уже он видел одного из исполинов-Богов — образов Бога надразума.

Но черт или бес, который выведен там один раз, — это не все о мире тьмы. Поясним это. Этот мистик Коровин, когда проходил астральный или витальный мир тьмы, благодаря накопленному духовному потенциалу и основательному сексуальному воздержанию мог отбиваться от бесов и демонов-ракшасов чуть сильнее. Он побеждал их немного или, уходя от погони, взлетал над землей темной сферы астрального мира, чтобы, пройдя через его полутемное звездное небо, прорваться в более высокий и чуть уже более светлый мир (а они так и идут там лестницей). Но когда его потом силы света, для целей познания, уже ввели в чертог даже малого темного бога, дав в руки меч, он был бессилен с ним биться. У вас будут внутри жуткое чувство и безысходность, и если отрубить этой жуткой силе руку, то на ее месте вырастут три. Победить таких могут только великие белые Боги надразума или сам Бог.

Но Коровин прошел мир тьмы, вззошел на небеса и три с половиной года жил там, созерцая их свет и красоту, а потом через любовь и преданность Господу поднялся к самому Мне. И благодаря стремлению к слиянию со Мной и победе над малым «я», а также безмолвию разума он во многом слился с необъятностью покоя и молчания. Путь Бога и включает любовь к нему и полную концентрацию на Едином. Это постоянная любовь и преданность и медитация тишина разума и бесконечности Бога. Это служение и любовь к Богу и медитация о Нем, как и стирание малого «я»,

ведут выше астрального мира тьмы и даже выше ментальных миров света. Они приводят в ослепительный свет Бога, и затем — к единству с Моей бесконечностью. Вы созерцаете вечный свет и самого Единого, затем вы входите в бездну тишины, затем (кто сможет) поднимаетесь в бесконечную Личность сверхразума. Эта Личность соединяет великое могущество и всезнание, и одновременно — молчание необъятного бытия.

И нечто подобное о мощи силы тьмы есть немного в на треть светлом гоголевском «Портрете». Там — настоящий страшный колдун, появляющийся в кошмаре и кошмарном сне, который приходит все вновь и вновь, и от наваждения которого не избавишься. И он изображал здесь Антихриста, хотя для великого владыки тьмы этот азиатский темный маг немного мал. Но он, правда, пострашнее простого беса. Но в этом произведении есть воспевание подлинного искусства и истинного таланта и осуждение малохудожественного искусства за деньги. И это — возвышенный образ искусства. Там есть и другой, раскаявшийся художник, нарисовавший портрет этого демона и ушедший потом в святые аскеты и ставший светлым старцем-духовидцем, обретший духовный покой, видевший Богоматерь и имевший светлые духовные видения и откровения. Хотя там в два раза больше о страшной силе тьмы. Но во второй редакции «Портрета» Гоголь более светел. Однако книга Гоголя «Вий» совсем жуткая, там почти один ужас тьмы, и все попытки защититься крестом в конце концов ни к чему не приводят, и герой гибнет. Там ведьма с позеленевшим лицом летает в гробу, и полчища летучих гарпий рассекают воздух и оглашают церковь своими страшными криками. Там виден Вий с железным лицом, вышедший из подземных миров, и видно чудовище во всю стену. Это уже великая черная сила. И это все в основном подземный мир тьмы у Гоголя, в отличие от Пушкина. Хотя ведьма с позеленевшим лицом может быть и из полутемного низа астрального мира, ибо астральный мир — это тоже мир демонов.

А тот малый темный бог, с которым сражался Коровин, в три раза мощнее бесов, хотя это даже еще не жуткие ледяные или железные сердцем и духом короли темных миров, или

грозные могучие черные Боги-Асуры в терминах Шри Ауробиндо и Матери. Этот мистик видел один раз такого — в образе железного дракона в восемь раз больше человека.

Но истинная цель и средоточие знание святого мистика — отнюдь не мир тьмы, а миры света, и Всевышний Бог больше всего. Святой любит Бога, и сердце его поет от любви. Любовь его подобна сладостному нектару или вечному пламени, восходящему ко Мне. У него раскрыта душа любви и блаженства в сердце, и он любит все существа, людей и все человечество почти равной любовью. Но больше всего он любит Бога и преклоняется в самозабвении экстаза передо Мною. Он видит Бога в образах светлых исполинов и как бесконечность света. Он видит и ту высь, где Лик в треть неба возлежит внутри бесконечности, которая его продолжение. Затем он входит в постоянное молчание разума и, растворив свое малое «я» в Боге, вливается в бездну тишины и покоя. Он становится вечным и необъятным.

И Гоголь по мистицизму в основном темен и черен. Хотя в немалой части своих произведений он неплохой, довольно сильный писатель. Он — обличитель пороков, иногда немного ближе к прогрессу и свободе, и довольно сильный художник слова. И он написал неплохой портрет добродетельных людей в «Старосветских помещиках». Это уровень первых небес, небес добра. Но не все его книги такие, и он чаще ниже Пушкина по эстетике. Я вижу, что Пушкин — хороший, сильный, подлинный и даже несколько светоносный поэт. А вот Гоголь обычно похуже, и небес эстетики, где есть довольно высокое искусство классической стези, он не всегда достает. Хотя иногда он пишет красиво, как истинный художник. Но все же он написал несколько темных книг, а часть иных его героев злые. И похоже, те люди, которые описаны в «Вечерах», даже не названные чертями, тоже демоны; достаточно посмотреть на их поведение. И Тарас Бульба, конечно, хорош своим чувством товарищества и героизмом во имя веры и родины, но он свиреп и жесток до мук другим во славу русско-запорожского православного войска. Хотя жестокость там есть и со стороны его врагов. И это в основном темная книга, как бы мне ни хотелось обижать

святую страну Россию. Но есть у него иногда и неплохие герои, и Акакий Акакиевич — кроткий, безответный человек, пусть в конце, умерев, он стал привидением, сдерживающим шинели в отместку за кражу. Но это смиренный герой и почти полусвятой в начале повести, и он хорош. Есть у него красивая, полная высокого художества повесть «Рим». И еще есть у Гоголя «Ревизор», где он с позиции ближе к либерализму осуждает гнет чиновничества, любовь к начальству и неправую власть. Хотя светлого героя, светлой альтернативы из стана либералов там еще нет. Но в этот период он стал уже лучше и немного светлее и ближе к идеалам свободы и просвещения. И его даже немного травили реакционные писатели, так что он немного пострадал за свои идеалы. Следующая его книга, «Мертвые души», правда, нарисовала не одних хороших людей, и были там бесы в образе людей — Плюшкин и Ноздрев, и довольно плохие люди — Собакевич и Коробочка. А Чичиков — это профессиональный мошенник, и это — не светлый ансамбль. И это вообще не очень хорошие люди, а то и плохие, но там есть немного справедливой критики начальствопочитания и взяток. Это Я уже писал о «Ревизоре», и не надо повторяться.

Но были у Гоголя и хорошие люди, с первых небес Добра. Это Манилов, который весьма красив душой. Это человек немного не от мира сего. Но первый том нарисовал скорее плохих людей, а вот второй — хороших, добродетельных или добрых. Это и добродушный и хлебосольный Петух, почти с небес добра, хотя и с чревоугодием. Это Тентетников и его воспитатель, и дочь генерала Улинька, очень добродетельная. Она осуждает пороки, но может посострадать порочному человеку, если он будет совсем несчастным. Она добра к бедным. И воспитатель Тентетникова немного даже святой, хотя и по-мирскому, и наставник в науках, а сам Тентетников — добродушный барин почти без пороков. Он к тому же изучал и несколько любил науки и пишет основательное научное исследование о России. И эти люди с небес добра, а двое последних — уже с небес добра, и несколько — со следующих небес после небес добра и эстетики — с небес разума.

И Гоголь видел, когда он писал первый том этой книги, как он назвал черную ночь, а это здесь не совсем точно, ибо его отрицательные типажи скорее из смутного и полусумеречного низа витального мира. Но видел он, когда рисовал Манилова, и светло-серый мир там, и это, может быть, скорее и есть небо Добра. Хотя вообще оно в желтом цвете и полусветлое, как и белесый рай демонов на высях витального мира. Коровин видел его, когда проходил этот мир полубогов добродетели, отдыхая там шесть месяцев на пути к мирам света и Богу. Но Бог показал ему сегодня ночью, что светло-серым, в небольшом свете он тоже чуть может быть. Этого уровня и достиг Гоголь в это время, во втором томе.

Но вот помещик Костанжогло, который нарисован там, назван им первым умом в России. А он ненавидит просвещение, цивилизацию, английский и немецкий дух, театры, фабрики и промышленников и не любит книги. Он ненавидит политэкономию и называет ее ученых ослами. Там кто-то рядом с ним назвал университет во многом источником пороков. А в барщину надо все же запрягать крестьян, а то они все сопьются и развратятся. Этот Костанжогло предпочитает пользу красивому сельскому виду, и это нелюбовь сильного и настоящего человека практики к искусству и бескорыстному созерцанию красоты. Но практик и хозяйственник, надо отдать ему должное, он действительно весьма сильный. Он зовет всех трудиться не покладая рук на хлебопашной ниве по принципу почти натурального хозяйства. И этим он в полной мере подражает Творцу, и в нем уже сияют лучи Бога. А другой помещик, который любит книги, разум и философию, хочет организовать хозяйство рациональным образом в духе просвещения и чуть на английский манер, назван сумасшедшим. И это скорее путь уже вниз от разума, даже ближе к одному физическому русско-крестьянскому труду на барщине понимающего толк в хозяйстве помещика, даже без фабрик и промышленных усовершенствований. А Бог выше разума, а не ниже, и голый физический мир — это не Моя вотчина. Пусть Я и правлю им, как и всеми мирами в конечном итоге. И разум, как и добро, это ступень восхождения к Богу. И как раз добродетельных людей и двух

даже почти людей интеллекта Гоголь и изобразил в начале второго тома «Мертвых душ», так же как в образе Манилова — еще одного доброго человека. И есть там еще добрые люди, чуть Леницын и Василий Платонов — и они тоже почти или полностью с небес добра. И есть добрый человек Хлобуев, даже с французскими учителями музыки для детей, который еще молится Богу и уповает на провидение. И он чуть с просвещением, но и уже немного духовен. Но он разоряется, и, как и тот человек философий и наук, и как думающие о всечеловечестве люди разума, и как влюбленный в одну хозяйственность, приземленный, но сильный делом Костанжогло, представляет противоположность теоретического и практического человека. И этот Коровин, когда был философом-идеалистом еще в советские годы, ощущал силу своей теории и обычно слабую ее силу на практике. Хотя в лице этого практика Костанжогло Гоголь отдал дань реакции. Но пусть Я это и вижу, для Меня важнее то, что он уже достиг сферы добра и добродетели. А в самом конце жизни Гоголь отрекся от грехов молодости и обратился в христианство и к Господу по-настоящему. И его письма конца жизни уже светлы и полусвяты.

(Для написания этих фрагментов о Гоголе и Пушкине этот мистик почти полностью проштудировал их многотомные сочинения. Но мистическое видение их основано на том непосредственном духовном опыте, который открыл ему Бог.)

Люди России не любят свободу в политической и в религиозной сферах, но они нередко добры, и они сильны своей религией Господа Христа. И у них была сильная, хорошая в основном, иногда светлая и несколько мистическая культура. И они сильны в сражениях за Отечество, когда их Родину атакуют. Но большого разума, кроме эры серебряного века высокой философии Бога, и тем более новой религии мистического единства с Абсолютом Индии или, поменьше, буддизма и даосизма, у них не было. И этот Коровин, если ему будет дано опубликовать книгу своей старой философии 1984–1992 гг., может привнести новую волну чистого разума сюда, в Россию (он публикует книги на свои деньги, хотя он — инвалид и пенсионер). А через свои кни-

ги Бога он привносит единство с Единым, необъятность молчания и покоя вечности.

Книга Носова о Незнайке — это тоже зашифрованное послание об иных мирах. В витальном мире зла странствует Незнайка на Луне — хотя там и изображена в этих красках западная цивилизация, но это не слишком справедливо. И там есть одни жуткие буржуи, и это — злой штамп советской идеологии, но по сути он не мог писать свободно, и под этим символом изобразил темные силы витального мира. Когда герои проваливаются в тот мир, они видят туман, и это часто и есть образ витального или астрального мира. Там есть тупичок Дрянингса, где герои спускаются уже в этажи подземного смрада и мрака, и где есть огромные крысы. И в Луне Незнайке не хватает Солнца, ибо это мир, где немного света, кроме как на полусветлых высях, а внизу — просто сумрак и полумрак. Но Солнечный город Носова — это небеса добра; поэты, музыканты, художники, архитекторы и выставка архитектурных творений — романов о Незнайке, с второго неба эстетики; а Знайка, профессор Звездочкин и женские персонажи, по имени которых названа ракета, с третьих небес рассудка, мысли и, в частности, науки. С этих небес виден их космический городок, где изображены люди в голубом, голубая слегка светящаяся ракета и лунный камень. Это тоже полусветлое небо рассудка, но чаще оно желтоватое, но есть там и голубой цвет. И Незнайка, и ученый Знайка видят на поверхности Луны голубое свечение, не очень яркое, ярче лунного освещения на земле, как более яркая Земля освещает Луну. При этом свете можно читать — и это и есть полусветлый мир рассудка, хотя чаще он желт. Так, Носов описал, что это некий причудливый мир. И это не мир света, он начат в озарении, но иногда он изображен Носовым ярче, чем есть на самом деле. Это полусветлость, а не свет и светоносность и светозарность, начатая в озарении. А благую жизнь Солнечного города разрушают ослы, превратившиеся в людей, а это — бесовские зверюльки из нижнего витального мира. Но добрый волшебник возвращает их потом в прежнее состояние.

С небес добра и доктор Айболит, и он воюет с разбойниками или черными людьми из витального мира. В виталь-

ном мире путешествуют герои «Волшебника Изумрудного города», сражаясь со злыми колдуньями, тиграми и людоедом, и достигают неких небес. Не помнит Коровин, как описан Изумрудный город в книге или мультфильме, а то бы, вероятно, точно назвал, что это за мир. Но, очевидно, это страна тонких миров прямо над витальным миром тьмы и дьявола. Либо это небо добра, либо скорее некое место на небесах эстетики: там разные цвета полусветлого мира, в том числе изумрудный. Буратино и его друзья борются с силами зла в витальном мире и, отперев волшебную дверь, проходят темную лестницу в самом нижнем витальном мире или уже в подземном мире вечной тьмы. Пройдя ее, они достигают в конце книги небес эстетики. Ведь они — люди искусства. Хотя, может, каплю слабее изображен этот чудесный театр, чем есть на этом небе. В сказке об Иване-царевиче и сером волке в варианте Важдаета от 1967 года есть путешествие в витальном мире дьявола с его лешими, Кощеем и драконом и битва с ужасными силами тьмы. Но там есть и конь златогривый в сиянии, и жар-птица в сиянии тоже, и это силы озаренного разума и озаренного мира света. И люди КПСС не могут подняться над астральным миром, кроме самых светлых деятелей перестройки, а вот люди интеллигенции, искусства и философии и разума науки, или люди добродетельные, могут взойти на самые нижние небеса. Но это еще не святые небеса и не сам Бог. И даже эти небеса, как и тем более астральные миры тьмы, надо пройти на пути ко Мне и в Мою необъятность.

Я не хочу делать какого-то поэта или писателя низким или плохим за неприятие Бога, как вы видите, а просто за его художественный уровень. И Гоголь тоже сильный, где-то даже красивый словом писатель, но он ниже Толстого и Достоевского по высоте их книг и силе художественной мысли. *(Я, вообще-то, мог бы найти образы темного мира и у кого-то еще из писателей, в целом неплохих или хороших, но не буду. Я не хочу зла России. Но у Лермонтова есть высокие светлые портреты ангелов в трех его поэмах, хотя и демон полтора раза тоже.)* И сильнее Гоголя Толстой и Достоевский, они — великие писатели с духовными идеями, а

Толстой в конце жизни — вообще сильный религиозный писатель. Это — изумруды России. Хорош и Тургенев с его высокими лирическими чувствами. Очень неплох оригинальный поэт Фет и силен как лирик Тютчев. И настоящий великий духовный поэт России — Борис Гребенщиков: он — певец света, красоты, которая выше разума из озарения, а затем и самого Бога или немного нирваны. У него было куда больше светлых и прекрасных образов озарения, чем у уже несколько светоносного же Пушкина, а после 1991 года он возшел явно выше озарения. Он выразил почти великим образом самого Единого, особенно в альбоме «Навигатор». Высок и Даниил Андреев, который видел миры тьмы, мир озарения, но и почти все миры выше. Он — живописец света и светоносный духовный поэт. Андрей Тарковский создал образ Бога в виде живого разумного океана в «Солярисе», а это и есть во многом Я. Хотя это еще не видение Бога наяву. И он нарисовал портрет православного художника света Андрея Рублева. Высок и любитель индийского духа в церкви Александр Мень, например. Он, может быть, был уже слегка един с абсолютom вечного безмолвия.

И за это слово о Гоголе, которое сначала было поменьше раза в три, Коровина опять били и требовали запретить его слово Бога, как раньше за то, что он чуть-чуть возвысил индийских мудрецов над подлинно святой же нам верой Церкви, даже почти уравновесив их, — и за осуждение СССР. И делали это, видя, что о мире тьмы, который есть у Гоголя, Я прав, и что Я в целом высоко написал о русской культуре. И теперь его опять били за него, когда в последней его книге, втором томе «Мертвых душ», он нашел добрых людей и написал, что они добры и есть. Мне говорили: ты недостойн России уже. И этот Коровин сегодня уже любит Пушкина, как и десятки лет любил русскую литературу и религиозную философию начала XX века и ее святость, и любит Россию, несмотря на все это. И он любил и любит русскую природу, леса, поля и горы Кавказа, хотя видел миры света много прекраснее Земли. И в том числе это миры ярчайшего света Бога и любви к Нему, что становится для человека главным в жизни.

А ведь эти книги Коровина — он лично просит прощения, он глубоко смирен — все же самые высокие духовные книги в России. Может быть, Николай Сант иногда немного выше. И он любит, конечно, религию православия и ее великих Радонежского и Саровского. Но все же он хочет сказать, что его книги — книги почти полного опытного познания Бога, и даже больше всего Бесконечного. Такого здесь, в этой высокой стране святых, и мистиков вроде Рерих и, несколько, Пушкина, все-таки еще не было. Хотя она у последних святая и светлая страна, немного ниже святых. Но вы же все же не видели бесконечный океан Бога за пределами небес или бесконечный свет без форм и образов, где растаяли все миры. И потому вы защищали Гоголя с его темной мистикой, пытаясь запретить за то, что Я его так назвал, Мою книгу. А это книги самого великого Всевышнего. И Коровин пятьдесят или шестьдесят раз видел мир подземной вечной ночи, но много больше видел астральный мир полумрака и полусвета с демонами, который немного лучше, когда проходил его в начале пути. И затем, в сто или тысячи раз больше этого подземного мира, он видел мир света. В том числе он видел сотни или тысячи раз ослепительно-золотой свет высокой интуиции, и сотни две раз — ослепительно-белый свет надразума, еще ярче. И видел он раз пятьдесят даже свет сверхразума над ним. И он сотню раз видел самого Бога в образе Богов и сотню раз в Моей Бесконечности. И он знает каждый день единство с океаном покоя и молчания. И он полностью поглощен почти непрерывной любовью к Богу и слиянием с Моей необъятностью в одно.

Вслед за русской святостью, достигшей белых небес, любви, блаженства или радости и ослепительного света Господа, в страну пришло более мирское время. Но оно родило еще и литературу, которая жила чаще на уровне небес классической эстетики, вторых небес в лестнице миров после небес добра.

Затем пришли философы Бога и вечности серебряного века, Соловьев, Булгаков, Флоренский, Франк, немного Эрн, и их уровень — еще на полтора неба выше. Это возвышенный разум, разум мысли философов и богословов о Боге и

Абсолюте (небо перед ними — обычного рассудка или интеллекта, где место науки и рассудочной философии).

Затем пришли Рерихи, и певец Гребенщиков периода 1984–1991 гг. Они были мистиками и поэтами озаренного и нижнего, и среднего интуитивного разума, уже сфер света. Даниил Андреев, Гребенщиков, как и этот малый смиренный Коровин, конечно, не такие великие поэты, как Пушкин, наверное, но их стихи света и Бога куда выше большинства стихов поэтов классической стези. И Гребенщиков уже в это время часто писал стихи выше озарения, просветленные стихи о Боге, но он тогда был немного больше сферы озарения. Даниил Андреев видел миры тьмы, видел мир света озарения, мир нижней и высокой интуиции, ослепительно-белый мир надразума, его святой низ и чуть, видимо, его безличную высь, и он немного видел Бога. Он видел его в форме огромных Богов и чуть, может, в форме одного-двух Ликов бесконечности. Он был отчасти человеком света, но и близким к православию человеком неба и ослепительного света, и немало поклонялся верховному Богу и особенно великим образам Бога Ярославу и Навне и иным. И он достиг мира озарения и в некоторой мере и святых миров, в частности, надразума. И он был человеком битвы сил тьмы и света, и это — озарение. Но он был человеком, видящим чужой ум, и это — нижняя интуиция. Он был в некоторой мере человеком вечного света и поклонения Богу, в том числе в великих Образах, и это — человек святых миров. И он знал немного, в основном косвенно, о том, что над надразумом. Ибо он был человеком единства всех вер, и это выше особых религий. Ибо в низу надразума они еще особые. Дважды он был един с космической необъятностью. И он сидел в тюрьме Сталина за свои взгляды.

И вообще его видения первых миров света относятся к озарению и нижней интуиции. А вот его видения Бога и частичное единство с ним принадлежат сфере высокой интуиции, ибо там и есть это. Хотя он мог видеть и нечто из сфер выше, но при этом он по своему личному статусу как мистика и пророка не превзошел сферы высшей интуиции. Ибо полный надразум — это постоянное единство с безличной

необъятностью, а полный сверхразум — это то, что есть лишь у Шри Ауробиндо и еще двух мистиков мира. Это полное единство с Богом личным, Богом покоя и силы одновременно и полное обожествление человека. Хотя мир ослепительного белого света, надразум, Даниил Андреев видел, и даже не раз.

Близка к этой стезе и Юлия Вознесенская, книга которой опубликована ортодоксальным православным издательством. Она была советской диссиденткой, подверглась преследованию и потом, уехав на Запад, упала с балкона и была реанимирована. Она прошла в ином мире сквозь бесовские искушения или мытарства, как называют их церковь, а это и есть один из возможных путей на небо. И бесы были на самом деле темными силами нижнего астрального мира, с рылами и когтями, и в основном являлись ей в темном и отвратительном облике. И она видела там серую мглу, которая есть символ нижнего астрального мира.

Затем она попала на полдня на святые Небеса. Сначала это, видимо, сфера между миром высокой интуиции и совсем бело-ослепительным надразумом. Мир высокой интуиции — во многом мир сердца, и там есть интенсивная любовь к Господу, как и видение Бога и частичное единство с Ним. В той сфере, что она увидела, были золотые, белые и розовые цвета и роскошные цветы. А это и есть, видимо, сфера между золото-розовым миром любви к Богу и души блаженства и любви в сердце, полностью открытой и ослепительным совершенно белым надразумом. В высокой интуиции Коровин тоже видел прекрасные розовые цветники — образ сердца, и блаженства, и любви к Богу. Затем она взошла в еще более высокие небеса ярчайшего белого света. Там она увидела Ангелов, которые вели людей, по росту перед ними подобных детям в детском саду. Это и есть Боги надразума — образы Бога, но они в три или чаще в четыре раза больше человека, и человек им по колено на самом деле. А более великие Боги оттуда же в десять-двенадцать раз больше человека. И видела она там подобный Крест в облаке в ослепительном сиянии.

Затем она попала на небо более слабого золотого света и провела там большую часть времени рая, шесть дней в бес-

печальной и прекрасной почти райской стране. Ведь она почти не любила Бога тогда. Но сам «Ангел» или кто-то побольше и повыше его был святым и по подлинно святому образу рассказывал ей о Боге и побуждал к любви к Нему. И Боги надразума вообще такие. И там показан еще ее святой дед — православный мученик от большевиков. Но сама она почти не любила Бога, и ее опустили на шесть дней на небо менее яркого золотого света — видимо, озарения. Там первое царство света и там немного любви к Богу. Хотя и оно выше тьмы и враждебно демонам. Тем не менее ее книга наполовину святая, пусть в первой половине не ее собственной святостью, и она создала дивный портрет светлых красот обоих раев, настоящий дворец света.

Затем ее опустили за старые грехи и зло в мир тьмы, и вначале — даже в ад. Она героически прошла почти все уровни темного мира, стартовав от пещеры, ведущей в мир вечной ночи, рядом с провалами в бездну. Она начала свой путь в зоне черных утесов с серыми бараками самого нижнего астрального мира. *(Этот Коровин так и видел этот мир, но он видел иногда черное, но больше серый тусклый свет. И серый тусклый свет и серый туман просто на уровень выше в этом мире, а там, в самом низу, серое и темное, иногда с черными местами. И там уже есть адские зоны, и она испытала их зло. Это место на грани спуска в чудовищный мир вечной ночи.)* Затем она прошла несколько уровней астрального мира демонов, постепенно улучшающихся, еще через злую серую область, до города удовольствий вершины этого витального мира. Там — довольно приятная городская цивилизация, но она еще под сатаной. Вообще, скажем от себя, небесные города в полной мере начинаются с первых небес добра, а там, в витальном мире, в большей части леса, нередко трущобы или часто примитивные хижины. Но на вершине по-иному, хотя все же чаще еще не города. И она прошла весь витальный мир, хотя третью четверть пропустила, переходя по дну моря. А там Коровин видел мир денег, и титанов, и демонов силы и власти, и их битв. И она совершила героический путь, и отдавала часть своего хлеба нуждающимся. И на астральном небе увидела у себя золо-

тые волосы — следствие пребывания на небесах света озарения, скажем мы. Но она стала выбирать там уже белые предметы, ибо ее бессознательно стало притягивать в мир света святых Господа. Она испугалась книги черной магии и прокляла дьявола. Потом, побуждаемая «Ангелом» и импульсом изнутри, она стала молиться. И полились слезы, и раскрылось немного сердце, и душа обратилась к Богоматери. И она жертвенно отдала себя за другого человека там. И теперь она, вернувшись в тело, любит церковь и молится и почти святая.

Сюда же относится несколько и Пантес Киросон, бывший православный России, которого били до полусмерти агенты ГПУ за его веру в 1930 году, и который узрел серию адов и небес. Это небеса озарения, средней и высокой интуиции (последняя — уже мир святых), и описанные им подобно Мне. И он видел Богов-исполинов надразума, касался необъятного Бытия его и видел каплю Бесконечного Бога сверхразума. И он начал с православия, а затем медитативно немного погрузился в космическую Необъятность на несколько минут. Он услышал и узрел на небе единство всех вер, хотя и любил свою прежнюю больше.

И все эти мистики, как и некоторые иные, подтверждают истину о лестнице миров света, которую открыл Шри Ауробиндо и которую в слегка измененном виде показал вам здесь Господь через Коровина. Хотя Моя великая истина — не миры, а сам Единый, и Он и есть величайшая цель пути.

А Я зову вас не на небеса озарения, а к любви к Богу, полной самоотдаче Всевышнему, к медитации и к слиянию с Моим необъятным бытием. И это путь на более высокие ярчайшие и святые небеса Господа, а затем — в Меня самого. Путь к Богу ведет через самоотдачу Всевышнему и через любовь ко Мне. Путь дополняет медитация, медитация молчания разума и медитация бесконечного бытия. Любовь сладко поет в вашем сердце. Есть существо вечного пламени внутри вас, и оно ждет, чтобы его разбудили. Оно обратит всего вас к Богу. Оно полно любви и блаженства. Любовь любит Бога всегда, когда блаженная душа в сердце только показывается наружу. Эту любовь и эту душу не за-

топтать сапогами насилия, этот огонь не угасить никакой холодной водой. И медитация тоже приводит к Богу. Есть медитация в третьем глазу на свет, но она ниже, а есть медитации, ведущие ко Мне самому. Медитация на свет — тоже часть пути, но больше всего надо концентрироваться на Боге. С именем Моим на устах, с образом Бога или с образом Моей бесконечности без форм вы устремляетесь ко Мне постоянно. Есть медитация покоя и тишины разума, есть стирание эго или малого «я» и есть медитация растворения в бесконечности. И когда-то вы сольетесь с безбрежным бытием вечности. Но выше Безличного океана покоя есть более великий свет сверхразума или самого Всевышнего, и вы можете войти туда, поднявшись над бездной тишины.

Сегодня в Россию пришли мистики, близкие к Индии, которые превосшли и мистиков света, и даже немного святых церкви, слившись с безбрежным Абсолютом. Это на десять лет Гребенщиков, это Джнанакришна или Койфман, это ученик Шри Ауробиндо Николай Сант, который даже немного превосшел Безличного, хотя полностью далеко не достиг сверхразума, как он думает, и чьи почти десяток учеников сливались на срок с бесконечным бытием. И этот уровень есть в книгах Коровина, чьи описания тоже выше небес достигают видения Всевышнего и слияния с Абсолютом вечного покоя. Вообще говоря, все это — тоже часть русской культуры.

И Пушкин — настоящий поэт классической стези, и несколько даже поэт света озарения, где еще, правда, нет сильной любви к Богу. Но это очень высокий уровень, и в этой части своего творчества с его мирами тьмы и света он близок к Рерихам. Немного в конце жизни он стал иным, и уже в немалой мере христианином. Но есть и мистика Бога, интенсивной любви к нему и единства с Ним. И Я призываю тех, кто хочет высшего пути (а это и есть Мой путь, который Я вам предлагаю), идти по пути предания себя Всевышнему, преданности, любви и медитации тишины разума и медитации бесконечности. Завершается путь книг Коровина в единстве с Абсолютом, ибо эта вершина — последнее, что он может предложить вам. А дальше открывается путь

Шри Ауробиндо с его сверхразумным Господом силы и покоя сразу и с его полным обожествлением человека и даже его тела.

И вообще это все настолько светло, что Я не понял, за что Коровина били каждый день за эти книги. И ведь Я призвал превзойти витальный мир тьмы и даже и небо ментального света через интенсивную любовь к Богу и через постоянную медитацию о Нем. А недавно Мне снова сказали от церкви: это — оккультизм. А я просто вижу все миры, но озарение — не Мой полный мир, и зову выше, в ярчайший свет, и к самому Богу, и к единству со Мной. И эта Вознесенская, за которую Меня и осудили на сей раз (правда, под конец — под воздействием «ангела»), а так даже кого-то больше и выше), начала молиться и поклоняться Богоматери и стала жертвенной подвижницей, но на небе она была почти без Бога. И ее потом там фактически опустили почти на шесть дней в рай золотого света озарения ниже, а Мне говорят: не смей трогать святую церковную книгу и не смей отправлять ее автора в якобы оккультный мир! А ведь она странствовала и в настоящих мирах тьмы, и там это все описано, а на ослепительном надразумном небе Господа она была раз. Но теперь, Я верю, она войдет туда уже по-настоящему. И Коровину уже кричали, что его книга 1998-2001 гг. о ментальных мирах света — дьявольская, хотя он и писал уже там, что выше есть небо святости и любви к Богу. А вот когда Коровин посмел назвать мистицизм Гоголя, где практически один черный мрак, темным, даже уже когда Я увидел и написал, что Пушкин — тоже несколько светоносный поэт небес, то люди в соседней квартире с квартирой Коровина с его компьютером и книгами пригрозили поджечь свою квартиру. Это было для того, чтобы сделать его чудовищем и совсем запретить его книгу. И это за то, что он посмел найти хоть какое-то пятно в России. Они ведь знали, что Я, вообще-то, прославил российскую культуру, философию, мистику и святость. Они видели, что Я показал искусство авангарда Запада в основном астрального мира (об этом вы прочтете еще дальше), и Россия оказалась посветлее Европы. Но они крикнули: маловато будет, мы хо-

тим только свою страну, чтобы никто не видел в ней ни пятна, а на иные земли нам плевать! И ведь у Гоголя был черный мистицизм, и, защищая его таким страшным образом, они делали жертву сатане, о чем Я им сказал. А вот о церкви, которая делала тьмой иные религии, иногда все, религии света и Бога или Абсолюта уже в 1997–2008 гг., они не сказали ни слова, хотя и знали от Меня, что это так. А это все было в их книгах, и Коровин их немалое число прочитал. Но вера православия сама по себе для Меня очень святая. И Меня хотели унижить от Вознесенской за то, что это православная книга против оккультизма, но Я же объяснил, что она плохо любила Бога почти все время, кроме самого конца, и потому и видела в основном небо ниже. Но все же она хорошая и подлинная героиня, и Я ей лично отдаю честь. Потом она больше и очень по-светлому стала любить Бога, но в начале книги этого нет.

А вот что там написано об оккультизме, давайте разберем. Она увидела, что в полусветлом городе дьявола в высях астрального мира есть книги черных магов и экстрасенсов. Об учителях света и иных верах там ничего нет. Зато в предисловии к этой книге от богословов православия названо, что все учения и секты ведут в вечную погибель не только вашей жизни, но и души. И это их, а не ее нетерпимость, ибо тысячи путей и ведут к Богу. А там у нее показаны бесовскими инопланетяне, и Я почти не буду с ней спорить, хотя, может быть, есть НЛО вроде светящегося врага тьмы и слуги Бога на треть, Ашатра из ментальных светлых миров. И о магах она права, и об экстрасенсах чем-то тоже: ведь они, может, не все из тьмы, но из тонкого нижнего тела, но не выше вершины витального мира. Но одно слово ее уже темное, это полпроцента ее светлой книги. Она написала в одной фразе, что бесовские миры изумительной четкости и яркости, когда общалась с этими существами с рылами. Тем самым она косвенно поставила клеймо на светлых мистиках. Небось она бы не совсем так написала, если бы писала в иной редакции: она написала бы скорее, что миры тьмы полутемные или темные с элементами ярких пейзажей. И там, на его полусветлых высях, есть иногда неко-

торые демоны в ярком свете. И когда она потом проходила этот мир, она его и видела темным и полутемным внизу, и на высях покраше с городом удовольствий. И мир бесов не только совсем нечеткий по формам, но даже наоборот, сказал ей Ангел, и она видела это во время мытарств. И видел Коровин этот мир размытым и волнующимся, а Толкиен — зыблющемся в Древлепуще, в отличие от ментальных миров с их строгой совершенной формой. А бесы нижнего астрального уровня с рылами и когтями не могут вообще показать миров изумительной яркости. Ведь если подумать, она тем самым поставила под вопрос и свои золотые небеса, которые, видимо, даже не столь ярки. И это — просто один кратчайший злой выпад под воздействием ортодоксов. Но это — полпроцента ее книги, а там вся она светлая и наполовину святая, и Я отдаю ей честь.

А Я-то зову даже не на небо света золотого озарения с его ангелами и небольшой любовью к Богу, хотя его проходят по пути, и даже не совсем на небеса ослепительного света святых (хотя и на них тоже), но в Мою бесконечность. И Мой путь ведет через полную самоотдачу Единому и любовь и медитацию на необъятности Бога. Он приводит к видению Меня и к слиянию с бездной или безбрежной ширию покоя.

И все Я им о церкви писал почти один свет. А Мои книги выше же уровня светоносцев: они познают самого Бога через любовь, которой ничего не нужно, кроме Всевышнего, и через полное сосредоточение на Мне и бесконечном бытии. Они любят Бога, видят его в бесконечности, а не только в светлых огромных Богах, и сливаются с Ним в одно. И Я прошу прощения у Вознесенской, она хорошая, героическая и небось уже почти святая. И она еще хороша тем, что боролась за права человека в СССР, в чем Мое мнение и мнение ее «Ангела» в точности совпадают.

Били Коровина и в неделю Пасхи 2012 года — святого православного праздника. Били его на сей раз за то, что он увидел свет или ослепительное пламя чуть ярче даже благодатного огня Иерусалима, который показывают по телевизору, — и сливался с необъятным Богом и был этой безбреж-

ностью в пасхальную неделю. И Я прошу прощения у них, ведь Я сделал Коровина чуть выше их света, да еще необъятным, а это им, наверное, обидно. Но свет, видимый вокруг Христа на Фаворе, или свет Серафима Саровского еще чуть ярче. Он совсем как солнце, а свет, видимый Коровиным на Пасху, был чуть слабее, хотя и такой он видел раз десять тоже. И сегодня он видит уже такой. А церковь для Меня все равно святая и светлая.

Несколькими месяцами раньше в этой книге было только два очень кратких описания мира тьмы. Я не хотел об этом много писать в этой книге, но пришлось немного рассмотреть его при разборе авангардной живописи Запада, мистики Гоголя и мистических взглядов Вознесенской или ее путешествия — хотя книга последней светлая по сути и во многом уже святая. И я прошу прощения у России, что чуть бросил тень на Пушкина, хотя и тоже немного сделал его и светоносным поэтом, и настоящим поэтом классической стези. Я прошу прощения, что бросил большую тень на Гоголя. Я прошу прощения у Запада, что бросил некую тень на большую часть модернистского искусства, хотя некоторые его части увидел высокими и даже светлыми (об этом ниже). Моя же истина — совершенно не миры тьмы, и о них здесь было бы меньше, и даже почти и не небеса света озарения, хотя это уже рай и небо сущее. Моя истина — любовь и преданность Богу, медитация о нем и слияние с Ним. Моя истина — святые небеса Господа и, еще больше, океан Бога в его безличном и личном измерениях. Моя истина — океан молчания и покоя и единство с Ним. Моя истина — всемогущий и всезнающий владыка и источник всех сил и миров.

И не любите астральный мир тьмы, и ни за что не любите мир черной вечной ночи еще страшнее. Любите одного Бога. Сначала кто-то полюбит небеса и свет, но превзойдите и мир света озарения. И Мой путь — Бога, и любите Меня больше всего. предайте себя Всевышнему, думайте обо Мне постоянно, медитируйте на Меня, служите Богу и будьте преданы Мне, любите Бога и влейтесь в Меня. Устраните свои мысли в уме и желания и все страсти в витале, устраните малое «я» и, медитируя на Мою бесконечность, влейтесь

в Мое бытие. Любите Бога, представляйте безбрежный океан, мысленно расширяйте себя в необъятность. Твердите Мое имя, отдайте себя Единому и жаждете единства со Мною. Тогда и узрите Господни небеса ослепительного света, а затем вольетесь в Меня самого и станете бесконечным.

И Я немного тоже писал о мирах над демонами, небесах интеллигенции — добра, возвышенного искусства и разума науки и философии, а также о мирах духовного разума. Это мир философов Бога, небеса света озарения и мир видения мыслей. Последние два — небеса мистиков света и видящих йогов. Но не они являются целью мистика Бога. Его цель — сам Я. Он должен пройти астральный мир демонов, и миры света полубогов, и ангелов над ними — ментальные. Он пройдет их через преданность Господу и постоянную любовь к нему, и через покой ума и медитацию бесконечной реальности. Через стирание малого «я», отсутствие мыслей, самоотдачу Всевышнему и полную концентрацию на Едином вы вольетесь в Мой покой необъятности. Сначала вы узрите вечный свет, а затем вступите в бесконечности Абсолюта и Господа.

ГЛАВА 14. НОВЫЕ ВЕЛИКИЕ МИСТИКИ ИНДИИ, ИДУЩИЕ В МИР

Бог — самый великий. Познать его — это открыть величайшее, что есть. Любите Бога всем сердцем, предайте себя ему и посвятите всего себя Единому. И тогда вы сольетесь с океаном вечности. Безбрежный океан тишины будет един с вами. И когда-то вы познаете Бога полностью, еще как милостивого и любящего владыку миров. Вы будете созерцать в нем не только океаны покоя, но и могущество и всезнание Господа. Вы увидите, кто начало и конец бытия, зодчий и творец миров, начинатель и завершатель всего, что происходит.

Бог и будет, выше нет, больше нет — но человек хочет знать себя. Изнутри высунут язык пламени, Я однажды так писал о частице Бога в сердце — а где же я? Но человек — не

тело. Тело смертно, оно само лишено мысли. Мысли нет в костях. Человека вечность — и не чувства и разум. Чувства поднимаются бурей и стихают, вечность есть навсегда. Мысли приходят и уходят, вечность есть. Но в человеке есть Моя частица. Она навсегда! Это и есть вечная душа в глубине сердца. Она неподвластна смерти. Она пересечет миры, рождения и смерти. Она — Моя часть, огненная огромная капля любящего счастья глубоко в центре груди. Она на крыльях любви летит к Богу. Ее любовь пламенем взмывает ко Мне и единым духом уносит ввысь, в обители бессмертия. Когда она пробуждается, внутри расцветает огненная роза блаженства. Эта душа предана Богу, свету и добру, и вы ее пробуждаете любовью к Богу. Любовь и поклонение Единому и концентрация в центре груди и разбудят вашу вечную душу. Позже вы вольетесь в океан бесконечности. Тогда вы станете вечным и необъятным.

А что я есть? Язык, что ли, огненный? Это на солнце языки, скажут Мне. Вот и есть книга «Кто я?» Раманы Махарши. Это мудрец чистый, но относительно малый. Он создал истину безличного «я» с безличным Богом единого. Это одно, он сам осознал это «я» внутри, это источник любой мудрости. Он открыл сердце как раз где-то в середине груди или чуть правее. И полились слезы блаженства, и бросили его в царство чистого аскета. Далее «я» в сердце стало единым с безбрежным Абсолютом. Это — безличный абсолют, полный молчания. Вот и еще неполнота истины, некая часть ее. Шри Ауробиндо — великая истина. Шри Ауробиндо — истина необъятная. Кому-то Махарши будет ближе, до Абсолюта так можно дойти. Но центральный путь любви — и преданности Богу, и полной концентрации на Моей бездне бытия. Его увенчивает единство со Мной. А в суперразум методом Раманы Махарши не взойдешь, ибо это сфера бесконечного Личного Бога. Но он — высокий и истинный мудрец, и он поднялся до высей надразума или Безличной Бесконечности. Он слился с океаном молчания. Он без изъяна, как тот Ошо-гигант, но оступился; оступитесь, может быть, некоторые по его стопам. Рамана Махарши, Пападжи, Махарадж, Балсекар и древний мудрец Шанкара —

мистики Безличного в Индии. Каждый из них — необъятное существо, в силу их единства с Абсолютом. Но они и то еще не самые великие. Самый великий — Шри Ауробиндо вместе с чуть меньшей Бхагавад-гитой, но не кришнаитской, а подлинной великой книгой полного аватара Кришны. Велики Мать, Шри Чинмой и Саи Баба. Христос — тоже аватар. Кришнаиты святые, и чистая их религия сладостного поклонения Господу. Но верховного, бездонного Бесконечного Всевышнего без форм они не знают. Они, как и святые Христа, достигли преданности и чистой любви к Богу. Эта любовь течет свободно, когда вы раскрываете сердце. Как раз душа света любви и блаженства и рождает ее в сердце. Вы станете одной прекрасной блаженной любовью, которая обращена к Единому, но можете любить и все. В вершинах интуиции в золото-розовом мире любят Бога совсем преданно и видят его. Там уже видятся великие Боги — Образы Бога, а тот, кто любит бесконечность, видит ее. Там прикасаются к единству с Богом. Там — мир святых. Там — и рай любви, где нежная упоительная счастливая любовь склоняется к миру и взмывает к Единому. Там слышно вечное слово Бога, слово его откровения. Еще выше — мир огненно-белый и яркий как солнце. Этот мир великих святых Христа больше всех.

Там, где кончаются небеса, начата Моя бесконечность. Там — необъятные пустынные шири белого света и покой нирваны. Далее там свет погружается в безбрежную молчаливую ночь Безличного. В это безличное вечное бытие вливаются мудрецы Востока. Там и есть вечный Безличный Абсолют Индии и нирвана Будды. Это почти одно и то же, тот же океан довольно уже плотного покоя и молчания. Там, где гаснет свет в ночи нирваны, и есть довольно плотный покой небытия. Вообще все это — Безличная бесформенная необъятность. Выше Бог личен. Там сияет бесконечность Бога и там — самый яркий ослепительный свет. И его уже обычно не видят простые любящие Господа, там — светлая бесконечность самого Верховного. Там пустынные шири и просторы необъятности. Там океаны покоя едины с океанами света и силы. Сила движется на основе неподвижного покоя, иногда можно пережить это так. Там — сам Я.

И книги Саян Бабы тоже несут истину единения с Богом и любви к нему. Он — великий мудрец и аватар. Книги Матери проще Шри Ауробиндо, но там нет столько его необъятности правды. Но сказочно прекрасно ее отречение перед Богом. Велико и почти непомерно ее познание Единого. Велико огромное знание Шри Ауробиндо, и столько знания, сколько у него, вообще нет ни в одной мистике мира. Еще Рамакришна Парамхамса тоже немного воплотил Все-вышнего. Его мягкая книга «Провозвестие Рамакришны» совсем чудесна. Ведь этот нежный гений с мягким сердцем и сладостный ребенок Бога там рассказывал великие сказки вечности по-светлому и необычному. Он на опыте слил все религии в одно, там, где реки всех вер вливаются в океан Бога и сливаются в одно. Она — тоже часть этого корпуса истины, он здесь почти полностью назван. Это и великая Гита, но не слишком именно кришнаитов, хотя это — тоже светлая вера преданного служения Богу. Шри Чинмой и есть Бог, он просто так себя не называл — или почти; он обычно смиренный. Но его книги прекрасны, там — слезы счастья преданного и любящего сердца и свет крупницы вечного бытия. Они — тоже часть корпуса истины. И Шри Ауробиндо тоже совсем не называл себя Богом, и вот Единый называет его аватаром и самым великим мистиком мира. Евангелие Иисуса Христа таит небесных голубых птиц пути не мира сего. А вечное таинство жертвы креста — это любовь, попранная в мире за мир и всех его существ. И это — истинный Господь Запада. Еще кто-то вроде Вивекананды, спросят Меня? Но не совсем сто процентов: он — великий гений Индии, приехавший в мир Запада накануне XX века и принятый совсем восторженно. Это он был белой шапкой Брахмана. Его разум парил высоко в абсолютном небе, без грез и форм. Его книга — не совсем полная правда, она больше Безличного, но тоже часть вечной истины. Еще книга Йогананды «Автобиография» со сказками о совсем странных разуму удивительных чудесах, и не магов, а йогов вечности. Они испили глоток Божественного бытия или уже погрузились в океан бытия. Это почти великая книга, но она куда меньше Шри Ауробиндо. Кто хочет — древняя мудрость

Упанишад о единстве с Богом. Это великие люди, познавшие вечную истину и написавшие о Боге, своим светлым великим телом пронизавшем мир. Но этот безличный Бог там иногда, хотя не всегда. Иногда он назван владыкой всего, и над Непроявленным там — бесконечный Пуруша. Это и есть Бог сверхразума над Безличным абсолютом покоя. Но лишь этого там не очень много. Это — величайшие книги Древней Индии, но есть и более полное знание Его. Полнее всего оно у Шри Ауробиндо. Эти трое и Ошо придут скоро в мир. (Но Ошо хотя и глубокий мудрец, но не Я уже во многом. И его методом к Богу труднее пройти.) И будут наводнение океана Бога на Западе и новая заря вечного света. И святые и вечно светлые Евангелия Христа — тоже истинный свет любви Бога и добра. Это история живого Бога, сошедшего в мир, это книга небесных любви и добра. Это великие книги и это великие люди, которые уже не люди, все вышеназванные. За человеком будет сверхчеловек. За человеком есть Бог. Есть еще Коран и Ветхий Завет, это могучие книги Единого Господа. Они пришли от самого Меня. Это великое откровение о том, кто творец и отец миров. Это самые высшие книги Запада. Ветхий Завет и Коран — книги Единого Бога. Они выразили Меня, величайшего. Они называли, кто Отец и создатель мира. Они называли Единого, который должен быть любим. Но их мысль немного меньше. Они не обнажили всего Бога. Но это — огненный глас великой личности, которая стоит у истока всего и незримо вращает мир. И это — великие книги Бога. Но преданность Богу там есть, а единства с Моей бесконечностью еще нет. И это больше мистерия Индии. Есть книги православных и католических аскетов, мистиков и святых. Они горят вечным светом и светлы любовью к Богу. Еще есть книги мудрецов Безличного вроде Шанкары, Раманы Махарши, Махараджи, Мадукара или Пападжи. Они наполовину велики знанием Бога и его бесконечностью, но всего Бога им знать не дано. Есть книги буддистских мистиков, достигших безбрежной пустоты, и книга «Дао Дэ Цзин» великого китайского мудреца Лао-Цзы. И Шри Ауробиндо — самый обширный. Он знает меня полнее всех.

Путь Бога лежит через сердце. Он расцветает дивной, блаженной любовью. Он начинается с самоотдачи, продолжается поклонением и концентрацией на Мне. Он дополняется медитацией, и преданность Мне и концентрация в груди будят драгоценное сокровище в сердце. Там льется родник любви и блаженства, и любовь взмывает и несет вас к Богу. Проснется счастливая любовь ко Мне и ко всему. Медитация света плодотворно дополняет путь, это сосредоточение между бровей с преданностью Богу. Медитация покоя разума и свободы от мыслей тоже важна, она даст покой и тишину внутри. Когда вы освободитесь и от всех страстей, покой станет мощным и глубоким. А далее есть единство со Мной. Полная концентрация на Боге, любовь к нему и медитация растворения «я» в бесконечности дадут вам это. А далее вы сольетесь с океаном тишины. Но святость, полная преданность и посвящение Богу и чистота от страсти должны быть достигнуты вами. И придет близость ко Мне, а потом придет единство с Моей необъятностью.

Равных книгам Шри Чинмоя тогда нет, решат некоторые, там — светлая поэзия Бога? Там и есть поэзия света, мира и танец блаженства, просветленный и озаряющий мир. А вот и нет, равных Шри Ауробиндо, видимо, никого нет. Чуть более великие даже они. Но это чуть позже, может быть, в мире. Светлы и полны вечностью книги Саи Бабы. И велики книги Шри Чинмоя, и они, как и Саи Бабы, проще. Они — для миллионов. Ибо книги Шри Ауробиндо немного превосходят всех, но они часто написаны сложным разумом. Они немного даже похожи на философов, хотя по сути это опытное знание всего бытия, самое полное в мире. И великая книга Бога Бхагавад-гита. Там — абсолютная истина вековой реальности и есть многочленное великое тело Бога, обнявшее мир. Там есть вечный путь Бога и знание Его. Но Евангелие — тоже книга вечного Бога, жертвенно сошедшего в мир, и там есть свет жизни Бога. А вот единство с абсолютном Христос хотя и упомянул, но это единение больше Востока. Хотя сам он был этим. А христианство — это великая религия небес, хотя и там были слившиеся с бесконечностью. И высоки жители небес света

Бога, пророки Иудеи и Корана. И очень высоки святые церкви, и это — почти самая святая религия. Но еще есть мудрец Индии и, немного меньше, буддист. Он слился с покоем вечности. Он необъятен. Он мудр и свободен в вечности. Но мудрец Индии чаще любит Безличное, и буддист и даос Китая — совсем, а святые Христа преданы Богу. Они в моей руке, и Моя воля и Моя любовь — в них. И некоторые люди религий Запада тоже прикасались к бездне молчания Бога. Но больше всего слившихся с ней в Индии и затем — в буддизме. И они необъятнее. И любят океаны молчания только мистики Безличного, а эти великие трое и Мать несут и любовь к Богу, и единство с ним. И они самые вечные, как и Кришна, и Рамакришна (поменьше).

И приход Саи Бабы в мир очень светлый, и чудеса его действительно настоящие. Его законы чести и добра и праведность любви к Богу — это его. Слияние с Ним он тоже принес, и велик он очень. Но он — не единственный Бог в мире, и выше есть суперментал. И Шри Ауробиндо — тоже Бог, хотя и не именовал себя, но самое обширное знание — все-таки его. И он — самый обширный мистик мира, хотя Саи Баба истинно велик, часто дивно светел, и это — Бог, спустившийся в мир. Велики его чудеса, которых немного у Шри Ауробиндо. И велик его закон добра, которого почти нет у Шри Ауробиндо, и высока его мудрость. Его книги проще и очень глубоки мудростью, и прекрасны их преданность и любовь Богу. И завершает их слияние с Ним. Но чуть более велик Шри Ауробиндо.

Итак, Саи Бабу отставили, скажут его слуги, — а вот и нет. Он — аватар, и его могучий разум тоже есть. И пусть идет он, Шри Чинмой, и Шри Ауробиндо, чуть меньше, в мир. Пусть вспыхнет новый свет в мире порой черствых анализов и дымящихся труб фабрик. И мир всем верам.

И все это правда, ибо Саи Баба мудр и понятен, или Шри Чинмой красив и прост, а Шри Ауробиндо совсем велик, но иногда сложен и тяжел стилем. И не будет сначала, видимо, он популярен в кругу очень многих новых мистиков, направивших свои стопы к вечности. Но самый объемный уникальный универсальный синтез великих методов движения

к Богу, как в Гите, был его. Но и познание Бога почти во всех Моих аспектах в одном интегральном сознании — этого еще никто не повторил. Нет никаких, а тем более разных аспектов в Боге, скажет, наверное, некий грамотей, наученный богословским разумом. Но тайн бесконечности никакой грамотей, видимо, не исчерпал еще. Так вот и есть за миром полный Всевышний, а есть Абсолют, в мире простертый. Он скрыто наполняет все формы и вещи мира. Есть Личность Бога, и слава ему вечная, и путь к ней от трех вертеизма был всегда. А есть еще Безличный, который счастливо зафрахтован мудрецами адвайта-веданты Индии. Так вот, и не ими одними, Саи Бабой и Шри Чинмоем, он познан тоже, но их путь — путь преданной любви к Богу. И Шри Ауробиндо проложил самый широкий из всех путей вечности. И вот пусть его прочтут и найдут там сокровище вечного бытия, полноту тайн Абсолюта и светлый след Господа. Метод веданты Индии — знать Неличного, метод вер — любить Бога и добро. Но Саи Баба тоже принес миру добродетель и праведность, и его метод — тоже насадить в душе цветущий куст Добра и особенно любви Бога. Но и этого мало: надо еще и познать Абсолют или пустыню необъятности Бога. Но и Шри Ауробиндо, и Мать несут счастье преданной любви к Богу и единение с Единым. Оно раздвинуло бы вас широтой необъятности, но Мать и еще, немного больше, Шри Ауробиндо — еще большая широта сознания. Он знает Бога полнее всех в мире, и она почти тоже. И Саи Баба велик, и, в общем, он — Христос, а он — тоже аватар, или воплощение Бога, как и Кришна. Но мы не хотим внедрять это в ум человека, любящего только Евангелие. Я прошу прощения у христианских людей, и пусть они любят как хотят. И Шри Чинмой велик, как и Саи Баба, и почти как Шри Ауробиндо. И единство Бога личного и безличного сотни раз видел мистик Коровин. А Шри Ауробиндо написал: единение Личности и Безличности и космического и надкосмического Единого. И Коровин знает куда больше некосмического Бога, вне форм вещей и миров. Там светлая бесконечность поглотила все формы и простерлась за горизонт в необъятную даль.

А над Безличным абсолютom вечного молчания есть еще Всевышний.

И необъятная высь простора вечности, и сладкий смех Господа... На вершине был Шри Ауробиндо. Не только в безбрежную высь поднял он окуляр своего точного видения, но еще смотрел вниз. Он и создал Жизнь в Боге и труды в мире сразу — а не только раствориться в Боге и растаять. А это и есть знание Единого, и истина-то чистейшая, но Шри Ауробиндо еще больше. И не только познать Бога, но познать полностью. И не только слиться со Мной и раздвинув себя в Мою Безличную бесконечность, но еще взойти во Всевышнего и преобразить всю свою природу в божественный свет и в божественное совершенство. И мир, и тело должны быть преобразены золотым водопадом пламени, вошедшим в реальность, и это — завершение его мистики. Таков его путь.

Мир идет в вечность. Веры шли к Богу, но на небо попали их светлые гении-аскеты. Просто религиозный человек чаще попадал в высший витальный мир, на небо добродетели; оно немного с религией. Оно немного выше демонов, но это — самое низшее небо. Святой и аскет попадет в сияющее и благодатное преддверие Бога. Мистик войдет в необъятность Вечного. Веры взяли любовь к Богу и взяли небо. Истина единства с Богом придет вскоре. Она будет наднебесной, это безбрежный Всевышний и вечность Абсолюта. Этим единством Шри Ауробиндо и Мать тоже были, как и Саи Баба, и Шри Чинмой, но знание Шри Ауробиндо больше всего. Но Я говорю: мир не хочет слишком много разума. Книги Шри Ауробиндо созданы еще отчасти разумом великого философа. Пусть это мудрость, а не философия, это прямое знание, а не философия. Они абсолютно свехрассудочны по истоку, о Едином верховном общем образом созданы. Но интеллектуальны слишком многие из них, потому Я не сдаю его одного. Пусть будут Бог Шри Чинмой и Бог Саи Баба чуть понятнее для массы читателей иногда. Почти самую великую книгу Земли, «Божественную Жизнь» Шри Ауробиндо, им очень часто не под силу прочитать. Она — почти величайшая философия, написанная

еще тяжелым разумом. Над разумом она уходит в сверхсознание. Над разумом и сверхсознанием она парит в бесконечности. Сам Единый — вот его тема. С высшей точки зрения это единственный предмет Знания, хоть его книги обо всем. Книги его выразили не только Единого, но и «Идеал человеческого Единства». О семье всех вер говорит Саи Баба и говорил Рамакришна — совсем величественно, до полных комплиментов. А Шри Ауробиндо говорил о единстве рас и наций будущей мировой не суперимперии, но единения человечества. Это явно очень светская книга. Есть и еще одна подобная — «Человеческий цикл». Этот цикл стартует от экономического и витального, полуживотного существа, только семьи и только денег. Он продолжается в мире науки и религии разума. Она восходит к духовной чистой религии. Это путь к чистому вечному духу, который выше разума, то есть через интеллект, в сверхсознание духа свыше. Эту книгу еще можно прочитать, она чуть сложна. Есть великая книга «Синтез Йоги», ее можно читать. Она тоже чуть сложна, но уже относительно легка. Она величественно упирается ногами в землю, а головой режет Единый навеки безбрежный Абсолют. Это единственное сознание — сознание Единого, его безбрежность и полная воля Господа. Еще там есть осуществление Единения с запредельным Единым, предвечным и Бесконечным духом. Есть еще легче книга Шри Ауробиндо, очень простая — «Интегральная йога». Там еще слова Матери, она была издана здесь из подборок разных книг и писем. Она для тех, кто захочет избрать этот путь, это прочитать, в общем, легко. Некоторые другие книги проще, они еще прекраснее по слогу. Шри Ауробиндо совсем великий и имеет величайшую во многих местах поэзию мира книги «Савитри». Есть его довольно простая книга «Письма о йоге». Она подлинно велика и тоже высока, хотя в некоторых местах ниже. Непомерно велики его книги «Синтез Йоги», «Эссе о Гите», «Иша Упанишада» и «Жизнь Божественная». Они несут самое необъятное знание Бога среди абсолютно всех мистиков мира. Они несут самое обширное видение всего мироздания. Они превосходят всех философов, а философы не хотят их пока даже

смотреть. Но эти книги во многом сложные. Европе Господь не дает его силу изучить сегодня на все сто процентов, Европе это пока не надо очень много. Пусть будет сначала чуть-чуть больше для массы людей — может быть, гуру Шри Чинмой и Бог Саи Баба. Хотя Шри Ауробиндо еще обширнее как мистик. Шри Чинмой — это Учитель Запада ближайших десятилетий, а может быть, и нескольких веков. Его отдал вам Бог. Шри Саи Баба тоже велик и тоже величественно и очень широко будет вместе с ним. Шри Ауробиндо дал самую обширную духовную истину. Это истина Бога во всех измерениях. Но он — новатор: он принес дело преобразования плоти в не скованное грубым законом материи, просветленное и почти бессмертное бытие. Но могут сказать: это — тоталитаризм какой-то секты. А как так, когда Коровин — сам ученик Шри Ауробиндо, а сдает иную мистику, даже, может, чуть больше в начале? Или пишет еще обширный ряд духовных Учителей, и принимает святых всех вер, вы сами оцените. А они все равно скажут: «какой-то тоталитаризм», хотя это совсем против логики. Ибо тоталитаризм принимает только себя и подавляет все остальное, и подавляет все инакомыслие. И Бог жестко осудил тоталитаризм Сталина и Гитлера. И Бог всем правит сам, но Он — не дьявольский диктатор, и потому это — ложное слово.

И велика почти так же, как Шри Ауробиндо, и Мать. Она совсем предана Господу и знает Бога тоже практически больше всех.

ГЛАВА 15. МИРЫ РАССУДОЧНОГО РАЗУМА И МИРЫ СВЕТА

Ну сдал нам Саи, Чинмой и Ауробиндо, зачем нам это? Так все скажут. Зачем это европейским дуракам? Они умнее мистика и мифоплета в сто раз. Хорошо, скоро шквал идет в мир, скоро Европа будет превзойдена. Так это задумано выше. Так это вырастает из мира сего. Над миром ума старого мира есть что-то больше. Европа достигла разума, это ее высшее достоинство было всегда. Она дошла до чисто

светлого интеллекта? Нет. До светозарного, сияющего безбрежной истиной? Тем более нет, не говоря уже о лучах сверхабсолюта над всеми мирами, где все тонет в безмятежном блаженстве, а ниже танец верховного блаженства танцует могучие ритмы, полнящие собою миры и возносящие вас ввысь едиными лучами вдохновения. Этого всего нет. Как будто на крыльях несет кто-то ввысь. Птица-душа в сердце летит в абсолютное сознание, накрывающее мир великими крыльями бесконечности. И Спас спасает, а это еще что-то иное может быть — отождествление с Ним, Одним, кто есть. И это — Моя безмятежная реальность, вечность и бесконечная суть, полная мира. Это за мирами. Это сзади истин более великая Истина. Там реальность раскалена и сияет так светло, будто никогда никому не понять. Это почти солнце расплавлено и расширено по всему простору, совсем ослепительное. Таков может быть бесконечный суперразум. Там, на фоне Единого безбрежного абсолюта, еще может быть прекрасное видение светлого здания. Это явление сверхреальности наружу столь прекрасно, что ничто не сравнится в мире Земли и даже в мирах света небес. Это зрелище сияния ослепляющей безбрежности. И там что-то совершенно красивое чуть выделилось и оттенило радостную, легкую и самую свободную навеки необъятность. Она освобождает навсегда, и ничто не заставит ее забыть. Это было у Коровина видение. Там нет много выделяющегося от бесконечности. Выше Всевышний совсем не имеет форм, бесконечность пустынна и ровна, как ничто. И там уже одни пустыни безбрежного света.

Там, в сверхразуме, можно примерно понять, может быть, нет крыш более высших или больших, чем одно-двухэтажный дом. Нет там таких, как в Нью-Йорке, любимых учреждений торгового денежного центра или мирового доллара. Они и были разрушены Бен Ладеном — демоном, а не слугой Бога. В сверхразуме вечная необъятность уже почти без форм или с малым их количеством. Над крышей мира всего космоса надразума совсем нет никаких высоких крыш. Таков, быть может, на вид сверхразум чаще по образу. Там небольшие формы основательно тонут в пустынном Без-

брежном со всех сторон. Вот и получится, что самый высокий имеет скорее, быть может, невысокие места — только там высота одного Единого безбрежного без образа, это он взметнулся в необъятность. И выше самая колоссальная бесконечность и не имеет образов вообще. Да и там большая часть — одна просторная бесконечность. Конечное невелико в суперразуме. Высь, быть может, не допускает выси. Выси малого. Здесь низкое существо современности пока не принимает необъятности вечного Единого. И он, правда, не совсем явный, этот сверхразум, и все там, в бесконечности, во многом уже тонет. Все далее тонет в Неявленном совсем, а здесь все почти растворилось в абсолюте. Но все еще наружу несколько выходит из него, это на одну пятую явь.

Это все есть, но разум знает себя. Он завоевал свой холм. На холм падает слабый луч отдаленного солнца. Холм разума, свободы и гуманизма, это был холм новой Европы. Солнце стоит за величайшей горой Абсолюта, эта реальность самая великая. Там начата великая безбрежность Единого, которая превосходит все миры и саму Вселенную. А она для людей ложная. И это — светлый образ, но он ложный, скажут все люди науки. Бог знает сам, что разум не верит, он не поверил даже малым мистикам или паранаучным экстрасенсам. И их реальность существует, это тонкое тело и тонкая сила, но выше есть что-то еще. А разве они доросли до той высоты, где теряются и твои собственные черты? Остается бездна безмолвия Бога. Или экстрасенсы требуют растворения в Боге, или паранормальщина просто ведет за столоверчение? Это еще в десять раз сложнее. Но разум не поверит, хорошо, он только не поверит. Но враги светлой мистики или некоторые в Церкви против религий Востока делали недавно черта. Но черный ужас самый страшный на самом деле. Там, в витальном мире тьмы, стоят иногда страшные заколдованные твердыни, железные черные крепости великой черной мощи, равной атомной бомбе. Там есть черные исполины — титаны, Боги тьмы. Они примут образ коронованного иссиня-страшно-сумрачного железного рыцаря. Они полны властного и яростного могущества, это их грозная суть. Они велики, и куда и по-

больше, может быть, людей. (Это Боги — великие Образы Бога все-таки поистине. Но в мире тьмы тоже есть темные Боги, больше человека в несколько раз по росту, хоть их не так много). А этот рыцарь несет корону тьмы или бьет безжалостно без конца, иногда даже до полного конца. Кто-то — даже челюстями ужаса и палицей, превосходящей по заколдованности неотразимых ударов, убьет насмерть хуже Геринга в полтора раза. Это есть не весь ужас, а часть астрального мира тьмы, хотя он весь довольно страшный, кроме полурайской, но еще демонической вершины. Но с именем Бога на устах вы пройдете его и достигните Моих небес и затем — Моей бесконечности. И мир миру шлет Единый. А астральный мир обычно не такой ужасный, хотя и очень во многом жуткий и в основном полутемный, но это еще не все. Есть еще чудовищное черное подземелье, пропасть вечного мрака, где черный мир обычно ужасен обликом. Но туда мало кто идет из мистиков.

И потому мягкий ответ пишет Бог, что все религии — Бога. Все они вышли из Меня и Я через них проявляюсь. Я через их мудрецов, святых и пророков веду мир ко все новому свету. Не дано остановить движение Бога в мире, и Я проявляюсь в разных религиях, мистиках и аватарах. Я творю разнообразие и множественность Единого бесконечного Всевышнего на Земле. Все они — разные краски в Моей палитре, все — разные цветы в одном саду. И да цветет сад единства разных вер, который вырастил вечный садовник. И мир всем верам. И мир великой вере православия, почти самой святой вере мира. Но есть просто мистика Индии выше святости, единства с Богом. Хотя святые ближе Личности Бога и лучше по сердцу своей пламенной любви ко Мне, но мистики Индии и, на втором месте, последователи Будды глубже вошли в бесконечность. И больше всех велик Шри Ауробиндо, и велики Мать, Саи Баба и Шри Чинмой.

И правда, темный астральный мир часто и есть мир труднопередаваемой жути и грозного черного могущества. Да не такой он совсем, скажут люди нового века. Ну и правда, иногда там можно мирно блуждать в труднопроходимых трющобах или в замкнутых лесных чащах, где каждый вы-

бор из двух дорог не лучший. А где-то даже и истерзают вас почти насмерть безжалостные убийцы света. Это иногда, но часто там получше. Хотя там во многих местах нередок почти вечный бой. И это самый низший мир тьмы, дно витального или астрального плана дьявола. Там серый туман и печальный сумрак, и жуть часта, иногда трудновыразимая. Но есть там и лирические красоты, и чем выше, тем больше. И кораблики с парусами, очень романтические, чуть парят над морем, или восходит огромная луна над заколдованным городом. И на высях там соблазны, и удивительные и притягательные красоты, и полусвет. Там красочные и немного радужные соблазны высших демонов, и иногда свет их тянет к себе художественных натур. Там довольно красиво, воздушно и радостно, и некоторые демоны светятся. Но там — мир тьмы, и нельзя его любить. Но не бойтесь ничего. По воле Бога вы пройдете этот мир, и крылья защиты над вами всегда. И не бойтесь этих грозных сил, внутри у вас есть часть вечного света, и над вами есть Величайший, кто есть. Он и пишет это слово.

И мирно скажем церкви, что все религии Бога. И мир всем старым верам, но кое-что новое приходит в мир. Это религия трех лидеров Индии идет в реальность, и Запад будет превзойден. Он дорос до разума, он взял план интеллекта рассудка в старые годы. Это были Рене Декарт, Кант, Гуссерль и неокантианцы. Но над рассудком просто интеллектуальной мысли есть разум мысли более высокой. Возвышенный разум — мир мысли философов Бога и тех богословов, кто не знает Бога наяву. Это у них свободный и чистый мир высокой мысли. И он возвышен, обширен и величав, но он еще не знает Бога. Хотя он свободнее и величественнее. Но он не видит то, о чем пишет.

Европа взяла схоластику. Она взяла ее рассудок и ее возвышенный разум — немного более высокий, разум философов Бога и Абсолюта. Это разум средневековых схолистических мыслителей Ансельма Кентерберийского, Фомы Аквинского, Петра Ломбардского, Альберта фон Больштедта и немного Дунса Скота. Европа взяла еще возвышенный разум древнегреческих философов Парменида и Платона и

мыслителей новой Европы или средневековья Лейбница, Спинозы, Христиана Вольфа, Гегеля, Григория Нисского, во многом Аврелия Августина. Она взяла и возвышенный разум русских философов серебряного века Владимира Соловьева, Павла Флоренского, Сергея Булгакова или Семёна Франка. Она взяла, конечно, разум науки. Она знает физику лучше всего, хуже — биологию, ибо там уже есть тонкое тело, у животного. Человека она поняла немного скудно, сегодня это еще не вполне наука. Да это в Европе, в общем, знают и сами, что это — не полностью наука, так как человек гораздо тоньше. И они вовсе не знают Бога в опыте. Европа взяла просто рассудок — это мыслители Рене Декарт и Иммануил Кант, Риккерт, Виндельбанд и Спенсер. Россия же не имела могучего интеллекта, кроме как в серебряном веке. Но в этот краткий миг у России был высокий ум, повыше большей части даже новой Европы. Ибо он мыслью тоже смотрел в Бога, а в Европе многие любили одну материю, плоть и жизненный инстинкт. Это случилось после Канта и Гегеля. Но европейский разум в целом мощен, иногда высок и свободен. Он выше просто веков варварства и тьмы животного в человеке. Были и там философы Бога и Абсолюта, и даже много на протяжении веков. В России, кроме этого серебряного века, мощного разума было немного. Но она была сильнее другим. Были ее высокие святые Сергей Радонежский и Серафим Саровский. Очень высока очень ее святость. Велики ее писатели XIX века и высоки ее философы Бога начала XX века. Мистик света ее Елена Рерих и немного Пушкин, даже еще чуть выше, хотя философия Елены Рерих не Бога, а сил света. Но они — мистики, пережившие дивный божественный свет наяву. Еще выше — святые Сергей Радонежский и Серафим Саровский, преданные слуги Бога. Они изведали белое царство сияния. Или это православный мистик Софроний (Сахаров), который изведal божественное сострадание и раз-два прикоснулся к Абсолюту. А он в юности шел по пути йоги, и это, наверное, тоже сказалось. Высок свет Варсонофия Оптинского, который читал человека как раскрытую книгу. И это сфера знания интуиции, которая есть у тысяч людей в стране,

хотя существует более высокая интуиция видения Бога и видения даже Моей светлой бесконечности. Это знает этот мистик Коровин.

Об этой книге Бога могут сказать очень плохо. Но этому Коровину безразличны похвалы и порицания. А эта книга Всевышнего, и почти величайшее свое сознание послал Бог в мир. Это сознание полного посвящения Богу, сладостной любви и самоотдачи Ему и слияния с его бесконечностью. Это видение почти всех миров здесь и Величайшей Реальности над ними. Эта книга видения Бога и единства с Ним. Эта книга знания Бога в его личном и безличном аспекте. Это непосредственное знание Меня как необъятной тайны великого бытия и как двигателя всех миров. Это вечный Бог послал свое могучее слово впервые в мир после Корана. Но все религии — волны из океана Бога. И святая вера церкви — Мой белый храм и Дом в мире. Но есть и мистики Индии и, немного меньше, буддизма, единые с необъятностью.

Высоки мыслители серебряного века и еще больше — мистики и святые России. Высок еще мистик России — ученик Шри Ауробиндо Николай Сант. Он уже влился в необъятность вечности. Это сфера бесконечного бытия и чуть и бесконечного Единого. А Я и есть вовеки веков беспредельный Всевышний, Отец и создатель мира и миров и высочайшее непревосходимое бытие.

Этот мистик Коровин очень любил философию много лет. Он проклял Сталина своей ранней юности мрака и отправился в годы Совета еще в западный мир философии. Это было очень для него занимательно — прочитать почти все их книги. Или в светлом воздухе пустоты (правда, сложных абстракций) вести мыследиалог с Кузанским, Гуссерлем, Декартом, Лейбницем и Гегелем. Там жернов метафизики танцует в воздухе отвлеченного аргумента и мысли. Там он перемалывает заключения ума или сотни слов о Боге и о мире, плетя свою пряжу вечной абстракции. Это высокие гении мысли Бога или самого интеллекта, титаны европейского разума. Их ум высок, полусветел, поднят над миром, силен и свободен. Часть из них — это Мои мыслители, люди высокого умоз-

рения. Но они не знают Бога, кроме, немного, Кузанского. Они играют словами и понятиями и выдумывают наполовину из них концепции, но они не знают наяву.

А Бог достигается через самоотдачу и преданную, нежную, сладостную любовь и через чистую медитацию. Он познается через поклонение и чистую, свободную от всех желаний, бескорыстную в общем любовь. Он познается через посвящение Мне всех мыслей и дел. Он познается через концентрацию на Мне и повторение Моего имени. Он познается через вручение себя Мне и через различные медитации. Медитация в сердце с поклонением и любовью Богу будит вечную любовь. Она сделает вас счастливым и когда-то унесет далеко-далеко, в Мои вечные владения. Медитация отсутствия мысли даст тишину и покой, что и есть малое отражение тихой необъятности Бога. Медитация третьего глаза, посвященная Мне, даст миры. Сначала придет мир тьмы, а потом — и сияющие, светлые и блаженные царства Моих небес. Медитация бесконечности и полное сосредоточение на Мне даст единство с Моей необъятной тайной. Бог будет узнан, это и есть великая цель всего. Он познается в видении его форм — Богов в четыре-десять раз выше человека. Или, дальше, видения Моей светлой бесконечности без лика. Он познается в видении той выси, где величайшие Лики и бесконечность едины. И он познается в отождествлении с Моей бездной невыразимого, с необъятным абсолютом тишины. И он познается в любви и самоотдаче Всевышнему как всемогущий Отец, Зодчий и перводвигатель реальности. Это океаны силы и великое всезнание Бога, а не только океаны покоя и тишины. Это величайшая личность и верховная реальность.

Так и любил мистик Коровин высокую силу мысли философов. Но непосредственно изведенной истины у них он не нашел. Позже Шри Ауробиндо дал ему дорогу вверх, это было восхождение над разумом с ходу.

Европа взяла разум Спинозы, Лейбница, Гегеля и Соловьева. Этот разум лучше просто рассудка, он смотрит в Единого на выси возвышенного ума. И это — просто духовный, но еще абстрактный интеллект. Он интеллектуально

любит дух и иногда интеллектуально созерцает Бога. Просто рассудок не любит этого, там этого почти нет, но схоласти верили в Него и обязаны были писать о нем. Они по форме речи и мысли из мира рассудка. Но некоторые, как Фома, Ансельм Кентерберийский или, может, и Дунс Скот или Петр Ломбардский, любили Бога по-настоящему. Книга Фомы Аквинского — трактат святого гения богословской мысли Европы. Его книга «Сумма теологии» выше ума рассудка по духу, хотя по интонации — чисто формальные схоле и доказательства без конца. И ангелы на кончике пера проявились как не имеющие образа и тела. Но у них есть светоносное тонкое тело, знает каждый мистик. А там, в Библии, ангелы имеют светлый облик. Это так и есть, так сам Бог в образе сияющего человека на троне осеняет мир и даже гулял по раю. Так вот и свою Библию он и накрыл тетрадкой умозрительных выдумок или промолот через жернов умозаключения ее слово. Но он — высокий святой, истинный и приятный богослов, ваш друг Бога, знаменитый Фома Аквинский. Можно им в некоторой мере и восхититься. Но ангельским доктором он все же не был, ибо видеть ангелов, как и Бога, надо непосредственно. И вряд ли он их лечил, раз не видел даже одного. Он — только высокий хороший мыслитель. Но это — высокий хороший разум, высокий философ Бога. Он — святой гений католического богословия. Но эти умы не видят, они только выдумывают во многом мир в своих концепциях. И каждый доказывает излюбленный ему тезис ошеломительно сильной логикой. Но века Греции и Европы — это была вершина человеческого разума. Это величавый, высокий и сильный ум, но он часто не знает того, о чем говорит, наяву.

Возвышенный интеллект — это мир свободных концепций. Далее начинает свободно танцевать свет и петь песни любовь, разум молчит в недоумении. Его свобода будет превзойдена. Но высшая свобода достигается железной дисциплиной вечности. Она достигается полной самоотдачей Единому. Любовь разума к рассуждениям будет превзойдена вечной любовью. Витальное счастье человека (его и знает ум) будет заменено вечным блаженством. Нынешняя свобо-

да есть свобода самоудовлетворения. Она есть рабство греху, сказал Христос, и он во многом прав. Будущая свобода будет освобождением от порока и всех зависимостей, это будет удовлетворение Бога. Бог найдет удовлетворение в вас. Он есть внутри, он будет осуществлен свыше, а вы найдете удовлетворение в нем. Свобода не равняется беспощадному рабству у зависимостей. Свобода — это победа над смертью. Истина — это победа над бессознанием. Кто отдал себя Богу, будет когда-то очень высок. Он поднимется очень высоко и он будет выше зависимостей. Но он не должен мнить себя великим и пусть завоюет смирение, ибо Бог бесконечно больше его. И только методом растворения своего «я» в Нем он познает необъятность и станет ей. Он сольется с океаном покоя.

Вот и дальше Европа росла уже у Хайдеггера. Она вошла над интеллектом в зону чуть смеющейся поэтики, брызжущей смехом изнутри. Он лишь слегка был блаженным. И дальше этой светлой поэтики озарения так и будет. Блаженство Бога будет литься основательнее. Затем придет Моя необъятность. Вы сольетесь с ней и станете ею. Но Хайдеггер в своем слове нередко касался озарения. Озарение — это не мир мысли, а мир света. Озарение видит не самый великий свет. Озарение поет в красоте. Озарение танцует в небольшом блаженстве. Выше блаженство мощнее и свет чище и белее. Но озарение приносит высокую светлую поэзию, которая выше интеллектуальной книги, и он ее иногда выражал. Она выше сложных тяжеловесных абстракций разума по форме светоносного, прекрасного и полубожественного слова. Но оно еще не вполне истинно здесь. А у Хайдеггера радость была еще скрыта. Она была, может, глубоко внутри. Снаружи — мир легкой красоты светлых звездных обликов живописца пера. Это образы света и сияния в том числе есть у него. Это и есть образы озаренного мира. Но блаженному смеху истины еще не совсем подобен почерк Хайдеггера. Это касание красоты озаренного мира. Он и отправился в рай поэзии, и сказал: мыслитель, будь поэтом, поэтом мысли. Это была светлая поэзия Хайдеггера. Она явно указала в древность — греческую, до Платона. Скрыто она указывает на Восток — но явно еще мало. Хотя,

по сути, он — тоже немного гений Безличного. У него — просто подъем над разумом и не полностью в истину Бога, а мистичной, озаренной поэзии и мысли. Хайдеггер иногда уже, правда, поэт озаренной сферы. И, видимо, он видел божественный свет, ибо часть его изречений насыщены им. Мистики света и страны озарения, или двух миров немного выше — Рерихи, Пророки, Толкиен и Годфри Кинг. Рерихи довольно светлые, и мистический огонь своими молниями и звездами пронизывает пространство. И это сфера огня и божественного света у нее и ритм озаренной или интуитивной речи или красивых сверхрассудочных образов. Особенно красив он у Пророков и, в некоторых местах, у Андреева, кто видит и выше.

Но выше есть Бог, и мистики озарения его не знают. Это величайший учитель всех миров, великий владыка и безмолвный океан реальности. Познать Его — самое высшее. Он выше даже света, хотя он и есть безбрежный свет. Но Рерихи любят огонь сферы озарения или миров прямо над ним, и видели его не раз, и Пророки тоже. Они называли его сферой фиолетового пламени, и хотя озарение в основном золотое, но все же они видели его или миры немного выше. Фиолетовый скорее ближе к миру голубой нижней интуиции. Это их силы огня и могучих волн света, как и у Рерихов. Пророки еще с Богом, и знают они немного и высокую интуицию. Эти учения, как и Толкиен, и Годфри Рей Кинг, были явно посланы в мир от ангелов света. Скрыто они были посланы от имени Матери мира. Но Рерихи без Бога, и такое учение тоже пришло в мир. Оно пришло от владык солнечного берега света и его дивных форм. Это книга ангелов и светлых божеств. Но выше есть Единый, и они его не знают. Именно он — основа всего. В нем все рождено и в нем все растворится. Его бесконечность самая великая. Все разрушается, Я есть вовеки. Я выше всех сил и миров. Я, величайший, движу всем. И познать Бога — это разгадать наивысшее. Любовь и преданность — это мост к Моему вечному бытию, и они подарят блаженство. А потом, после медитации бесконечности и победы над малым «я», придет Моя необъятная тайна. И океан молчания будет вами. Это и есть

вечность. Это и есть бессмертие. Любовь отворит дверь в тайный грот в сердце, и там вас ждет бессмертие. Ибо там — частица Бога. Это капля любви и блаженства, и она есть навечно. Она пришла из Бога и когда-то уйдет в Бога. Она ничем не разрушима, и рождение и смерть оставляют ее незатронутой. Это — частица Бога. Это Наивысший ждет ее в свои объятия. Ждут человека белые крылья души в сердце, а потом — и Моя необъятность. Это верховное сознание выше крыши мира и всех миров. И поэтому ищите Бога. Мистики света тоже есть, но выше есть Я. И Мой быстрокрылый белопарусный корабль привезет вас в океан бессмертия, если вы предадите себя Богу и будете любить его больше всего. Это великий океан покоя и молчания. Вы сливаетесь с ним и становитесь с ним одно. А выше есть еще сам Всевышний, не только океан покоя, но и всемогущий Господь. Оттуда Я рождаю миры и движу ими.

А озарение — мир света и золотого огня. Он видим уже наяву, и все эти мистики, как и немного Пушкин, знали это. Они обычно видели не самый высокий свет. Хотя это уже золотое, или голубое и серебряное, до средней интуиции, по-выше немного, но именно божественное пламя. Хотя оно еще не абсолютно высоко. Выше — белый огонь Бога. Выше свет ярче и чище. Он достигается полным посвящением Богу. Он достигается полным отказом от малого эгоизма и преданием себя Мне. Он достигается чистой, светлой любовью к Богу, которая хочет любить его одного. Он достигается и высокой медитацией, но она поглощена именно Мной. Хотя медитация вначале может быть другой — тишины разума и света в центре лба. Но позже только Бог будет влечь вас. И любовь и предание себя Единому и есть путь к Богу, а выше она заменяется на единство со Мной. Капля малого «я» тонет в океане и становится им. Вы вливаетесь в бездну покоя и тишины, и медитация тишины ума здесь тоже поможет, а медитация на свет и пламя свечи — уже нет. Выше вы поднимаетесь в сверхразум и познаете самого Всевышнего.

И Хайдеггер был мощным мыслителем Европы, но он проделал окно в мир светлой поэзии выше разума. Так и было, но Европа его не приняла. Он хотел истины безличного и по-

этичного Бытия, которая была бы светом Европы. Это были мысль и поэзия. Сквозь поэзию у него не во всех случаях видны само То и Тот, что есть реально. Но его поэзия была светлой. И вот Европа его не приняла, хоть и признала. Некоторые философы считают его великим мэтром и иногда цитируют, но они сами провалились вниз. Он хотел увести над разумом в свет поэзии. Он стремился уйти в светлый миф об уже загадочном, светлом сокрытом Бытии. Это — его безличный образ Бога, хотя наяву он его познал не очень много, но все же познал. Он и был гением-философом, поэтом света и сверхрассудочной красоты, иногда — и мистиком слияния с Абсолютом. О покрытом тайной вечном Бытии и его просторе он немало писал и был этим сотни раз. Он по духу часто и есть мистик-поэт Безличного Бытия. Он взошел над техникой, наукой и разумом. А они дружно провалились под разум. Они провалились в витальную жизнь страсти.

Это Ницше, власть и ее воля. И пробил час боя, и пляшущий от восторга жизни сверхчеловек, танцуя, идет крушить мир морали и сокрушать врага. Это Фрейд с его подземельем смутного подсознания эроса. Там мир, по учителю Эдипу, хочет совокупления с матерью. Это и Маркс, экономика или хитрый разум собственности. Это необъятный аппетит — «владей вещами и долларами», и тем более побивающая ее битва и диктатура пролетариата. А у него это основа разума. Это посленицшеанский мир витальных философов. Это и страна марксофрейдистов вроде Маркузе и Адорно. Там власть — тоже основа разума. И там разум — уже тиран, к усмешке тирана, подавившего разум. Вот под шкурой и под шкурой инстинкта, без Бога или хотя бы закона ума и морали, жить было бы холодно и ой как неудобно. Но знатоком этой нижней философии, вообще-то, не надобно быть человеку. Если уж изучать философию, то лучше высшую. Лучше Декарт, Кант и Гуссерль, и еще лучше — Булгаков, Гегель, Спиноза, Лейбниц, Фома Аквинский, Соловьев, Парменид или Платон. Первые философы интеллекта, они уже выше инстинкта Ницше и Фрейда или классовой борьбы Маркса. Вторые — философы Бога или вечного бытия, и они еще выше.

Но истина все же иная, в тысяче форм Одна, золотыми буквами Единого написана. Это истина знания Бога. Она не достигается разумом. Она не достигается логикой. Она достигается самоотдачей Богу и чистой, светлой любовью к Нему. Она достигается полным посвящением Мне. Она достигается преданным служением Мне. Она достигается концентрацией на Боге, на Моей вечности и бесконечности. Она достигается святостью и чистотой. Она завоевывается и медитацией. Медитация любит свет и покой или тишину внутри. Медитация любит любовь и блаженство в сердце. Выше она любит Меня. Тогда двери видения распахиваются. Бог уже — не только вера, он изведен вами немного. Выше распахиваются двери необъятного бытия. Тогда вы знаете Меня. Вы едины с бездной тишины.

Но философия XX века провалилась вниз, в витальный мир. Это и экзистенциалист, помимо религиозного. Это тоже жест витализма вниз, и Сартр исполнил танец желания на подмостках философии. Там ради обладания и желания своего живет человек. Это и есть для него подлинное бытие. Или это — похлебка садомазохизма и тошнота, усталая от бессмыслицы бытия. Это все и есть витальный разум, ибо астральный мир желаний всегда и был. Некоторые из этих философов любят Хайдеггера за удар по разуму, но глядят не выше интеллекта, а ниже. Вот этот Хайдеггер прошел мимо. Далее — только Единый Бог. Ибо теперь сам Бог движется на крыльях вечного света в мир. Придет на Запад сила любви к Богу и единства с ним. Ее принесут великие мистики Индии. Они не вытеснят старую религию, но заключат ее в братские объятия. И расцветет немного уже прекрасный сад единства разных вер на Земле. Немного, ибо старые религии не любят порой ничего, кроме себя.

Ниже единства с бесконечностью есть свет золота озарения. Это еще светлая поэзия ритмов света и его переливов. А там есть свет-сила в озарении, и это страна радостно-золотого света. Там и был Хайдеггер своими светлыми поэмами и мифемами, немного мистичными. Но выше высшей поэзии озарения есть мудрость. Выше света озарения есть знание. Мир — это интуиция. Она, между прочим, здесь есть,

ибо это — диктант вечного знания, а не домыслов и гипотез ума. И по форме слова эти — поющие стрелы света, которые вы читаете, кратчайшие где-то, — это она. Но это и есть мир высокого интуитивного сознания о Боге.

Выше разума горит и сияет свет, и вот поэт любит свет. Золотой город Бориса Гребенщикова отсюда. Это сказочная страна вечности в явлении наружу. Мир озарения и есть отчасти золотой город, это страна золотого света и исполинских небесных градов. Там могут быть увидены белые соборы, например. А сколь много светлых тайн и красот там есть! Но самая вечная цель — не миры, они не выведут из игры; цель — Единый над ними. Цель — слияние с Богом. И путь ко Мне — самоотдача и любовь, и, чуть меньше, медитация. Любовь введет в сияющую блаженную и святую близость к Богу. А самоотдача, растворение «я» в Едином и медитация Моей бесконечности дадут Мою необъятность. Вы будете счастливо и самозабвенно любить Бога, а потом сольетесь с Моей бездной молчания. Это — невыразимая реальность, пустынная бесконечность Единого. Выше это океан более плотного покоя. Но Бог еще и всезнающий, всемогущий мудрец, который скрыто движет мирами. Он и есть Отец и начало всего, и он скрыто разворачивает или создает миры. В бесформенной бесконечности вечная воля желает проявления, и являются бесчисленные миры, полные форм и образов. Они выходят из Моей необъятности. Когда вы желаете Бога, и одного Бога, вы должны пройти обратно сквозь эти миры. Вы должны вернуться в Мою бесформенную бездну, океан покоя. Тогда вы станете безбрежны и вечны и понесете Мою волю в мир.

А золотой город принадлежит светлой цивилизации ангелов. Это — ангелы, а не Боги. Те великие Боги — сам Бог. Выше них — Я сам, безбрежный Один. И надразум — это мир великих Богов, образов Единого. Далее — безличная необъятность Бога. Выше, в сверхразуме и дальше, — величайшая всевышняя Личность. Она правит всем из своего непобедимого всезнания. Это — бесконечный Всевышний без форм, величайший. Он — и наибольшая реальность, он — и Господь и владыка всего. Он — самая великая

бесконечность. Он — творец и покровитель всех существ и всех миров.

Выше зрелища света и поэта света озарения есть мир знания. Там видят все наяву. Там над озарением начинается истинное знание. Там начинается мудрость. И, чаще немного выше, мудрость проникает в Единого Бога или у кого-то — просто в Абсолют. Это миры знания выше рассудка: молния света и молния истины прямого знания попадает в цель. Над озарением и нижней интуицией идут в основном и миры святости, которая полностью поглощена одним Богом. Она любит Меня больше всего. В счастливом забвении себя она преклоняет голову пред Моими ногами. Она цветет в розовом кусте любви и блаженства в сердце. Ее песня и сладостное имя на ее устах — один Бог. Она видит Бога и прикасается на срок или на сто раз, скажем, к единству с Ним. Выше медитация полностью растворяет себя в безбрежности. Капля малого «я» тает и сливается с океаном. Это — высь надразума.

Приведем несколько изречений красот слова поэтики Хайдеггера. Она уже краше и выше рассудка. Он сказал: «Это превращение речи в почти потаенно журчащий песенный отголосок несказанного сказа». Он сказал: «Ночь-швея звезды шьет». «При этом повороте внезапно высветлится свет бытийной сути. Внезапное просветление есть молниеносная озаренность. Она являет собой в принесенной и явленной ей прозрачности. Когда при повороте опасности молниеносно озарится истина бытия, высветится существо бытия». «Озарение по звучанию и смыслу родственно зрению. Через зрение и в качестве зримой вещь выступает в своем собственном свете. Пока длится свечение этого света, зрение хранит зримое им в стихии изначального озарения... Когда совершается прозрение, человек задет в своем существе молнией бытия. Прозрение озаряет человека». Сияющий свет и есть сущность полного красот мира озарения. «Разглядим ли мы молнию бытия в существе техники? Молнию, которая приходит из тишины и сама есть тишина. Безмолвно озаряющая тишина. Что она озаряет? Она озаряет мир, неслышно полня его существо бытием». Это последнее изречение уже выше озарения. Оно выражает опыт непос-

редственного соприкосновения с вечностью Бога. Он и похож на великий океан тишины. Хотя он — и всемогущий, всевышний Господь всего, и этого Хайдеггер уже не познал. Но он — высокий светлый философ-поэт и даже мистик Европы XX века.

Хайдеггер изрек: «Одержимость целями спутывает ясность готовой к светлому ужасу робости жертвенного держания, отваживающейся на соседство с Нерушимым». Он произнес: «Четверица, Небо-Земля-Боги-Смертные, ею полнится сверкающий круг зеркало-игры мира». И это — озаренные образы поэта светлой красоты. Они у него иногда прорезают молниями и искрами света научно-техническую ночь мира Запада, так ему. А эти образы прекрасные иногда, так, как здесь, но их не так много и они не несут еще вечного знания. Тем не менее он — иногда довольно высокий поэт озарения, несколько соприкоснувшийся даже с вечным бытием наяву. Его и надо знать не разумом, а он так и думал. Но он хотел иногда поймать его через слово высокой поэзии, а так тоже еще не совсем найдешь. Но эти слова приходили к нему свыше искрами и иногда молниями. И его была его речь высокого философа и, выше еще, мистика-поэта небесных красот озарения, а не полностью еще всегда, реальность вечности. Но он все же не раз прикоснулся наяву к бытию Единого. Он описал это ничто светлой ночью, которая скрывает и таит бытие. И это его опыт единства с Богом. Но он был и сильным величавым мыслителем, и немного поэтом высшей красоты сверх рассудка.

В озарении были Пророки и Рерихи и немного Пушкин, они видели свет и силы света озарения. Они писали прекрасные гимны ангелов и небесных миров. Хайдеггер же иногда был поэтом этой сферы — и прекрасна, скажем, его «Полевая дорога». Вот его слова оттуда: «Настоятельный зов проселка пробуждает в людях вольнолюбие — оно чтит просторы и не преминет в удобном месте перешагнуть к светлой радости, что превышает все. Радость ведения — врата, ведущие к вечному. Их створ укреплен на петлях, некогда выкованных из загадок здешнего бытия кузнецом-ведунном». Таких у него все же еще не очень много, он — больше мыс-

литель. Но это слова света и красоты и светлой радости озарения или отчасти и выше. Они уловлены ухом поэта из света озарения. И он лично знает Безличного Бога наяву.

Хайдеггер хотел выйти мыслью за предел этого мира. Он назвал его сферой Сущего, которое исчисляет наука. Это познание через расчет, исчисление и логику. Это — не самое подлинное познание. Но за пределами «сущего» лежит таинственное бытие, которое и есть исток мира. Это бытие нельзя познать логикой. Можно выразить его тайну и свет только поэзией и поэтической мыслью.

На самом деле это и есть Безличная сторона Бога, которую знает Восток. Он знает его уже в полноте опыта. Он полностью сливается с ним. Он погружается в океан тишины и становится им. Это и есть метод подлинного знания. Это величайшая реальность, которая и вправду лежит вне физического мира. Но это — не только Безличное таинство бытия, это еще Всевышний Господь. Безличного или океан покоя знают на Востоке, а Верховную Личность любят религии Запада. Они познают ее многие грани. Полностью знает Бога Шри Ауробиндо.

И правда Хайдеггера, логикой Это не познать. Он сделал шаг чуть выше и хотел познать Меня или Бытие светлой поэзией. Эта поэзия одарила его иногда небесными красотами слова, неизвестными западной науке и философии. Он думал, что не мысль должна нахраписто влезать и силой постигать бытие. Он думал, что мысль должна отдаться бытию и позволить ему собой завладеть. Тогда его свет сам придет к мыслителю-поэту. И небесные поэты так ловят слово высшего мира света и небесной красоты. К ним оно приходит через вдохновение свыше. Это часто и есть озаренный мир света и красоты. Так к Хайдеггеру и пришла красивая небесная поэтика. Так он поднялся выше рассудка Европы. Но все же Бога даже так не совсем познать. Вечное бытие и Всевышнего познают в опыте. В нем человек выходит за пределы рассудка и даже небесной поэзии. Он видит безбрежный свет Бога наяву. Затем он сливается с Моим океаном тишины. И в своей полноте он постигает Бога и как Всевышнего Господа, владыку и исток всех миров. Это всемогущий, милостивый

властелин сущего, чья воля движет всем. Хотя в немалой мере Хайдеггер знал Безличного Единого наяву. Он — действительно высокий мистик Европы.

И прав он, что бытие вне физического мира, вне его «сущего» несколько напоминает Ничто. Это и есть Безбрежный абсолют, который напоминает пустынную бездну молчания. Немного он напоминает нирвану. А Бог — не только нирвана, но и всемогущая сила, что движет все. Я — еще и бесконечная личность. Я и есть океан света, могущества, всезнания, блаженства и покоя.

Гребенщиков — высокий поэт и певец светлой красоты и даже нередко самого Бога. И его стихи Я приводил как образец высокой небесной музыки и песенного света озаренного разума. Но в начале пути, в 1981–1982 гг., он был под угрозой овладения дьяволом. Там была, правда, его уже красивая волшебной красотой, хотя еще мало озаренная светом озаренного мира «Акустика». Это прекрасный волшебный альбом самого высокого витального мира, ибо на всых этот мир красив. И там он немного предвосхищает в своей чарующей красе более поздние песни уже явно ангельского света. Но ряд его альбомов того времени тяжелого рока, грубой тяжелой музыкальной мощи и грубого стиха. Это половина «Электричества», половина «Треугольника», полностью «Табу» и почти весь «Арокс и Штер» или «Электрошок». И вот тогда мог войти через его музыку в мир дьявол. Но он был по сути светлой душой, любимцем ангелов и богов света, и потом его музыка стала светлой. Она стала прекрасной, мелодичной и спокойной, а в этих альбомах звучали ярость и иногда пошлость. Пик воздействия света и красоты озарения и иногда высокой интуиции начался у него с его уже совсем полубожественного альбома «День Серебра» 1984 года. Там начались его самые светлые в стране песни. И этот же озаренный с его светом и красотой и, поменьше, интуитивный (полного отречения пред Богом или основательного и видения Бога, или его мистического выражения) разум иногда присутствует в некоторых песнях «Равноденствия», части «Детей Декабря», части «Ихтиологии» и ряде других его песен конца 1980-х — 1991 гг. Они —

волшебной, почти дивной красоты, хотя не все еще Бога. Но часто это светлая любовь и стремление к Богу, страстная жажда познать его. Нередко его песни этого времени даже выше озарения. А позже, после 1991 года, он взошел еще чуть выше, в мир высокой интуиции. Он стал воплощать святые и прекрасные песни и прозрения нирваны и еще больше — самого Бога. Это особенно песни «Навигатора». «Навигатор» — великая и прекрасная музыка Бога. Он сказал где-то в 1991 году: «У меня было видение хрустальной стены, через которую мы должны пройти». Причем некоторые члены его ансамбля пройдут, а другие — нет. Это и был переход из мира озарения во многом в мир высокой интуиции. Вот его видения Бога, которые возможны и на этом уровне: 1) Хрустальная стена и пламя бесконечной зимы. Это белая высь надразума, просторы белого света, где лежит безбрежный Абсолют. 2) Великий дворник в полях бесконечной росы — это один из великих Богов надразума в просторах необъятного бытия. А после 1990-х гг. он слился с Богом, и некоторые его песни 2000-х гг. выразили уже и это. Они стали еще выше — хотя они уже в два раза менее прекрасны. Многие его песни чаруют неземной красотой поэтического небесного стиха, а то и стиха самого Бога и Вечности.

Вот два его фрагмента озаренной поэзии света и небесной красоты:

И белый тигр молчит, и синий дракон поет...

И если стало светлей, то, видимо, он

(Иван Бодхидхарма) уже здесь.

И мы знали, что для нас поет свет.

Вот его слово из сердца любви к Богу и высокой интуиции:

Смотри, Господи, от крепости к крепости страх,

Господи, мы, дети, у тебя в руках,

Научи нас видеть тебя за каждой бедой,

Прими, Господи, этот хлеб и вино,

Смотри, Господи, вот мы уходим на дно,

Научи нас дышать под водой.

И в альбоме «Навигатор» 1995 года, и в немалом числе иных божественных песен 1992–1997 гг. Гребенщиков взо-

шел уже явно выше озарения. В песне «Навигатор», например, он выразил самого Бога в его всюдусущном бытии. Он немного выразил вечность человека, каким он будет, когда сольется с Единым. Позже он почти слился с Богом. Вот его строки этого времени о непосредственном познании Бога:

День в доме дождя,
Лед и пастис.
Если мы не уснем,
Нам не спастись.
А я пришел сюда сам,
В дом тишины,
И если ты спросишь меня,
Я отвечу на все словами луны.
Я искал тебя столько лет,
Я знал, что найти нельзя,
Но сегодня ты рядом со мной,
В комнате, полной цветов, в доме дождя.
А я пришел сюда сам,
И мне никуда не уйти,
Потому что именно здесь
Сходятся все пути.

«Если мы не уснем, нам не спастись». Если не уснет ум и не умрет малое «я», то океан тишины Бога не будет познан. Ты, которого он искал столько лет, — это Я, Единый. Он ответит ему «словами луны», ибо нечего говорить в безмолвии тишины Бога. Пути всех религий сходятся в Боге, ибо он — начало и конец всего.

Как правая нога следует за левой ногой,
С тех пор, как я знаю тебя, мне не нужен никто другой.
Говорят, что тебя нет здесь; я слышал, ты здесь, в стороне,
Но если бы я не мог достучаться до тебя, я думал, что дело во мне.
А те, кто говорят, что не знают тебя, только ты их можешь спасти,
Ты дал мне этот мир как игрушку, нахожу его в целости,
Нахожу тебя в нежности ветра, в каждой набежавшей волне,
Я даже не думал, что такое возможно, я не думал, что дело во мне.
И я — Сын и Отец,
И мы с Тобой — одно.

Эти последние песни уже выше озарения. И высоки светлые поэмы озарения, но надо не остановиться на этом ограниченном свете и достигнуть Всевышнего. Путь ко Мне — это самоотдача и любовь, отданная только Единому. Это полное посвящение Всевышнему и медитация на Моей бесконечности. И когда-то вы войдете в сияющую близость Бога, узрите Меня и сольетесь со Мной полностью. Озарение — тоже сила высокой небесной поэзии, но прежде всего это мир видящих свет. Выше идут полная самоотдача Всевышнему и дивная, блаженная любовь только ко Мне. И эта любовь струится как счастливый любовный нектар преклонения перед Единым, но она любит и все существа. И все ей — сестры и братья. И выше видения малого света приходит видение бесконечного Всевышнего. Выше света есть слияние с океаном тишины и полное познание Бога как тоже бесконечной личности.

Но и Хайдеггер был высоким мыслителем Германии с вмешательством света и красоты поэтики озарения тоже. И он знал Безличного Бога, и это уже выше озарения.

Итак, за озаренным поэтом, но и за первым мистиком нового поколения Хайдеггером должна прийти в Европу плеяда мудрецов-мистиков.

Мудрец знает Бога наяву. Он все время един с ним. Его речь исходит из этого знания и рождается непосредственным опытом и видением наяву. Этот мудрец может сегодня и, еще больше, скоро быть, он уже был бы великим бытием и голосом интуитивного знания. Он был бы голосом цивилизации мудрецов, познавших Единого. И не Господь то, но безмолвный безличный Брахман. Это и дал им Всевышний. И вместе с ними есть собрание вечных слуг Единого; это мало — воплощений самого Безмерного благого Всевышнего на Земле. Это Саи Баба, он велик и вечен, и он — Бог. Это Шри Чинмой, великий учитель и дивный поэт Бога. Это самый великий Шри Ауробиндо с великой Богиней-аватаром Матерью.

И здесь Всевышний хочет на сей раз чуть сбить спесь с Саи Бабы. Я все время писал, что он — аватар, а сегодня хочу сказать, что он — не полный аватар. Он — примерно Христос. Он тоже творит чудеса и он — ограниченный, хотя

и мощный Бог надразума из его Богов. Кроме того, в нем, как и в Христе, есть Абсолют, но он не совсем беспредельный. Он, наверное, метров пятьсот. Люди, которые сливаются с Богом полностью, имеют совсем беспредельный Абсолют — от горизонта до горизонта. Как Шри Ауробиндо, например. Он — полный аватар, как и Шри Чинмой. Так же и Кришна, но Кришна хотя и выразил Всевышнего, но его сознание больше из надразума. Он описал космическую бесконечность, бесконечность нирваны Брахмана, и дал увидеть в своем безбрежном теле сто Богов-исполинов надразума. И хотя он говорит о Господе очень много, но его сознание надразума. Шри Ауробиндо же из сверхразума, где и начат Всевышний. Кришна — тоже это, но в сверхразум он не входит. А Шри Ауробиндо, Шри Чинмой и Мать — там. И поэтому Саи Баба и есть Бог, а вот полный аватар — нет. Он имеет Абсолют, и Христос тоже. Он говорил: я и Отец мой — одно. Хотя Христос и Саи Баба имеют и ограниченный лик, как божества, и их такими и видели в ослепительном сиянии. Но Христос — все же Бог личный, а вот люди Индии едины с вечностью или Богом безличным. Это — выс надразума. Но, в отличие от Саи Бабы, который тоже Бог личный, они имеют огромную бесконечность. Но Саи Баба и есть аватар, личность воплощающего Господа, но не полный. И Христос — не меньше. Они оба творят чудеса, и это из сферы низа белого, ослепительного, почти как солнце, надразума. О чудесах надразума этот Коровин должен помалкивать, он не имеет их совсем, и пусть об этом напишет кто-то другой. Но вообще они из этой сферы, а их абсолют — из выс надразума. Но Христос дал религию любви к Богу и видения небес Господа и света — это белый ослепительный свет. Знает его Коровин все же тоже. И Саи Баба почти не дал религию видения света, но он дал религию любви к Богу и слияния с бесконечностью. Саи Баба даст вам путь преданности и любви и поклонения Господу, и это легче, пройти весь путь, но чтобы влиться в Абсолют, нужны обычно еще безмолвие разума и полное стирание «я». Но Саи Баба тоже по инициации даст абсолют, или его можно завоевать путем. Ибо он и есть Бог, и от него можно получить или при-

обрести на его пути самому. Но Шри Ауробиндо зовет во Всевышнего, а Саи Баба хотя и ведет через преданность и любовь, но выше надразума не поднимает. Он ведет к любви к Господу и к единству с Абсолютом надразума, и даже пусть огромным, но несколько меньшим.

И он не святой, это неправда. Он святой, но он возомнил, что он — самый великий Бог в современном мире. А Шри Ауробиндо больше, но он себя почти не называл. А он, как и Шри Чинмой, полный аватар. Но он любит Бога. Этого мало: он полностью отдал себя Всевышнему и зовет к этому всех. И он слился с Ним и за счет этого он воплощает его бесконечность, и не только покоя, как люди веданты, или безличного Бытия, но и часто Бесконечную Силу. Он — тоже личный Бог, и его религия Всевышнего. Но он смирен. И Саи Баба — это немного гуру Индии, но и Божество индуизма, а вот Шри Ауробиндо делает дело Всевышнего. Он более велик. Хотя велики и Саи Баба, и Христос.

И, наверное, Саи Баба еще не самый великий, но он не тоталитарен, как и все учителя Индии, ибо у него, как и в Индии вообще, есть тысяча путей к Богу. Поэтому слово «секта» о нем, наверное, истинно, ибо он любит свою божественную личность и его ученики знают его единственным аватаром сегодня. А вот слово «тоталитарная секта» — нет. Это клевета церкви ортодоксов на веру Индии, ибо ее религия знает тысячу форм Бога и тысячу путей к нему. И все религии в ней — Божьи. А религия христианства знает только себя. И поэтому это не ложно ли? А вот о христианских сектах вроде «свидетелей Иеговы» или подобных — это правда. Но Дворкин пишет, что тоталитаризм сект — это принятие всех религий, и это — бред наизнанку. Тоталитаризм советский или германский знал только одну партию и одну идею и подавлял все остальное. Это и есть тоталитарность. А вот Саи Баба принимает всех учителей, поэтому он — не тоталитарная секта, но так как он видит себя самым великим и единственным аватаром сегодня, то он не лучше Шри Ауробиндо. И поэтому Бог чуть сбивает с него спесь. Он не совсем такой великий, хотя и личный Бог, и велик, а Шри Ауробиндо даже смирен пред Всевышним.

И вообще секты — это зло, думали все, но их били при Путине в 2000–2007 гг., а при Медведеве кончили называть этими словами. Поэтому Я-то вообще люблю все веры и всех высших учителей, которые над астральным миром тьмы, светлы или святые и люди Господа, или бесконечны, как люди Абсолюта Индии. Но есть плохие секты или учителя, а есть светлые или святые. И есть учителя вообще не сект. Это учителя веданты, или Абсолюта, и они знают Безличное и обычно не имеют культа гуру. Они хотят, чтобы вы сами вошли в Бога, и только помогут вам. Их собственное малое «я» растворилось в Абсолюте. И Шри Ауробиндо — не такой учитель, но он тоже растворил «я» в Боге и он смирен. И это — не секта. А вот Саи Баба, скорее, есть, но вовсе не надо тоже его клеймить, ибо он — великий Бог и святой учитель не меньше Христа, но с него немного сбил спесь Всевышний, который больше всех. Хотя есть и плохие секты, и здесь уже вы немного правы, люди России. Но к светлым учителям нужно быть хорошими или терпимыми.

И Христос, конечно, Бог и воплощение Единого. И никто не выгонит христиан, они — светлые братья в Боге. Все религии Христа и делают дело Бога, они нужны миру еще, может, тысячи две лет. Иначе мир провалится. И это — Моя великая святая религия, церковь, и светло от нее миру. Она да будет, и будет очень светло, только новое есть на пороге. Ибо надвинулась уже голова вечной истины. Эта голубая голова великого Шри Ауробиндо никак не меньше Саи Бабы. А он и был явно Бог, но все же не один в мире аватар, хотя и великий. Но Шри Ауробиндо еще выразил целиком огромно-необъятную истину. И его сверхразум величайший. Гуру и Бог Шри Чинмой будет лучший, может, значительной части Запада. Он — великий светлый и святой учитель, единый с Богом и проявивший великие небывалые силы поэта и художника или композитора и спортсмена Бога. И придет великий и очень светлый Бог и чудотворец Саи Баба. Саи Бабы, Кришны, Рамакришны, Шри Чинмой и Шри Ауробиндо и Матери — символы Бога впереди всего. Только Шри Ауробиндо и есть аватар сверхразума, пока самый великий. Мать тоже достигла бесконечной личности Бога

сверхразума. Мистики же Безличного абсолюта и будут следующей стадией после озарения, и затем, после святых, — мудрецы, знающие вечность.

За мудрецом нет ничего, только Бог. Выше мудрости — сам Мудрец. Выше славы Единого в слове — сама вечная слава. Только так она уже не выражается, она только выражает себя сиянием и могуществом наружу. Там, дальше, бесконечность, которая выше всего. Она и приходит в мир. И мудрец интуиции видит многое наяву, любит и видит Бога, видит почти ослепительный свет и немного сливается с Богом. Мудрец надразумной реальности сливается со Мной в одно полностью. То необъятное безмолвное бытие Единого или абсолюта, полный вечного покоя, который выше всех миров. Все эти мудрецы, как и даже мудрецы Безличного, знают Бога наяву, и потому они бесконечного надразума. Они сами и есть необъятная бездна Бога. Они выражают это свое бытие на языке почти верховной надразумной интуиции. А Шри Ауробиндо, Шри Чинмой и Мать даже выше. Они достигли океанов могущества и всеведущего Господа, а не только океана молчания Безличного.

Мудрость еще просто жизни. Она не вся пропета Богом. Соломон был мудрецом, но может быть больше. Его мудрость еще немного мирская, больше его есть, что ли; кто мудрость посадил на трон? А это он в своей книге «Премудрость», но все-таки на Бога много не посягнул. Однако дважды он видел Единого. Мудрость умеет проникать Бога кратчайшими заточенными стрелами истины. Это и есть светострелы, вылетевшие из океана мудрости и океана жизни. Над мыслью и частью поэтики Хайдеггера дорога упирается в небеса славы Господа и далее — в наднебесье или не-мир, где только Единый и где нет миров. Хайдеггер оборонил слово «не-мир» о новой Европе, с его словом перекрестилась игра слов.

Выше человеческого бытия и его рассудка есть вечное знание и мудрость. Еще выше есть бесконечное бытие. Знание — светлое царство разума интуиции, видящей человека насквозь, видящей миры и на высях уже интенсивно любящей Бога и видящей Его — и прикасающаяся к единству с

Ним. В этом мире, на высях его, любовь пылает пламенем экстаза. Это чистая, сладостная любовь к Богу или его блаженство. А выше настает единство с бесконечностью. И океан тишины становится вами. И далее вы познаете Бога еще как бесконечную личность, верховного Господа и Всевышнего.

Русская святость — видение ослепительного света, но там немного философов. Философия началась с античной Греции, и это — завоевание разума. Завоевание святости выше, но разум тоже нужен миру. Философы были любимы этим Моим слугой Коровиным в советское время, философы Греции и Германии. Это не Ницше и Маркс, они почти не оказали на него воздействия, а высокие философы-идеалисты. Это Платон, чуть Парменид, Лейбниц, Гегель, Гуссерль и Хайдеггер из немцев и греков и чуть Спиноза и немного Декарт из XVII века разума в Голландии и Франции. Он был почти настоящим философом европейской стати в 1984–1993 гг. Он любил в 1985 году в том числе Гегеля, но основывал философию немного ниже, не разума Бога, а разума всемирного человечества, который и движет историей. Это был идеализм, но не идеализм Бога. Он логикой сражался с материализмом — советским и любимым. Но в 1984 году он логикой доказал Бога, и немного в 1992 году — Бога и царство идей Платона. И пусть это немного нужно России, где не было много разума. Но философия бывает и выше, философия Бога, а вот Коровин любил Гуссерля еще в 1987 году и обосновывал логикой субъективный идеализм. Но после 1997 года он стал философом и поэтом-мистиком, хотя мистиком еще не настоящим, а по форме речи. Он нашел ее у Хайдеггера и, поменьше, у Гребенщикова, а потом — у Лао-Цзы. Это был шаг в свет озаренного разума, и даже больше к Абсолюту, хотя мистической реальности он тогда не знал. И пусть, наверное, он принесет это в Россию — конечно, после книг, написанных им от Меня. Ибо это — живой Бог, познанный уже в опыте. И салют миру философов не есть, но все-таки немного будет от Меня.

Греция была родиной философов и демократии. Плотин из мыслителей поздней античности немного касался един-

ства с Абсолютом. А Византия, наследница Греции, — родина православия. Православные мистики видели свет, любили Бога, и некоторые иногда касались единства с Ним. Это мир выше озарения, но еще не полный Абсолют. Это последнее — достижение Индии. Но философия была и в Византии, и у ранних богословов, и это святая и высокая, но не совсем свободная логика Бога у, наверное, Григория Нисского, Василия и Дамаскина. И Бог хочет любви к себе и бесконечного бытия впереди всего, но он допускает и свободную философию. И пусть ее будет немного в России, стране высокого света церкви. И пусть Россия станет свободной, но на Моем пути свобода заменяется на полную преданность Господу. Однако каждый сам выбирает себе этот путь и свою веру.

ГЛАВА 15. СЕРДЦЕ ЛЮБВИ И БЕСКОНЕЧНОСТЬ БОГА

Путь к Богу ведет через любовь. Любовь любит Бога постоянно, всегда. Она не ждет от него благ, она любит Бога просто потому, что Он есть. Но такой любви нет в мире, решат люди. Где найти ее? Но она ждет вас в глубине вашего существа. Это любовь тайной души в сердце. Там и спрятана Моя частица любви и блаженства. Эта светлая капля Бога огромна, ваша бессмертная часть. Она вся — свет, вся — любовь, вся — экстаз счастья. Она всем существом обращена к Богу. Именно она требует от вас посвятить себя Мне и именно она толкает вас на духовный путь. Она тянется к Богу, как цветок к солнцу. Там, в глубинах, горит негасимое пламя. Это пламя любви и блаженства. Эта любовь пламенем восходит ко Мне. Она любит Бога и все существа. Она побуждает вас отдать себя Мне, совершить самоотдачу Всевышнему. Эта душа бессмертна, она переживет все ваши жизни. Тело распадется после смерти, распадутся потом и тонкие тела, но она есть навеки. Она перенесет вас в другие жизни.

И вы будете счастливы, счастливы любовью к Богу и блаженством. Это экстаз и упоение сердца. Но это — малень-

кая часть Бога, а выше идет Бог бесконечный. За раскрытием сердца следует познание бесконечности. Вы вливаетесь в необъятный покой, установив безмолвие в уме и устранив свое малое «я», и становитесь Мной. Вы превращаетесь в безбрежность. Но Бог больше и вас все равно. Ибо он — не только безбрежное молчание, но и всемогущий Господь. И за познание океана тишины следует восхождение во Всевышнего. Это даст сверхразум и то, что над ним.

ГЛАВА 16. МИРЫ СВЕТА И ЕДИНЫЙ

Бог слишком велик. Его имен мир не знает давно, он не способен пока жить в Абсолюте или абсолютно не видит разум даже первых пределов света у Рерихов. Он не познал и несколько более святых, ибо с Богом, а не с одними владыками, Пророфов. Это силы золотого света и божественного огня озарения — и миров голубой и серебряной интуиции немного выше у Рерихов или Толкиена и похожих на них. Но они не достигают бесконечности Единого. А это и есть величайшая цель. И путь ко Мне — любви, самоотдачи и слияния с Единым. И именно великие мистики Индии должны быть увидены и признаны миром. Это и есть великая религия слияния с Богом, как высоки и старые веры преданной любви ко Мне. Это религии церкви католиков и православных, суфиев ислама, пророка Мухаммеда и пророков Иудей.

Тем не менее у Елены Рерих были прекрасные видения сил света. У нее и больше у Пророфов есть слова, полные небесного света-огня. Пророфы же во многом уже любят Бога, но тоже видят ангелов. И те, и другие — в светлой ментальной выси, или — у Пророфов — частью немного выше, уже в высшей интуиции, над силами тьмы мира.

Но этот мир огромных светлых зданий и форм тоже должен быть пройден на пути в вечность Единого. И выше этого озарения и нижней и средней интуиции поднимаются высший Христов святой и высокий святой разных вер. Эти святые опьянены любовью Господа и залиты Его светом. Над миром тьмы есть небо рассудка, где правит интеллект

и где есть наука и рациональная, рассудочная или рассудочно-идеалистическая философия. Выше идет мир философов Бога и Абсолюта, а над ним — мир света и красоты, озарение. Там видят свет, красоты образов света и небес и там испытывают небольшое блаженство или скорее счастье. Там иногда открывается сердце и льется любовь к Богу, хотя больше это еще мир ангелов. Сразу над озарением — голубой мир видения мыслей и поступков всех людей вокруг. Это нижний уровень интуитивного разума. Там — очень красивый голубой свет, а сверху его — золото-розовый ослепительный. На высях интуиции уже поет постоянная любовь к Богу и начата интенсивная преданность. Там счастье сильнее и ближе к блаженству, и там есть немного покоя. Ибо ментальный мир хотя и не несет страстей витала и витальных миров тьмы, но там — вечное движение. А этот мир высокой интуиции и сердца уже чуть над ментальными сферами. Там видят ярчайший свет и видят Бога в образе или как бесконечность. Там немного сливаются с бездной молчания или пустоты. Полная преданность есть и в нижнем надразуме еще дальше. Там ослепительно-белый мир еще ярче. Это мир великих святых. Святые есть во многих религиях, хотя великих святых больше всего в церкви. И есть единый с Богом в Индии, который выше как миров тьмы, так и миров света. Полное единство с Богом, океаном молчания и великой бесконечностью, — в высях надразума. Людям нужно отдать себя Всевышнему и возлюбить Бога, и медитировать, и тогда они достигнут Меня. Ибо немного выше сфер ангельского умеренно-яркого света может подняться высокий святой, и еще выше есть единство с Богом. Это слияние с бесконечным молчанием. Настоящие святые обычно повыше мистиков света и ангелов и занимающихся медитацией на свет или в третьем глазу. Они видят небо ярчайшего света чуть выше. Они уже живут в свете Господа и в потоках его энергии и благодати. Они видят более высоких ангелов, или Образ Бога из огромных Богов, или просто проявляют в мире Господа. Этот мистик Коровин видел огромных Богов около ста раз. И он видел Меня еще большим, как бесконечного. В 2004–2008 гг. он сливался с беско-

нечностью Божества пять раз по секунде в день. С 2008 по начало 2011 гг. он сливался по секунде уже раз по сто за день с океаном молчания Безличной вечности. И сегодня он един с ней уже четыре часа каждый день. И он видел несколько величайших Ликов, которые едины с собственной бесконечностью. Там есть Лики Бога подобные или Лики Матери миров. Это Бог сверхразума. Один из них — величайший Лик Бога в качестве Господа миров подчеркнуто. И он видел верховную, самую великую бесконечность как необъятный свет без форм. Или это был залитый светом океан Бога. Это — величайшая личность самого верховного Всевышнего. Там сначала еще есть бесконечная Мать без форм, а потом — только Бог. Но этот мистик смирен, и он видит себя совсем малым. Так и есть, за исключением тех минут, когда он един с Богом. И то он смирен даже тогда.

Мир интуиции — вечное знание и вечная мудрость. Это знание есть прямое видение Бога на ее высях и, ниже этого, видение всех миров. Или она открывает мощное, но, немного ниже видения Бога, видение ума всех людей. Там есть разум или краткое слово мудрости, выражающее это видение и единство с Богом. В интуиции есть молния света Абсолюта, абсолютно совсем чистая, без обмана пробивающая мудростью. Она имеет внутри Единство с истиной и снаружи — глаз полного различия. Это блистательный мудрец, но и любящий Бога больше всего на свете, прекрасной, блаженной, сладостной любовью, тоже там. Это миры более яркого света, миры высокой святости и краткого единства с Богом. Далее в выси надразума — вечность и бесконечность. И там, чуть уже над святыми, аскет Индии и, поменьше, буддизма, слившийся со Мной в одно. Хотя святой краше своей дивной любовью, своим отречением предо Мной и немного ближе Моей личности. Но мистик выше, он слился с океаном тишины и стал безбрежнее. Он вечнее. Но он чаще не любит во Мне Всевышнего Господа. Так Я примиряю религии. И можно знать Бога сверхразума как океан силы и всемогущего Господа, который един с океаном покоя и молчания. Этот океан силы почти не пережил уже малый мистик Коровин. Хотя Бога — бесконечную личность он видел сотни раз.

Этого единства с Богом нет у Рерихов, хоть они со светом жизни ангелов, и их свет озарения, вплоть до серебряной интуиции, блистал ярко. Но Пророки еще светлее, разум их совершенно не видит. Видение человека не режет темного астрала и светлых ментальных братств, оно не проникает за плоть. Видение разума не глядит над собой в сверхсознание. Тем более мир не вынесет того, что написал больной, скажут, помешанный мистик, насмерть помешавшийся на Боге Коровин. Он жаждет растворения в Боге. Такого вообще нет, это страшно. Высший разум мысли и то никогда не будет это знать. Он может принять Абсолют, но совершенно мимо аннигиляции своей лучшей силы «я». Ибо в ней мыслит только его ум, и его тело сегодня обычно думает о хлебе насущном, а вовсе не о Едином. Светлое человечество праведных людей он еще может вынести, а это — нет. Это сыны Бога или даже, скорее, одни святые. И створ прекрасного неба Господа открыт им. Это ослепительная высь интуиции или низшая снежно-белая солнцеликая часть самого верховного исполинского надразума. Это двое лидеров света и сил его. Они обычно живут ниже, в золотом сиянии озарения. Также они касаются или полностью проникают в голубую и серебряную интуицию. Или это мистики-йоги аскезы, праведности и медитации третьего глаза, света и божеств. Они тоже поймали поток созерцания или искрящийся фонтан света в око внутреннего видения. Или они читают мысли всех людей вокруг себя. И это разум еще примет, а от этих острых вечных солнцестрел он наденет солнцезащитные очки, иначе расплавится от наплыва диска вечного знания. Это знание Абсолютной реальности Единого Бога. Там, выше света, тонут в вечном таинстве безбрежного Единого, но тонут, чтобы стать необъятным. И потому это — не только потеря «я», но и обретение великого «Я». Это слияние с великим океаном покоя и тишины. Или это ощущение Бога, наполняющего собой все вещи мира. Иногда, чуть ниже, это слияние с пустынной необъятностью. Это, несколько чаще, достижение многих буддистов. Или это восхождение в бесконечного Всевышнего сверхразума и дальше. Это познание величайшей мудрости, которая незримо движет мирами.

Мудрец поднялся в самого Бога. Он взошел выше почти всех. Он слился с океаном покоя и стал безбрежным.

Ниже всех — колдуны и лучше их — энергетики-экстрасенсы. Выше — мистики поющего ангельского света. Еще выше — Я. То — Моя безбрежность. И выше слуг ангелов и их света — обычно святые, любящие в экстазе Господа. Над ними — мудрецы, Единые со Мной. Еще выше их Шри Ауробиндо, Мать и Шри Чинмой. И абсолютного сознания вообще почти нет в западном мире. Это бездна тишины Бога и его вечная мудрость, которая видит через века и скрыто ведет миры. И это — непосредственное знание Бога.

Человек разума напишет, что все это — миф и галлюцинация. А мы слышали по телевизору даже от человека из стана науки или близкого к ней, что экстрасенсов надо сажать в тюрьму, они — шизофреники и преступники. Мы-то отдали должное самому научному знанию и не обвиняем его, но в данном случае это чуть ли не нацистская нетерпимость. Обычно говорят мягче, но тоже зло. Вообще-то, простите, этот умный человек (или даже человек точного во многом знания физического мира, если это ученый) в данном случае немного слепой. Он не видит, а говорит: кто начал видеть, тот помешанный, или шарлатан, или иррационалист. Хотя путь колдуна, спирита и экстрасенса — не путь Бога. Это тонкий оккультизм с тонким миром астрала и всеми его свойствами в виде духов и оккультных сил или полей тонкой энергии и тонкого витального тела у биоэнергетика. Все это — тонкая оккультизма реальность. Эти люди спиритизма, шаманизма и магии — уже тьмы, в данном случае церковь уже явно права. Но хороший экстрасенс — не дьявол. Хотя реальность экстрасенса-биоэнергетика — нижняя, первая после земного тела, тела витального. Это астральное (витальное) или нижнее самое тонкое тело, наделенное необычными свойствами свободы от физического тела энергии. Только это — не Бог, и идите по вечному и чистому пути к Богу, и его объятие — самое светлое. Ибо вовек нет никого, кто равен Единому.

Есть еще и тысячи видящих мысли, и их тело ментальное. Они почти уровня раджа-йогов. Но ближе к Богу есть полные святые, которые потеряли весь мир ради Меня. Они

в счастливом экстазе любят Бога. И есть еще, чуть выше, те, кто слились со Мной. Они и нырнули в Мою бездну покоя.

Вот мир и шел немного в экстрасенса, это проще, это ниже. Мимо вечности, мимо Единого. Дальше — логически белый брат и мастер медитации. Это тот медитирующий, кто не имеет еще полноты бытия в Едином, ибо он пока пребывает здесь над его святым праведным «я». Это йог чистой медитации разума, праведник и чистого, даже часто аскетического пути. Это все опять мимо Вечного Наивысшего, но золотой свет им был бы часто взят, или видение мыслей. А белый брат — ученик ангельских сил, и золотой огонь озарения или голубой и серебряной интуиции обычно, если он поднялся над витальным миром тьмы, был увиден ими. Это следующие. Дальше — только Единый. Дальше Всевышний правит всем, поэтому дальше надо принять Единого одного навек. Этой логики здесь нет, здесь Церковь пришла в мир. Бог — ее, а то бы именно эта сила тысячу — нет, пять десятков лет несли смутные или серебряные яйца оккультизма. И затем пришло бы единство со Мной. Это — океан молчания. Это — наднебесная бесконечность. Это — бесформенная, необъятная и почти неименуемая реальность. Но это и Я, который правит всем от начала всех времен. Это великий друг и защитник светлых сил. Это хранитель и отец мира, это создатель и промыслитель, волшебник своих дивных белых чудес. Это Моя вечная, сверх всех миров, великая бесконечность без форм. В ней все утонет навек. Ниже Бог развернут через строй отдельных Богов — форм Единого. На высях надразума абсолюта без форм уже над великими Богами. Кто потонул в нем, тот потонул навек. Нет, неправда: он расширился в безбрежность. Лопнет «я» — будет бесконечность. Я могу дать это ограниченно сразу: кто не был в прежних жизнях, тот будет им один раз в год. И зависнет множественность Вселенной внутри своего широкого «я», именно так и будет ощущаться. Или пустынный океан тишины будет вами. А малое «я» будет меньшим подле этой безбрежной сути или полностью уйдет, это и должно случиться. Выше Богов есть Безличный. А выше Безличного есть Личный, который не только Бесконечная реальность, но и Бесконечный Всевышний Господь.

Само То или Тот почти вне слов. Его можно видеть, им можно быть. И это вечное «Я» кратко и без окончания малого «я» полностью, может быть, дано сначала. Ну не вся Вселенная, но нечто обширное, где домики ваших Нью-Йорков были бы малы, поглощало собой реальность, само будучи реальностью реальности. Вся сущность надразума огромна, там — великие формы Бога, уже грандиозные. А над ними — еще более великое «Я», «я» всего бытия, Единое вечное «Я». Это — безмолвный океан Бога. Далее — сверхразумное еще больше, и это — Бог личный. Там океан тишины един со всемогуществом и всезнанием Господа. Это Личность над Безличным. И конечное уже там, как правило, не может быть большим, ибо там бесконечные просторы и шири без берега. Там, в сверхразуме, все навеки едино. Все религии, философии и все аспекты Бога влились в Одного. Там все едино и поглощено Одним, а выше все поглощено Одним, так что нет вообще ничего. Все силы, вещи и миры растворились во Всевышнем, и одна светлая бесконечность простерлась в необъятную даль.

Нижне Бог делит себя на свои формы. Это то, что знают аскеты Христа порой под именем Богочеловек, или голубь дух, спустившийся на Христа, или Бог в образе огромного человека. Или понимают это как потоки вечной славы Господа, льющиеся из его вечно сокровенного существа. Это и есть нижний надразум. Он увенчал шапку мировой природы — или всех явленных цивилизаций космоса. Это цивилизации демонов, полубогов и ангелов, которые надо пройти на пути к Богу.

Верх надразума — это безбрежность необъятного Бога за пределами ограниченных миров тьмы и света. Некоторые аскеты церкви немного касаются ее. Это уже знание высокой интуиции. Кто-то из христиан и мусульманских суфиев сливался с ней. И знают ее больше мистики Востока. Это вечная великая необъятность, где Господь в безличной сущности своей простерся в безбрежность. И в суперразуме выше Я Сам. Там и есть единство Лица и бесконечной реальности. Там — Бог и Господь, и безбрежное бытие. Там даже оно полно Моего могущества. А здесь Бог раскрыл себя

через множественность великих Богов. Это огромное небо вечной силы ослепительного света и великой любви за пределами любви к жизни. Единый Господь уже суперментальный. Все лучи сознания и Образы, разделенные в надразуме, свернуты в одно. Там — бесконечный Один за пределами всего. Это субличности Господа — огромные, грандиозные. Это формы Матери миров в надразуме тоже, они в сорок раз больше человека. И никому нельзя быть с ними на равных, пока не погрузились в сверхразум, ибо эти Боги — Мои огромные Образы. Но вы даже их должны пройти. И преклонение и поклонение, или полная преданность Богу и есть путь Мой. Любовь к Богу, которая станет песней счастья, когда пробудится сердце, и самоотдача Ему. Отречение от эго и эгоизма, полное посвящение Богу и медитация на Мне одном. Именно это, а не стремление к самовозвеличиванию, и проведет вас вверх. И лишь погрузив свое малое «я» в Мой безбрежный океан, вы сможете стать им. Любовь и самоотдача Богу — это вечный путь, а медитация бесконечности и слияние с Ним — это его финал. Именно Он и есть Одно, что есть. Этот Всевышний и есть Вечный. Иначе — только путь Безличного. Ну и идите, возьмите так, это большинству сложнее, хоть результат был бы тот же. Это Вечное великое «Я» или океан молчания. Но там нет еще Господа всеблаженного и всеблаготворного. Некоторые и взяли, они великие. Хоть сверхразум так не взять. Иначе все йоги просто светлые и чистые, без полного растворения в Абсолюте и полного предания Всевышнему будут в мире света. Или будут видеть человека насквозь, это чуть выше озарения. Это будет уже великий шаг за разум, но не в предельную истину, не в бесформенную тихую бесконечность.

Но те, кто пламенно или блаженно любят Бога и отречены пред ним совсем, тоже счастливые обитатели в мире света. Они тоже радостно отпоют свое на небе света и блаженства. И они ближе Богу белых братьев, и небо их в общем выше. Это ослепительный мир вершины интуиции или верховный мир белого света, надразум в стране Бога. Там и есть великие Боги — Мои образы. И они немного уже над ментальным царством ангелов и божеств света. Например,

они над страной золотого света озарения и серебряной интуиции многих новых белых братств. Но есть Запредельное за небесами, и там великий мистик Индии растворил себя в невыразимом Вечном бытии. Он слился с океаном покоя. А выше есть Всевышний, который не только океан покоя, но и всемогущий Господь. Там — Бог, и Лик, и бесконечность. Таких Ликов в сверхразуме семь-десять, а выше — только величайший Господь без форм.

Возвышенного ума Европа примерно все это знает, но специально не описала. А он слагает концепции как веер и раскладывает пасьянсы из логических схем. И свободно движет, но не одними формами логики, а еще и формами широкой идеи. Она обширна и свободна, но крайне абстрактна. И есть единение синтеза и новое расчленение понятий еще и еще, движение концепции и системы мыслей. Но он — не только это, там внутри есть мир и мягкость, чуть больше черствого рассудка, это его жизненность. Хотя вообще это огромные системы абстрактной мысли философов о Боге или Вечности и их отношения к разным духовным реальностям и к миру.

Над ним свет поет песни. Он — тоже светлый, возвышенный воздушный разум, малый голубой свет, но синий, немного яркий и будет. Но характер света становится явным, чисто сияющим с озарения. Все-таки сила-свет — это озарение, там он начат. Возвышенный разум изнутри светлый, но там — только мысль. Ибо философ Бога пока не видит свет. Это голубые искрящиеся волны, чуть или немного яркие, уже есть в возвышенном разуме. Но мыслитель не знает этого мира тогда, спросит разум? А вот и нет. Его мысль оттуда, но зрение света открывается сферой выше. Но люди цивилизации здесь не видят вообще озаренного поэта и мистика света, радости и красоты. Мыслитель знает светлую мысль и не видит свет — свет-сила выше. Там созерцают золотой огонь и золотистый свет, его потоки и пространства. Там видят иногда накаты и откаты голубых волн света и золотые солнца Бога и ангелов. Там — начало блаженства и уже в некоторой мере может быть испыт мед радости и, поменьше, любви сердца к Богу. От озарения красоты идут одна за другой, начат мир светлого необъят-

ного сознания. Там свет-вспышки и начаты улыбки блаженной улыбки-радости. Начало высокого и мощного блаженство у вас глубже в сердце — или еще мощнее оно выше небес. Это блаженство самой бесконечности Единого. И глубь потоков и озер мудрости накануне полного самоисчезания в Боге — это суть мудреца. В интуитивном уме обычно только всплески и волны океана знания. Выше — сам океан бесконечности и единство с Ним. Завоевывается он полным посвящением себя Богу, преданием себя Ему и всецелой концентрацией на Нем. Завоевывается он любовью ко Мне, посвящением Мне всех дел или работой ради Бога. Завоевывается он и медитацией — и медитацией бесконечности. Вы предаете себя Всевышнему и представляете, как ваше малое существо тонет в океане бесконечности и расширяется до необъятности. Любите Бога, твердите его имя и раздвигаете свое тонкое тело в необъятность, представляя Меня как безбрежный океан.

Там, в интуиции, знание глубокое и видящее напрямую через голубое око. Оно наяву видит миры, мысли человека и на высях уже и Бога. Бог виден в Образах Богов или в бесконечности, пустынной и светлой. Выше сверхразума самая великая бесконечность света Бога вообще не имеет форм. Это все видел по многу десятков раз этот мистик. Или он видел Бога в виде великого залитого светом океана. Это — необъятный Единый. Это выше ментальных миров ангелов. Их еще надо превзойти, чтобы слиться с Богом или хотя бы быть высоким святым. И тем более надо пройти витальный мир зла и тьмы.

На высях интуиции экстаз интенсивной и очень долгой любви и блаженства уже начат. Сладостная любовь и упоительное блаженство есть в вашем сердце, и есть и там. Там часто гостит святой, который полностью отрекся от себя ради Всевышнего. Там — сила нежной и сладостной любви: любовь устремлена ко Мне одному. Но она любит и все что есть, но основная концентрация — на вечном Едином. Это райский чертог святого высшего христианства, пророка Иудеи или Мухаммеда. Там уже немного сливаются с бездной покоя и пустоты. И чертог Христов чуть дальше тоже, он еще

и в ослепительном мире нижнего надразума. Но есть там и святые, и пророки разных вер, хотя христиан там больше. Но где-то миры кончаются. Там — Бесконечный Единый.

Люди Безличного идут в вечное и безбрежное «Я». В Единстве с Единым завершается круг преодоления малой личности. Но это — не самоубийство, а растворение в Вечном. Это тишина бесконечности. И вы сливаетесь с ней и становитесь ею. Это высь надразума. Даже шапка света, увенчивающая вас, — это не ложное, но и не полное истинное сознание, очень тонкое и очень светлое. И это любят Пророки — аннигиляцию «я» только на одну тридцатую — и потому еще мало вошли выше ментального света (то есть царства разума) очень светлого озарения или двух миров над ним. Это не недочеловечество, отнюдь, это выше человека, и это почти чистый свет. Но Я выше ангелов, и лучше любить Единого. И Я он и есть. И Я и есть истина и величайшая реальность и верховный Господь. И Я дам безбрежное космическое сознание, и Я дам свою бесформенную бесконечность. Или Я дам сверхразум почти на самой выси. И только одно это радикально изменит мир. Иначе волны будут светиться, и так и не изменится все полностью. Это может сделать только великая мощь самого Бога.

Пророки почти святые. Они живут в свете, и имя Бога ими тоже славится. Но выше есть Единый океан, и хотя они о нем чуть писали, но не взяли. И запредельный сверхразум — еще дальше. Так вот пока и едет мир мимо величайшего мистика Шри Ауробиндо. И пусть на какой-то фазе будут они, это чистый свет. Некоторые на коленях в трудной работе просветления берут океан Бога, это дальше владык; иным куплеты света поют пониже, а где-то слышен нарастающий воздушный, полный светлого прозрачно-сиятельного эфира гимн вечных морей Абсолюта, подобных бесконечной чаше радости — тончайшая пленка на поверхности всереальности. Не вымрет никто на Земле, расцветет навек. Ликвидируется ложное «я», возникает вечное блаженство Бога. И истинно велики корифеи познания Бога, любви к нему и единения с Ним — Шри Чинмой, Мать, Шри Ауробиндо и Саи Баба. Все там или почти все и есть. Это все

истина. Только Шри Ауробиндо и Мать взяли великую верховную реальность сверхразума. И такого огромного мистика, как Шри Ауробиндо, вообще нет: он, наверное, самый большой за всю историю. А Саи Баба — это тоже Господь, и мудрость его велика и чудеса его истинны. И выше Шри Ауробиндо иногда был Шри Чинмой, но Шри Ауробиндо открыл почти самый верховный сверхразум. Он велик как самый великий святой и как самый великий мистик Земли. И он даже, наверное, почти самый великий мыслитель мира. Но он сложен, и пусть будут и Саи Баба, и Шри Чинмой. И велик Господь Саи Баба с его дивной любовью и высокой мудростью. То Господь на Земле, с его чудом, любовью к Богу и слиянием с Ним. И велик светлый учитель, мистик, художник, музыкант и поэт Шри Чинмой. Это учитель любви к Богу, медитации и слияния с Единым. Он тоже поднялся в сверхразум. И там со Шри Ауробиндо была и Мать. Ее видение Бога тоже почти полно, и она тоже почти самая святая. И пусть их религии летят в мир на крыльях Бога, и заря света вспыхнет над миром.

ГЛАВА 17. РАЗУМ СВЕТА, ИСКУССТВО АВАНГАРДА, НАУКА, ФИЛОСОФИЯ И РАЗУМ — И ВЕЧНОСТЬ БОГА

Бесчисленны формы Бога в надразуме, один из них — Господь Христос. Он — Бог, единый с Отцом. Выше его ограниченного Образа есть Бесконечный. Христос един со Мной. Он в своей величайшей сущности необъятен. Но Образ, который видят аскеты на небе, все же сравнительно невелик. Выше великих Богов начинается Бесконечный. Он не имеет форм. Он виден как беспредельный свет. Он виден как залитый светом океан, океан бесконечности. Он переживается как безбрежная тишина. Это Лик без Лица Всевышнего. Это бесформенная светлая бесконечность. Это океан тишины. Это владыка всех миров и вечный Господь всего. Это величайшая мудрость, которая тайно движет всем. Это великое всезнание, которому нет преград. Это всеведение и

всемогущество, которое породило все. Это величайший Единый, бездонный и бесконечный. Это невыразимое бытие и бесформенный молчаливый дух безбрежный. Он познается через любовь ко Мне и самоотдачу. Он познается через преданное служение. Он познается через всецелую концентрацию на Мне. Он познается, когда вы достигнете полной чистоты от страстей и зла, гнева и похоти и не будете есть мясо. Чистота включает свободу от лжи, гордыни, жажды власти и богатства. Он познается, когда вы будете думать почти только обо Мне. Он познается, когда вы посвятите Мне всего себя и когда вы будете медитировать на Мою необъятность. Он познается через преданность Мне и медитацию. Медитация чистоты страстного витала и частичной тишины разума тоже нужна, но выше есть необъятная тайна Бога. Медитация есть путь ко Мне, но главный путь — это не только любовь и вера, как думают христиане, но еще и полная сосредоточенность на Мне.

Христа лишил нас, злой Коровин, решат в церкви. Он у вас, злой мистик Коровин, малый. Но Бог и есть вечно светлый Христос. Господь Иисус Христос — все же поистине великий Бог. Недавно было видение Господа Христа — в десять раз больше человека. Или еще видение малых Образов Бога в образе трех слившихся существ ростом в семь раз больше человека, полных голубого света. И это — миф языческого менталитета, скажут некоторые в церкви, ибо этих великанов нет. Только эти Боги — формы Бога и в своем истинном образе больше людей в четыре-двенадцать раз, ибо то — великие вечные силы. И Христос тоже виден как истинное сияющее великое божество. Это священное светлое и ясное лицо и бороду светлой силы несколько раз сегодня проходили в сем мире уже в диктантах. Это чуть более низкие силы. До Богов или, по-иному сказать, Образов Бога они почти не доходят: они доходят до богов, то есть ангелов света. Это, правильное, малые ангельские силы. Но низшие мистики видят темные лики. Кто-то мог видеть в Индии или даже в Тибете великих Богов. Пусть в Тибете немножко темная иконография, так же как иконография Кали Индии. Она грозно сражает демонов, но почти стала

одним из них, а эти силы очень светлые. Но вообще Боги Индии вечно светлые. А такие, как Кришна, или Вишну, Брахма и Шива — это уже формы Бога. Это и есть Я, и так Я почти понят Индией. Но это — Мои малые образы. Препрежние мистики Иудеи, Мухаммед и христиане тоже видели эти силы в образе, скажем, Христа и Богоматери. А это и есть Лик Великой Матери, имеющей тысячу форм в действительности. Так что они им вполне знакомы. Это их небо больше всего. И молитвы Матери Бога в яслях с волхвами и овнами — это свет, но не все о Матери Мира. Эта Мать Бога — на самом деле форма-лик Божественной Матери. Это и есть их путь сил света и великих образов Бога, которых тысяча. Как и молитвы святых Господу Христу и молитвы святым или чудотворному заступнику, это уже просто последние силы света. Говорят, общение с Богом; да, так и есть, но выше сил света или еще дальше, Его Образов-Богов, обычно не подниметесь. Выше — дорога бесконечности. Выше дорог нет. Когда уйду туда, откуда нет дорог, когда я сам же стану Богом (не в смысле Господа всех реальностей), перефразирую старую песню: назад, в собственно прежнее состояние, дорог нет. Но есть дороги еще там, в суперразуме, выше — не всегда есть. И обратно нет возврата оттуда иногда, кто хочет кануть навек, в сон счастливый, а точнее, вечный транс. И это выше крыш всех миров и выше крыш всех философов в десять раз. И там можно погрузиться в счастливое блаженное самадхи или в сладкий экстаз на три дня, и вернуться назад. Иначе путей назад уже иногда нет. Вы сливаетесь с вечностью и самой великой бесконечностью, молчаливой, могущественной, блаженной и светлой, и остаетесь в ней. Но сливайтесь с Богом, и это все — истина. И это — бесконечность надразума. Это просто океан молчания и покоя, Безличное Божество или нирвана. И в сверхразуме был Шри Ауробиндо по воле Бога. И он, и Мать думали, что там нельзя быть без самоотдачи Богу, а так и есть. И там в основном бесконечность без форм, но и Мое всезнание и всемогущество. Она над просто пустынной, но полной довольно плотного безмолвия необъятностью надразума. И выше Я еще более велик.

Люди ума еще недавно в Европе, а здесь — совсем недавно, говорили: бредовый мистицизм отсылает вон или пожирает разум, восставший против царства мрака средних веков. Мыслимо иногда немного думать так о средних веках, но только не тогда, когда говорят о светлой чистейшей мистике Майстера Экхарта, Франциска, Сергия Радонежского или Серафима Саровского. Они думали, что это разум проклял мрак и пошел в свет просвещения, и здесь они грубо ошиблись. Кто-то грубо ошибся насмерть, в старых фильмах о Штирлице такое было; они ошиблись-то не насмерть, но свет мертв, когда он отринут. Но что сделается со светом? Без света останется Земля на каменистых площадях одной неживой материи. Или она так и будет плестись в тенетах животного и страстного сознания с короной разума во главе. Хотя он ему, страстному импульсу витализма, и подчиняется. А свет просвещения — еще не вечный сияние-свет. Но там был не только столь одиозный и довольно злой удар против собственно, мол, мракобеса — христов святого. А он — как раз не мрак, а истинный свет. Но был еще малый умственный залп светлой артиллерии против тоталитарно-авторитарного холоуя. Он живет в доцивилизации миропорядка бесправия виселиц без суда или по вестальному навету местных бонз. Это была идеология разума, просвещения, свободы и гуманизма. Или был выпад против идеальной теократии христианства, бывшей напополам с монархом во многом непререкаемой идеологической машиной. Хотя само христианство — совсем светлая сила. И она — Мой великий белый храм на Земле. И высоко время святых средних веков, хотя не со всех сторон, но свобода духа еще лучше.

Пришло в мир сознание гуманизма и свободы. Пришел в мир рационализм, или, чуть лучше, разум и просвещение. Это была очень существенной частью правда, что более светлое сознание, чем идеологии диктата, пришло в мир. И это сравнительно высокое плато человека, разум и демократия или цивилизация. Но до святых высей она не достает, как и до выси вечной мудрости Индии. И святые средних веков выше уровня разума и гуманности и их царства. Но кто за-

явил, что эти чистые люди света — настоящий мрак, а мы ушли от них в свет разума просвещения, останется в пустоте отвлеченного рационализма совсем без света. Именно там и есть один мир, где есть свет. Свет — это реальность, не символ, разум его не несет. Хотя разум есть сравнительно высокая империя чистой мысли человека. Это его более-менее высокое достояние. Холодный педант почти не имеет света. Может быть, свет, сияющий как солнце, он ослепительно-белый. И разум не видит Бога, он только играет в доказательства и составляет системы мысли. И пусть он — высота и честь человека, но не имеет контакта с высшей реальностью. Но разум — это сила человека. Он свободен, и у многих обширен, а у философа Бога он смотрит ввысь. И свобода разума и религии — это великая ценность, и пусть будут тысячи философий и тысячи путей к Богу. Но разум не знает Бога на опыте. Он не видит его и не сливается со Мной. Он не видит и всех объектов своих рассуждений, кроме физического мира наяву. Разум сверхрационален в сфере религии, согласятся христиане, следовательно, он должен молчать. А вот и нет, он видит внутри тысячи светлых миров. Это не миры космоса и не миры в тонких Вселенных, и даже не совсем миры, полные причудливой игры, идеологов новых художников. Это миры чистой мысли и разных способов выражения высшего сознания. И это лишь в меру его искаженное отражение. И немного непререкаем и неподвижен догмат, часть святого, но застывшего высокого ума. Но да мир свету Бога христиан, и их любовь Бога поистине! И это — великая открытая дверь Господа в сияющие небеса, открытая калитка в спасение. И это — Мой дивный храм в мире, луч света Господа на Земле. И даже догмат светел, пусть он нетерпим.

А это разум немного проклял свет где-то во времена эры просвещения. Он почти выбросил духовность в маргиналы цивилизации. Правда, он построил высокую империю ума и цивилизацию прогресса и просвещения, несколько повыше варварства. Это была страна рационализма и науки с довеском еще эстетики классицизма. Но в это время больше всего любили материю и оставались с непобежденным варварством в глубине человека. А совсем проклинали свет вожди тоталитар-

ного деспотического красного мрака. Он был кровавым гением мрака Сталиным и демоном, наполовину ведомым Лениным. Это наполовину империя тьмы, Советский Союз. А при Сталине это — чистый мрак. Так вот свет и остался вне любой силы. Свет сияет беспредельно в бессмертном царстве сверхразума. Свет выше миров света и есть беспредельность. Беспредельность есть Бог, она неизрекаема, вся безмолвна и прекрасна, как ничто. Она — и милостивое, величайшее существо, которое движет всем. Она — бездна покоя, но и океан могущества и вечная мудрость, которая рождает миры. Сам свет, который излучается из нее в конечные гавани небесных кораблей, прекраснее почти всего. Но еще выше и необъятнее Бог. Я превосхожу все. Нет равных Богу.

Над Бог-разумом Европы есть Бог света и выше — истинный вечный Бог. Полотна Рериха уже прекраснее просто рассуждений и абстракций черствого рассудка, а Бог выше всего. В озарении и немного выше и была Елена Рерих, и там — светлые картины Николая Рериха. Есть еще Рублев, тоже очень светлый и тоже видящий голубоватые миры ангельского света. Это разные протуберанцы света выброшены из единого солнца. Есть иконы, но это — самая светлая живопись, некоторые иконы еще лучше, но в мире живописи это самая светлая страна. Есть еще Прибалтика, авангард Чюрлениса, это фантазия высоких ментальных миров. Но они не такие абсолютно светлые, хотя выше всех мрачных сумбуров авангарда. А там иногда свил себе черное место гремучий истукан дремучих страшных миров. Эти картины прекрасны, и Рериха — явно озаренные. И прекрасны иконы и соборы церкви. Картины Рериха — это еще и великие литографии Гималаев, это чистый свет. Там ничего темного вообще почти нет, таких художников больше почти нет в современном мире. Но Бог сам не в них. Мир Рерихов не самый высший, ведь философия Елены Рерих хотя и взяла царство-свет, но не захотела истины Единого, который еще над ним. И это необъятность Бога в мирном покое, бесконечность без форм. Это светлый океан тишины. Это великое могущество, свернувшееся в первоисток и неподвижно возлежащее в нем. Это великий владыка всего, гений

и отец света, бездонный океан бытия и вечная воля, правящая всем. И найти Меня и есть лучше. И Я выше мира светлых лучей и динамики и потока огня, как и есть у Рерих.

И путь ко Мне — через сердце и предание себя Единому. В сердце вас ждут блаженство и любовь. Любовь будет упоена собой, она будет радоваться только тому, что она любит. Ее любовь всецело принадлежит Богу. Это сам он бросил себя туда и он стремится вернуться к себе. Но это — малая Божественность, есть бесконечный Бог. Любовь будет осыпать цветами Бога. Преданность приобщит вас к великому могуществу, несущему все. Вечная воля будет двигать вас, будто могучий ветер несет трепещущий от радости лист. Великая мудрость приведет вас к себе. Но надо отмыть себя от зла и скверны, от страсти и желания, и надо погрузиться в медитацию. Медитация третьего глаза даст когда-то свет или даже видение Бога, а медитация покоя или нирваны мыслей даст бездвижную вечность внутри. Но вы узрите Бога полностью, лишь если отдадите себя Мне и возлюбите Меня больше всего. Пусть Бог целиком поглотит ваш ум, и концентрация на нем станет полной. Придет видение Бога в образе великих Богов, и как необъятности Всевышнего. И выше придет единство со Мной. Медитация океана Бога и приведет вас к океану тишины.

А авангард в некоторой части своей живописи — это жуткий провал вниз у экспрессионизма и Сальвадора Дали. Пусть есть с десятков мистических его портретов более светлых и прекрасных. Они фантастически раздвигают сознание в удивительный мир форм, или небес света. Хоть формы эти чуть странны и чуть-чуть уродливы, а там они гармонично прекрасны, но это близкое приближение к этому царству вечности. Но хотя есть десятков или полтора этих фантастически светлых картин, но там чаще — жуть гораздо более ужасного нижнего мира. И даже черное прямо по цвету есть в авангарде экспрессионизма. Или уродливо-квадратные монстры Пикассо и многие фантазии авангарда — это тьма низшего витала. Если вы пройдете по их картинам и если вы любите внутри лик света, вы увидите сами. И дверь за физический мир они уже открыли. Хотя это — чуть фан-

тазия, но, однако, немного странно похожая на что-то оттуда. Хотя эти миры куда лучше узнаются в опыте, а вот «лучше узнать в опыте» Бог не скажет — это только о мирах света. А вот Сислей и Эдуард Мане, или чуть Ренуар и Тулуз-Лотрек, и кто-то из постимпрессионизма вроде Ван-Гога — это все высший полусветлый витал. Там воздушный романтический танец наполовину светлой жизни. Но жизни не святой, ведь это небо не чисто от зла. Там демоны уже не мрака, а соблазна. Но уже сами эти картины не демона, а просто высокой жизни и высокого жизненного или витального мира, хотя и не миров света.

И не люблю бить по всем, что они — тьма, вовсе нет, но иногда по кому-то приходится. Это только Я, напишут обо Мне, а вот церковь свята и прекрасна. И напишут, и два раза в год придут в храм, а потом пойдут пить водку или на Канары поедут. Но церковь и есть великий путь к Богу, и прекрасна в ней большая и главная часть. И так и есть Мне, но это ее богословы делали недавно демонами все веры вне себя. А Я — почти никого, кроме тьмы магии, спиритов или шаманов и африканских культов, или низшего оккультизма. Но об авангарде отчасти пришлось, ибо там были темные. И это почти весь знаменитый Пикассо, и тем более еще темнее многие экспрессионисты. Это у них явный мрак, там прямо черно, и уроды, почти полные жути, — это облик почти совсем черных миров. Они их знали небось или видели во сне. А вот эти полусветлые импрессионисты, особенно вроде Сислея или Ван Гога, и небольшой свет на их картинах. Но они немножко похожи на вершину витального мира, где и правят демоны обмана и полусвета. Но эти картины не дьявольские, хотя по интонации — из этой полусветлой выси витального мира, как и Ватто из французов XVIII века. И они несколько хорошие, но любите только чистый свет, говорю тем, кто идет к Богу. И мир живописи Малевича и Кандинского немного выразил ментальный план интеллекта. Там есть иногда и мир абстрактной геометрии. Он выше дьявола, но ниже ментальных миров света и ангелов. И Кандинский его отчасти выразил, но мог бы нарисовать меньше черного цвета. Там его уже нет.

Вообще ментальный мир интеллекта — это мир строгой формы и малого света. Эти формы становятся божественно прекрасными выше, немного в возвышенном разуме и явно над ним, где загорается яркий свет. А сфера интеллектуального разума — это царство идей, теорий, систем и схем мысли, концептов и концепций, размышления, науки и философии. Там есть научные институты и научные и философские академии, подобно тому, как на небесах эстетики, чуть ниже, есть музеи и галереи искусства. Там можно увидеть формы, созданные из нескольких кубоподобных структур, или математические образы, абстрактные структуры, выражающие системы мысли, математические формулы или поверхности, усеянные отверстиями определенного порядка, что и есть закодированные классификации или математические теории классов и множеств. Там здания имеют четкую форму, и уже виден город разума. Это — сфера разума, и там есть естественная наука, но ее меньше в процентах, чем в земной сфере интеллекта XIX–XX вв., и эта наука реже несет вокруг себя шлейф материалистической идеологии. Ведь это — нематериальный мир, но все же наука Земли — тоже его приблизительное воплощение. Там есть гуманитарные науки, история, искусствоведение или структурная теория искусств, общества и языка, лингвистика, социология, психология. Там есть и математика, и некоторые иные науки, малоизвестные Земле. Там — множество теорий, и часть из них закована в броню формально математических символов, как физика, но больше просто рассудочные, рациональные и даже иногда свободные. Там используют и любят логику, доказательство и диалектику, но не в смысле советского марксизма, а в изначальном смысле Платона, как искусство вести спор, аргументации и логического опровержения. *(Другое дело, что диалектика в смысле Гегеля тоже существует, но не в царстве рассудка, а в сверхразумном мире Бога. Ибо он превосходит противоречия и соединяет в себе противоположности и несет полноту Всебытия и Бесконечности. Но спекулируя гениального идеалиста Гегеля лишь приблизительно угадывает контуры этой реальности, а поистине ее познал в опыте и выразил величайший мистик и йог*

Шри Ауробиндо. И Гегель иногда прав или близок к правде, но временами создает сложные, выдуманные разумом конструкции. А вот диалектика в природе по Энгельсу уже, видимо, не существует, или ее почти нет.). В мире интеллекта и разума есть анализ или разложение объекта на мыслеконцепты и соединение их в системы. Они и описывают объекты в каноне рассудка. Там есть наука, и математика, но там побольше разных философских теорий. Есть там, наверное, и материализм, но не он задает тон. В этом мире царствуют разум и рассудок и преобладает рассудочная или идеалистическая философия разума. Ее там больше, чем материализма, ведь это и есть царство разума. Русских философов из этой сферы было меньше, чем из сферы философии Бога или возвышенного разума: например, Шпет или философы науки Швырев и Степин в советские годы, во многом свободные от пресса марксизма. Ведь ортодоксальный советский марксизм — это вряд ли подлинная философия, ибо она была несвободной идеологией. Чуть философом рассудка был Соколов с небольшим формальным довеском марксизма, а так он — больше в основном свободный рационалистический исследователь философии европейского разума XVII века и средневековья, написавший в советские годы о них хорошие учебники. Там есть пиетет к философии разума XVII века, а о философии Бога написано и в негативных, и в позитивных тонах наполовину. Этот мыслитель Коровин и учился у Кузанского любви разума к Богу в 1984 году, у Лейбница и Декарта — чуть любви к Богу и любви к общемировому разуму человечества как высшей силе мира в 1985–1987 гг. Воспринял он эти веяния немного и от Соколова. И, кроме названных русских мыслителей, настоящим философом-идеалистом рассудка и разума из этой области был в 1985–1987 гг. этот ныне блаженно любящий Бога и слившийся с ним во многом Коровин. И эти последние вещи объективно уже выше рассудка и интеллекта, хотя из смирения он видит себя много ниже всех.

Вернемся к живописи модерна. Есть и явно иные картины, чем большей части авангарда, — например, Рублева, Николая Рериха или живописца Ренессанса Фра Анжелико.

Они создали картины света. И почти это у Чюрлёниса уже из высокого авангарда, и в нескольких лучших картинах Дали, и иногда в нескольких иных. Всего в авангарде одна пятая часть картин ментальных небес света или просто капля великих небес, чуть есть ментальный мир разума, а большая часть — красочный, высокий, но не божественно прекрасный витальный мир тьмы или его темный, уродливый и чаще страшный низ, а то и даже подземный ужасный черный мир. У Чюрлёниса, тоже живописца авангарда, уже высокий ментальный план. Он полон прекрасных форм и уже почти светел. Это страна чуть выше интеллекта и, в общем, или почти уже ангелов света. Может, он знал ее во сне. Но еще выше есть Бог, и знание его — величайшее. Оно дается через самоотдачу и любовь ко Мне и через медитацию Единого. И Моя бесконечность ждет вас там, где астральный мир тьмы и ментальный мир света закончены.

А авангард в большей части выразил тонкий витальный мир или астральный. Он открыл окно в тонкую реальность, но чаще — в четыре или чуть больше раз не в мир света. Этот Коровин ходил в музей Пушкина и там видел только нижний зарубежный авангард кругом, он смотрел несколько толстейших альбомов авангардистов и точно не помнит, какое соотношение. И вообще там есть немного ментального мира разума и есть просто красочный витальный мир. Но мы не делаем их демонистами. Хотя часть картин там изображают черных и темных уродов, и это дно астрального мира или даже хуже и ниже. Но мы вовсе не хотим преследовать их, как в средневековые поступали с еретиками или ведьмами и как в советские годы с ними поступил Хрущев. (*Хрущев — чуть реформатор, он освободил миллионы узников лагерей зла, и реформатор демократии на треть или наполовину и Медведев.*) А широкое окно в мир света еще предстоит проделать живописи будущего.

И полный свет рационального разума — все-таки миф. Есть разум-свет выше ума, свет должен быть осознан человеком. Осознать — в данном случае увидеть. Больше этого — жить там. Еще больше — слить себя с вечностью. Даже увидеть чуть-чуть — уже верх, а некоторые постоянно живут в

сознании высшего света. Некоторые живут в любящей святой близости к Богу, а некоторые сливаются с ним. Они знают океан тишины Бога, а дальше — и Всемогущего. Но мир не видит их. Он пока не желает знать свет, хотя через десятка три лет в мир Запада хлынет вечность. Но Запад и Россия не знают пока, сколь светлый огромный или светозарный мир сознания вечности и безбрежности Абсолютного знания создан в портрете вечного Бога, созданным пером верховного художника Шри Ауробиндо.

Итак, когда человек узрит свет, цивилизация войдет в новую ступень. Маг и шаман вас туда все-таки не приведут, это Вечный путь, который от века был в сем мире дан людям всей Земли. И над светом есть Единый. Я там полон великого безмолвия, вечный и бесконечный. Я пребывающий, нетленный вовеки и неизгладимый и непреходящий. Я — величайшая реальность и основа всего, верховный капитан мира, светлейший гений бытия. Я — Отец светов, всех сил и миров. Все учения света и были светлым заревом миру. Они даны, дабы полуживотный человек мог поднять себя над своим высшим пиком — рациональным рассудком. Ибо они ведут его в знание сверхсознания и сверхрассудка. Над сознанием рассудка есть сверхсознание, над сознанием, известным людям, начата империя Сознания. Рассудок — еще не то, это полностью не то имя — сознание, и даже сознание-свет выше. Само сознание — это Абсолют, и это верховный Господь. Это вечное самосознание есть осознание вечности Бога. Эти игры слов хороши, но надо что-то сделать с собой. Это — единственный путь. И выше света есть единство с Богом. И это — его необъятное невыразимое бытие.

Хотя сам Я есть бесконечный свет. Но это — тихая и светлая бесконечность без образа выше миров света. Это рай и небеса и царство Бога, а над ним — необъятный светлый простор, уходящий за все горизонты в безбрежную ширь. Там Бог раскинул свой светлый шатер бесконечности. Это океан молчания и необъятное всеведение. Это и верховный Господь, владыка и отец миров. И именно Меня и надо достигнуть.

ГЛАВА 18. ПУТЬ БОГА И МЕДИТАЦИИ

Путь ко Мне — это светлая любовь и преданность всемогущей воле. Эта любовь напоит вас блаженством, когда пробудится сердце. Тогда золотое дитя Бога выйдет наружу из глубины, где оно заточено. Любовь не торгуется. Она не ждет от Бога благ, хотя когда-то он даст вам их. Она любит просто ради любви. И следствие любви и преданности — это возрастающая блаженная близость светоносного Волшебника миров. Это главный метод любви и преданности. Но есть и медитация, и она тоже нужна. Медитация творит покой. Она достигает света. Это медитация тишины ума и органа зрения внутри лба, между бровей. Но мой путь ведет выше медитации третьего глаза. Посвятите себя Мне, отдайте себя Богу, возлюбите его больше всего и победите вечное движение мыслей. Тогда вечный покой осенит вас. И Бог выше еще, и отворит его медитация Моей необъятности. Концентрация будет сначала на малом Образе Бога с преданностью Мне и любящим поклонением, и потом — на Моей величайшей необъятности. Любящее поклонение будит сердце. Сердце поет от любви к Богу. Сердце любовно слагает себя к Его ногам. Сердце одаряет Его цветами. Сердце целует подножие Бога. Ваше устремление ко Мне, победа над малым «я» и медитация бесконечности проникают в Единого. Мистик видит Бога. Дальше он сливается с Ним в одно. И светлые миры тоже нужны, но выше есть Бог, и достигнуть его и значит познать Высочайшее. Медитация бесконечности — это концентрация на образе великого океана. Или это раздвижение вашего существа в необъятную ширь. Вы внутри представляете, как капля вашей души сливается с бесконечным простором. Когда-то вы увидите мир солнечно-золотого, и голубого небесного, и белого ярчайшего света, а затем вы сольетесь с Богом. Океан тишины будет вами. Ведь духовность — это не только вера, это непосредственный опыт или прямое знание. И вы сможете проверить это все, пусть не каждый достигнет бездны бытия Вечного за одну жизнь.

Вечный путь есть предание Всевышнему себя, это так начат великий путь. Второе — это медитация внутри. Есть любовь Бога и любовь к Богу, вы будете целовать его стопы или возлежать склоненный на его коленях. Но часть дороги Всевышнего, и очень ключевая, — это медитация. Это погружение внутрь своего «я». Там сияет вечность, но скорее за глухой переборкой глухо что-то бормочет, пока вы его не открыли. Там спрятан птенец истины, готовый улететь в небо. Будит его концентрация в середине груди с любовью и преданностью Богу. Когда пробудится сердце, оттуда польется нектар любви и блаженства. Любовь развернет себя к одному Мне. Это истина, это реальность — до нее еще дойти. На пути надо очистить себя от зла, во многом от секса и от жадной жажды денег. Надо освободить себя от ревности и лжи или гнева и жестокости. Также от бури страстей и разных вожделений — это чистота витала. Христиане это делают тоже очень светло, борясь с грехом. Но мало одной чистоты, надо любить одного Бога. Чтобы достичь его, надо предать себя ему и посвятить всецело себя Единому. Любовь к Богу обернется чистым блаженством. Будто дивный куст роз распустится в сердце. Розы будут сложены к сияющим ногам Бога. Преклонение и поклонение Единому, постоянная память о Нем и повторение его имен — путь к Единому. Твердите имя Всевышнего и приютитесь в его могучей безбрежной воле. Посвятите все свои труды Мне и сконцентрируйтесь на бесконечности Бога. Когда пробудится сердце, вы любовно встанете на колени или отдадите Мне прекрасные цветы. И вы будете счастливы самозабвением любви ко Мне. Преклоняйтесь перед Моими Образами сначала и медитируйте на Мою необъятность. И Я выше Образов. Я — великая бесконечность. Я — безбрежный покой и простор. И отдав себя Всевышнему, и сконцентрировавшись на Моей необъятной реальности, вы достигнете Меня.

Но есть еще медитация, это точное знание мистика — почитателя традиции древней могучей йоги. И это пишет Единый свыше. Эта схема — уберите мысли как метод медитации — важная часть пути в безмятежную вечность Бога. Внутри вас будет древняя сила тихой неподвижности. Прав-

да, этот ум тоже нужен, и завоюете высокий ум, когда-то полный света. Но метод быть без мысли даст глубокую тишину и покой вечности в образе молчаливой нирваны внутри. И разум будет жить внутри покоя. Эти покой и молчание — еще не совсем Бог, но шаг дальше ума. Ведь Бог необъятен, это океан тишины. Вот и медитация, только Я говорю: отдайте себя Богу и преданно служите ему. Или полностью отрекитесь от себя ради Него, ведь он — не только молчание, но и всезнающий Владыка всего. Любите только Бога. Концентрируйтесь только на Мне. Поклоняйтесь Мне сначала в Образе Шри Ауробиндо, Матери, Саи Бабы, Шри Чинмоя и Христа, а затем — в Моей бесконечности. Служите Единому и предайте себя Ему. Посвятите себя Мне полностью. Пусть это сразу трудно, вот и очищайте себя и наращивайте любовь к Богу. Служите Мне, и когда-то вы захотите знать только Меня. Устремите все ваше существо ко Мне одному. Думайте обо Мне все время и повторяйте Мое имя. Выполняйте свою работу как акт подношения Единому. Сконцентрируйтесь на Моей необъятности и слийте себя со Мной в конце.

Тем не менее медитация тоже необходима. Погружение внутрь идет. Там ждет нечто, оно совсем светлое, так и то мало для него такое слово, это блаженная и любящая вечность внутри. Оно будет глубже этого отсутствия мыслей, или даже нирваны разума внутри. Эта пустота — некий проход в еще более глубокое. Это светлая частица Бога внутри, это огонь любви и блаженства в сердце. Эта любовь в счастливом упоении обращена к одному Богу. Она всецело посвящает все существо человека Мне одному. Это существо внутри — вся любовь, весь свет, все блаженство. Это частица Бога в тайном склепе внутри сердца. Любовь ее льется ко Мне и ко всему сущему. И достигают ее, возлюбив одного Меня, преклонясь предо Мной и концентрируясь в центре груди.

Должны стихнуть желания. Должны замолчать обиды. Это все устраняется или посвящается Богу. Внутри «я» будет следить за всеми движениями ума и за всеми страстями и чувствами. Страсти тоже надо отбросить. Светлые эмоции да будут еще вначале, пока не придет Эмоция самого Бога. Она выше эмоций, как сверхсознание выше интеллекта. Эмоции

тоже надо заставить молчать — полная тишина внутри. Это близко к методу Шри Ауробиндо. Внутри будет почти тихо, все будет независимо от обстоятельств. И еще надо воспитать эту независимость или равновесие при поражениях и победах, при славе и позоре. В игре вечности они — лишь элементы, волна откатывается и накатывается. Совсем, полностью — это высший пилотаж, но частично вы завоеуете. Вы можете, например, принять все как волю Бога и быть свободным от событий и обстоятельств внутри. Хотя есть еще силы тьмы, но все скрыто ведет и формирует Единый. Будьте невозмутимым внутри при победе и поражении, похвале и упреке, славе и позоре. И когда-то глубокий, прочный покой войдет в вас. Это случится, когда замолкнут мысли, умрут страсти и наступит тишина внутри.

И полная преданность Мне и концентрация на Едином есть основа пути. Пробуждение сердца — это ключевой пункт, ибо это — часть вечности внутри. Это — часть любви Единого. Любовь потечет ко Мне. Она обратит вас всего ко Мне. Она отбросит всю тьму и поможет очистить ваше существо. Любовь будет направлена только к Богу. Она будет счастливо преклоняться передо Мной. Она будет петть от счастья, счастья близости к Возлюбленному. Она ни на кого Его не променяет. Предание себя Всевышнему начинается путь, а кончает его единство со Мной. Всецелое посвящение и самоотдача Единому и блаженная любовь к Нему — это высокое счастье. Это отречение ради Того, кто необъятно больше, могущественнее и мудрее. Оно не уничтожит вас, но приблизит к Величайшему. Оно наполнит вас ослепительным светом и блаженством. Вы познаете счастье любви к Единому. Вы познаете могущество его воли, которое будет нести вас к Себе. Вы станете счастливым и блаженным у стоп Бога.

Ровность к событиям внутри, пища без мяса, отказ от вина и резкое ограничение секса (раз в десять дней) — это внешние условия. Внутри — тишина, потом — чаша вечного вина, сначала — тишина. Нечто будет следить изнутри вас за мыслями и чувствами. Это следящий в глубине тихого ума. Он наблюдает за всеми мыслями и чувствами и все-

ми событиями, сам оставаясь незатронутым или безмятежным. Эту невозмутимость или равновесие при всех событиях надо еще воспитать. Волны оскорбления и похвалы, побед и поражений, жизни и смерти пусть накатываются, а вы оставайтесь спокойно-отрешенными. Пустота ума от мыслей тоже нужна. Она дается милостью Бога, но завоевывается и медитацией. И вы уже вечно будете принадлежать мистическому строю разума. Когда внутри пробудится сердце, все существо обратится к Богу. Сердце взметнет свою любовь однонаправленным языком пламени ко Мне. Тогда все существо захочет полной чистоты от греха, страсти, желания, зла и порока. Внутри начнет пробуждаться белая сила жизни, вы станете ближе к святому. И все удовольствия мира будут не нужны, ибо Бог прекраснее в тысячу раз. Вы будете любить одного Меня. Вы будете принадлежать только Богу. Вы устремитесь всецело к Моему бытию. Вы предадите и посвятите всего себя Единому. Это Он и пишет. Сладостная любовь к Богу сама есть счастье. Вам не нужны будут почти преходящие цели мира, нужен буду только Я. Вы окунетесь в блаженство преданности и любви внутри, и несравненное ни с чем в мире счастье затопит вас. Вы склоните голову на колени Богу и вверите себя Ему. Повторяйте имя Единого и сконцентрируйтесь на Моей необъятности. Любовь польется к Богу, но любовь польется ко всему. Любовь может быть уже, или от вас начнет исходить Добро.

Посвятите себя всецело Богу, и вы увидите все миры наяву, и не только миры тьмы, но и дивные миры света. Там все прекрасно и совершенно или сказочно чисто и красиво. Там золотой ангел может танцевать на кронах прекрасных деревьев, всех в золотом и немного в розовом свете. Выше там все бело как снег, и часто там стоят небесные божественно красивые здания. Выше небес — обширные белые пустынные просторы. Это вершина надразума. На самой выси там — вечная безбрежная ночь Бога. Она практически не имеет форм, это нирвана. Выше — бесконечный свет Всевышнего в сверхразуме. Ниже, на белых небесах Бога надразума и в мирах ангелов под ними, — великие города света. Иногда там есть прекрасные сады блаженства и любви, но чаще — великий

град совершенной красоты. Там исполинские мосты и божественные формы неземного совершенства.

Ад страшен, как ничто иное. Там черное страшное уродское грозно-похожее чудовище будет ворочать клешнями во мраке подземелья. Увидите — поймете, что все фильмы ужасов ваших TV — лишь цветы слабых отзвуков Того. Это даже страшнее. Там черная карма испепеляется довольно тяжело. Там черная нечисть будет бить вас без конца железными бедрами ада. Или кто-то будет закутывать в сеть из полуосьминога-полупаука, очень похожего на миф, как скажут. Ну и ради Бога, кто служил этой Вечной силе, увидит сам. Еще есть суровая ледяная смерть у Кордарана. Это уже высоко, даже на грани витального и нижнего ментального планов. Это какая-то зона, отрезанная дьяволом от первых над миром тьмы небес добра. Вообще ментальный мир выше тьмы, но иногда там есть зоны, захваченные дьяволом. Они иногда есть где-то внизу ментальной сферы, в зоне рассудка или интеллекта. Только Бог-спаситель или стойкость внутри и ровность и беспристрастность как раз и помощь. И если вы вручили себя Мне, то Я проведу вас сквозь все.

Подземные миры вечной ночи ниже астрального или витального мира не всем даются. Астральный мир — царство серой жути, но где-то она кончается. Это светлоцветный витальный мир на вершине, это еще демонические полунебеса. Там красиво и романтично. Но миров, всех залитых светом, небесной ангельской красоты, как написал Роуз против чужих вер, там нет. Там полусвет и иногда в каких-то местах уже настоящий свет. А в мирах света свет заливают все. Да все мимо, миры эти — то оккультизм, страсть любви к мирам, а не к Богу, который есть Один. А то есть подземелье, ниже этих астральных миров есть черная тьма или беспробудный мрак. Там никогда не горел свет. Там хуже подземелья. Там мрак покрыт чернотой бессознания и антицивилизации, где миров уже нет. Это ослепительное совсем темное дно мрака, оно ниже астрального мира демонов. Адские миры немного внизу астрала и еще больше ниже, и там — как в Тартаре. Это черный, залитый непроглядной тьмой остов сурового мира антиблаженства. Он переходит в отрицание просто са-

мого бессмертного светлого существования. Это — отрицание вечного существования. Это — суть Бога: там — темное «анти», где нет существования, и полное отрицание блаженства. И Бог есть чистый свет, и в суперразуме он сияет совсем. Это верховное светлое сознание. Там безбрежные золотые пустыни почти без форм, а выше — совсем без форм. А там, в самом низу, — антимир, где, как и наверху, миры почти кончаются. Там — почти безвидная суть, где в черном мраке распростерты черные по цвету тела, полные тоски и ужаса. Там — чудовища и страшные огромные насекомые. Там мир исчез в глубине, и место застывшей в мраке антивечности, это — суровая правда. И знает этот подземный мир вечного мрака в опыте Коровин, но антивечность знают Мать и Шри Ауробиндо.

Вот и полюбите одного Всевышнего, и не будет тьмы. Кто не имеет кармы, не изведает полную обойму тьмы, и хватит об этом.

Еще глубже пустой и чистой нирваны от мыслей в уме будет «я» вечное, «я» света любви и блаженства. Это светлый осколок Бога в сердце. Оно бессмертно. Оно переживает века. Оно путешествует через рождение и смерть, и время не властно над ним. Это огненная роза внутри, цветущая блаженством и любовью. Это пламя любви, поднимающееся к Первоисточнику. Это любовь, отданная одному Богу и поющая от его близости. Это бессмертный, восхитительный сон блаженства, который будет с вами наяву. Это блаженство вышло из Меня и ко Мне обратит свое пламя устремления и свою любовь. Впрочем, оно полюбит и все существа, кошек и бабочек, или всех братьев и сестер в человеческом роде. Эта крошечная вечность внутри переживет все жизни: всепоглощающее время и всепожирающая смерть уносят индивидуальную личность, но это остается. Оно любит Бога, и когда вы его откроете, оно обернется ко Мне. Оно наполнит вас счастьем и блаженным самозабвением ради Всевышнего.

Найдешь «я» вечное и погубишь себя. Очень похоже говорил Кураев. А это «я» — часть Бога в сердце, ваша истина, сердцевина человека, не гибнущая никогда. Православные монахи исихазма ее тоже открыли. Они испытали

блаженство или умиление в сердце. Иногда они сливались с Богом, немного, а иногда — и полностью. Хотя это куда больше Индии и, затем, буддизма — единство с Безличным Богом или нирваной (сегодня Кураев стал светлее).

Выше безмолвия ума Бог безбрежный свыше. Глубже умильных слез — это сердце пробудилось — Бог внутри. Это уже соприкосновение с ним. Еще глубже надо пройти, и будет малая частица Его. Нечто будет петь торжествующий гимн: я вовек не умру, я вовек есть, я познал себя. Я люблю Бога, только Он есть, я — только его дитя в вечности. Я вовек не исчезну, я блаженный, я от Бога пришел и в Бога вернусь. Там будет по-другому, там — торжествующая музыка или безмолвный, может быть, взрыв ликующих снов, мысли, превзошедшие ваши в пять раз. Это не мысли, это даже не образы, а они уже лучше, это частица самого великого Того. Тем не менее войти туда тяжело. Нужно быть явно преданным Богу. Еще нужно пройти все внутри. Но уже не тьму и не ужасы, а все слои. Сначала, за физическим телом, — астральное тело страстей. За этим витальным телом есть тело разума, тело мыслей. В нем и есть внутренней свидетель. Там, глубже просто обычного ума, есть внутренний свидетель. Он отрешенно созерцает все события, мысли и чувства в вас. Он открывается, когда вы установите тишину в уме и станете безмятежны при всех обстоятельствах. И выше царства мысли есть великий свет Бога. Потому выше интеллекта-рассудка в вас есть око созерцателя светлых форм небес Бога. Это сила высшего ментального тела или тела света.

Свидетель независим от мира и от обстоятельств. Он касается в глубине «я» любви и блаженства в сердце, а снаружи касается обычного разума. Нирвана безмыслия и тишины ума будет близка этому свидетелю. Око в третьем глазу видит еще образы светлых миров и Образы Бога и Мою Бесконечность. Сначала оно созерцает свет. А миры — и то не самая вечная цель, только вы их будете видеть, Божественные сферы небес. Они не нужны как самая великая самоцель, но это будет. Это не то, что пройдет, но будет даже, наверное, превзойдено: позже все будет на основе предания

себя Всевышнему. Позже все будет на основе чистой любви к Богу, к нему почти одному, и полной медитации на Нем. Затем все будет на основе знания Единого. Вы будете принадлежать Богу, любить Его, найдете себя во Мне почти одном — а потом вы сольетесь со Мной. Сначала — предание себя Богу и полное посвящение себя Ему, потом — видение Единого, потом — единство со Мной. Но раньше вы увидите небеса света. И эти небеса в мире сердца прекраснее розового куста в десять раз. Эти небеса, как и немного ниже их небеса ментальные, светлы невиданным, дивным зрелищем удивительных сказочных форм. Это Бог своего величайшего в реальности существа проявил себя вниз уже конечным. Это миры дивного света, где все движется Богом. Там могут прекрасные белые легкрылые самолеты пронизать с гимном радости все пространства. Там — залитые золотым, голубым, золото-розовым светом в мире сердца и высокой интуиции, и дальше — ослепительно-белым, широкие и счастливые пейзажи сказочной красоты. И Предвечный и есть наивысший художник, нарисовавший все миры света, так что никто не сравнится с Ним.

А эта ментальная сущность внутри видит свет. Она может видеть даже и Бога, но она не может любить. Любовь в сердце, эта же сущность породнена с рассудком и выше его — с ментальными светлыми небесами. Она внутри грозная война — это никогда, но она — воин, она рассекает мечом все невежество. Снаружи меча нет, это внутри. Это отречение и сделает эта воля — хотя импульс идет из глубины вашего «я» в сердце. Будет вечная борьба будет, пока оно не пробудится и не затопит вас любовью. Любовь будет отдана Мне одному. Все существо обернется ко Мне. Я один должен буду влечь вас. Вы отдадите себя Богу, и именно Его воля будет нести вас на своих легких крыльях. Все мысли будут обращены ко Мне, величайшей реальности и Существо. Все дела будут посвящены Богу. Любовь будет отдана Мне. Она будет петь от счастья, что она любит Того, кто превосходит все. И она поможет отмыть вас от всех страстей и зла. Она предана одному Мне и любит только свет и добро. Она чиста и светла, ибо она пришла из Бога и к Богу вернется.

А это тело разума, может быть, уже сильнее вожделиний, если вы будете в нем жить. Там — медитативное безмолвие. Там — первый звук мистики: станьте глубже разума. Нирвана безмолвия или тишина мыслей и полный покой внутри — уже то. Надо устранить мысли, глядя на них, как будто пушинки пролетают и ветер их сдувает. Стереть, глядя на них, просто давая спокойно утихнуть движению ветра мысли — или сознательно отбрасывая, будто рукой выкидывая внутрь. Пустота может быть чарующей, если Вечный прольет свое очарование блаженства и позже — чарующую любовь. Или пустота сама сильна, как смерть мыслей, а вот и не только, нечто будет видеть. У кого-то видеть свет, у кого-то знать внутри человека, а кто-то сможет мыслить высшими притчами. И кроме отсутствия мыслей в уме, к покою и слиянию с вечным бытием ведут и отсутствие желаний и страстей, и пустота в витале.

Безмолвного свидетеля внутри тоже нужно пробудить, если вы будете созерцать себя изнутри, но выше есть вечность Единого. Поэтому главное, что надо, — это думать только обо Мне, любить Меня одного и всецело принадлежать Единому. И это и есть путь. Полная концентрация на Боге, преданность и любовь к Нему, поклонение Мне одному и медитация обо Мне — это средоточие бессмертия.

А существо в глубине сердца — частица вечного Бога, светлый родник блаженства и любви. Оно завоевывается и открывается преданностью Богу, сдачей Ему и концентрацией в сердце в середине груди. Это — одна из важнейших медитаций, и делайте ее.

После светлых сфер будет Бог. Он есть наивысшая истина. Сначала, наверное, придут мир и обычно частичное безмолвие ума. Затем, через любовь к Богу, пробудится сердце. Оно залито щемящим блаженством, и потом блаженство станет чистым. Оно взметнет ввысь пламя любви и обратит все существо к Богу. Внутри будет сердце, это очень малый Бог в вас. А потом приду Я свыше. Мое блаженство обширнее в миллион раз и самое интенсивное. Моя бесконечность — самая великая. И познать Меня и значит достигнуть наивысшего.

Чтобы открыть сердце, концентрируйтесь с любовью и преданностью Богу в середине груди и просто любите Бога. Только это «я» пробудить трудно. Осознать ментальные сферы света и то легче. Чистое «я» разума, отреченное от похоти и всех бурь гнева и обид или раздражения, черной ненависти и зависти, да будет вашим проводником сначала. Оно будет сильным и неподвижным внутри. Сила его не витальная. Она спокойного созерцателя и сильной воли йога-аскета, и даже святого. Они тоже знали высшее «я» разума в человеке, не контролируемого страстями, а контролирующего их. Это сильнее просто рассудка, волочащего полноги на поводу страсти и волочащего страсти в свою новую философию. А вот атман, часть Бога внутри, еще глубже. Это последнее, и этого нет в религиях Запада, но только в их философии. Хотя светлый святой Сарова тоже к этому прикасался, раз он говорил всем: «Радость моя!». Ибо это — светлое блаженство, льющееся изнутри. Франциск мог быть этим. Исихасты православия и были этим, как раз в органе сердца это и есть. Там — внутреннее существо любви, часть Бога, и они к нему прикоснулись. Оно еще глубже тихого внутреннего разума. Это существо устремлено только к свету и только ко Мне. Оно будет познано вами, когда вы захотите любить только Бога. Оно обратит все существо к внутренней чистоте, но прежде всего — только ко Мне. Оно поет от любви и слагает себя перед очами Бога на землю.

Но дальше наступает вечная волна, которая несет вас в безбрежность. Вечная песнь внутри сливается с вечной тишиной свыше. Осознание «я» глубинного сердца или части Бога внутри и было у исихастов. Но выше идет Единый, и это — растворение в Моей бесконечности еще над этим сердцем.

Эта сущность в сердце еще сначала будет преданным служителем Бога. Вы увидите свет изнутри, и блаженство, и счастливую любовь, ощутите любовь к одному Единому. Вы коснетесь вечности прямым касанием, но скорее расцветете у ног Всевышнего. Оно мало, как часть Бога, и следующей фазой оно волеется в Него. Сначала будут еще отделенность и любящее дитя Бога внутри, потом отделенность уйдет.

Первое созвучно небесам света, следующее — высь надразума. Но до раскрытия прекрасной любви в сердце часто придет небольшое видение света или зрелище небес, но обычно пониже. Вот и надо ликвидировать пробел цивилизации, вовсе не созерцавший света. И тем более она не слилась с вечным и необъятным Единым. Йоги Индии и вечной мудрости, которая познала безбрежного Единого, тоже пока нет в мире. Нет почти Саи Бабы, аватара с его вечной мудростью и чудесами. Нет Шри Чинмоя, любящего и нежного сердца. Нет Шри Ауробиндо, величайшего мыслителя Бога. А он составил, наверное, самую великую и обширную мистическую философию всех времен. Он осознал Бога во всей Его полноте. Он целиком познал Бога и соединил его с божественной жизнью в мире, и принес миру божественную трансформу тела. И он и есть самый великий мистик Земли.

И это — явный пробел современной цивилизации. Ниже — силы света, этих тоже почти нет. Рерихи, Пророки и Кинг этим были. Итак, любите свет и войдете в небесный мир, скажут люди света и его ангельских владык. А вот и пусть так скажут, Я все равно делаю меньшую истину подчиненной пути Бога. Это чистая сладостная любовь ко Мне и слияние с Моим необъятным безмолвием. Сначала это преданность Богу и самоотдача ему. Сперва это медитация осознания любящего и блаженного сердца внутри, что и есть Моя часть. Она познается на коленях у Бога. Она познается Преданием себя Всевышнему и любовью ко Мне. И она познается концентрацией в глубине сердца в центре груди. Но просто видение света и любовь к ангелам ниже вечного бытия. Ваше «я» не растворяется тогда в океане Бога. Этого достигнете через любовь и преданность Мне, медитацию бесконечности и стирание малого «я». Полная ликвидация малого «я», тишина мыслей, отсутствие желаний и страстей и постоянная концентрация на необъятности Бога и единстве с ней — это путь к слиянию с Богом. Тогда и сольетесь с океаном тишины. Тогда станете необъятным, но малого личного «я» не будет. И сладостная любовь и преданность Богу — это тоже открытая калитка в вечность. И океаны бессмертия будут вами испытаны.

Возлюбите Бога больше всего. Сконцентрируйтесь в груди и любовью и преклонением перед Богом пробудите сердце. Отгоните мысли и установите внутри покой. Посвятите всего себя Всевышнему. Служите ему, ищите его волю и медитируйте на Мою бесконечность. Представляйте мысленно безбрежный океан и стремитесь слиться с ним. Растворите свое малое «я». Отдайте себя Единому в начале пути. Сконцентрируйтесь в центре между бровей и познайте божественный свет. Но сначала придут миры тьмы, и, вручив себя Богу и очистив себя от страстей, желаний и зла, поднимитесь над ними. Пусть к вам придет золотой или белый сияющий свет. Но когда-то вы захотите только Меня. Сосредоточьтесь на Мне одном, на Моей необъятности, и слейтесь с Ней. Представляйте необъятный океан, расширяйте себя в Него и сливайтесь с Ним. Будьте преданы Богу, любите его больше всего и, преодолев свое малое «я», слейтесь с его необъятностью.

Сначала прольются капли из чистого истока внутри. Это сердце любви и блаженства. Любовь обращена только к Единому, хотя она может любить, и всё. Птица небесного света вылетит из тайного храма в сердце, навстречу Величайшей реальности. Она поднимается к Наивысшему. Птицы света и знания летят с горных высей Бога навстречу восходящей любви и самоотдаче души. Голубь несет вечность Бога в своем клюве, его мудрость и любовь. Любовь христиан. Мудрость этой книги. Выше мудрости есть «Я» Единого. Знать ее и есть почти наивысшая мудрость. Это — бездонное, необъятное бытие, тихое и невозмутимое. Оно и будет вами.

Итак, устранили мысли. Смотрите на них и отгоняйте их, или просто смотрите, и они уйдут. Это раз. Предайте себя Богу полностью и возлюбите его больше всего, это второе. Третье: медитативно погрузитесь в сердце в середине груди, где любовь и вечность. С преданностью Богу войдите туда и познайте сокровенное счастливое существо. Оно любит, ибо оно и есть любовь. Оно любит Бога, ибо хочет попасть туда, откуда оно вышло. Четвертое: отмойте себя от греха и самолюбия, и честолюбия. Устраните все страсти и занимайтесь сексом не чаще, чем раз в десять дней. Устраните все волны гнева и зла внутри. Пятое: сосредоточьтесь в третьем глазу между бровей

с закрытыми глазами. Будьте преданы Мне, любите всем сердцем Меня, и посвятите эту медитацию Предвечному. Пройдите мир тьмы и узрите прекрасный голубой и золотой свет. А потом вы увидите и Бога в его могучих сияющих образах и в его светлой бесконечности без формы. Шестое: вспоминайте свои сны, посвятив это Богу, и пройдите миры тьмы и даже света. Бог понесет вас на крыльях своей вечной воли, раз вы любите его. Седьмое: сосредоточьтесь на Боге, но медитируйте в сердце в центре груди. Посвятите всего себя Богу. Думайте обо Мне одном. Отдайте себя Всевышнему. Любите только Его одного. Любите Меня всем сердцем и посвящайте Мне свои дела. Поклоняйтесь Богу в форме и без формы, в Образе и в бесконечности. Служите Богу, отдайте свою волю Мне, хотя применяйте ее пока, и водопад милости прольется на ваш дух. Медитируйте на Мне, величайшем. Познайте сердце, и тогда фонтан любви выльется оттуда. Вы будете поклоняться Мне, думать обо Мне и стремиться только ко Мне. Вы будете целовать подножие Моих ног. Вы сконцентрируетесь только на Моем безграничном бытии или сначала на Моем Образе.

Медитируйте еще в точке над головой, где безмолвное безбрежное сознание. Мысленно созерцайте там безбрежность Бога. Пробудите внутренний дух в сердце любви и счастья, или в голове где-то в середине между бровей, где другое сердце, видения. И это — и то не величайший путь третьего глаза. Величайший путь — это посвящение и самоотдача Богу и слияние с Ним. А над головой можно пережить бесформенное бесконечное сознание. Там — главный светлый центр Абсолюта и вечного сознания в человеке. И концентрируетесь там сначала скорее реже, хотя каждый определит последовательность для себя сам. Переживите миры, раздвигая сознание за тело и немного осознавая сны. Вспоминайте их сразу после сна, будучи неподвижным, или будучи сознательным во время сна. Но пусть эта медитация будет на втором пункте после преданности и любви к Богу и концентрации на Мне. Поднимитесь над витальным миром тьмы в ментальный мир света небес, а это и есть высшие и сверхсознательные сферы ума. Поднимитесь потом и над ними, в Единого. И потом уйдите в Бога и растворите себя в нем. И тогда вы

превратитесь в Мои вечность и необъятность. Для этого сокрушите свое эго или обособленное и занятое собой и эгоцентрическое «я». И медитируйте под конец на раздвижение сознания. Представляйте, что вы становитесь с комнату, затем — с дом, и затем — еще шире. Концентрируйтесь на Моей бесконечности и сливайтесь с ней. Представляйте безбрежный океан и вливайтесь в него. Сперва — чистейшая любовь к Богу, потом — сам Он и растворение в нем. Вот это и есть истина.

Последняя истина — сверхразум. Это сфера бесконечной силы и личности Бога, а не только покоя и тишины. Туда подняться еще сложнее и озарить мир его сознанием, кто избрал путь Шри Ауробиндо. Тайна выше истины Его сверхъединства уже не совсем доступна, ее просто не взять: там иногда можно не вернуться на Землю, ибо это — бездонная и почти совсем неопишуемая бесконечность. Но в зоне начала этой величайшей бесконечности совсем без форм еще можно жить, оставаясь в теле. Там — сфера бесконечного блаженства.

Эта книга написана Всевышним и записана от него мистиком Коровиным. Она была создана на основе радикально переработанной книги о Тонких мирах, которую он сначала записал от сил света. Им была записана эта книга от сил света и немного уже от Господа, и Сериковой отдали 32% этой книги. Эта книга была тогда явно ниже. Ее путь приводил в основном на светлые небеса ангелов, или ментальный план, и лишь отчасти выше. Теперь она полностью стала книгой Единого Бога. Ее путь ведет через любовь, преданность и самоотдачу Мне, и через медитацию немного меньше; прямо в Мою бесконечность и к единству с ней.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 1. НАЧАЛО ЙОГИ. ОЗАРЕНИЯ РАЗУМА О МИСТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Глава 1. Планетарная цивилизация разума, ее достоинства и ограничения	3
Глава 2. Сущность духовной жизни	19
Глава 3. Мистический опыт	43

ЧАСТЬ 2. НЕБЕСА СВЕТА И ВСЕВЫШНИЙ (2003–2011 ГГ.)

Глава 1. Смерти нет	77
Глава 2. Познание Бога наяву	80
Глава 3. Лестница небесных миров	83
Глава 4. Великие бесконечности Бога	90
Глава 5. Предвечный Единый	98
Глава 6. Метод пути	105
Глава 7. Знание Единого, основанное на видении Меня и слиянии со Мной	111
Глава 8. Эзотерики света и мистики Бесконечного Бога	115
Глава 9. Осуждение Богом религиозной нетерпимости	133
Глава 10. О царстве светлой мистики, идущей в мир	135
Глава 11. Небеса и Единый	149
Глава 12. Сам Бог, идущий в мир	161
Глава 13. О русской культуре, ее мистическом компоненте и о русской истории	165

Глава 14. Новые великие мистики Индии, идушие в мир.....	194
Глава 15. Миры рассудочного разума и миры света	204
Глава 15. Сердце любви и бесконечность Бога	231
Глава 16. Миры света и Единый	232
Глава 17. Разум света, искусство авангарда, наука, философия и разум — и Вечность Бога	243
Глава 18. Путь Бога и медитации	255